

Василий Осипович
Ключевский
1841—1911

В.О. Ключевский

ТЕТРАДЬ С АФОРИЗМАМИ

Афоризмы и мысли об истории

Москва
«ЭКСМО-Пресс»
2001

УДК 882
ББК 87.7
К 52

Дизайн книги *А. Воронкова*

Составление, подготовка текста *И. Лосиевского*

В книге использована графика *Г. Нарбута*

Серия основана в 1999 году

Ключевский В.О.

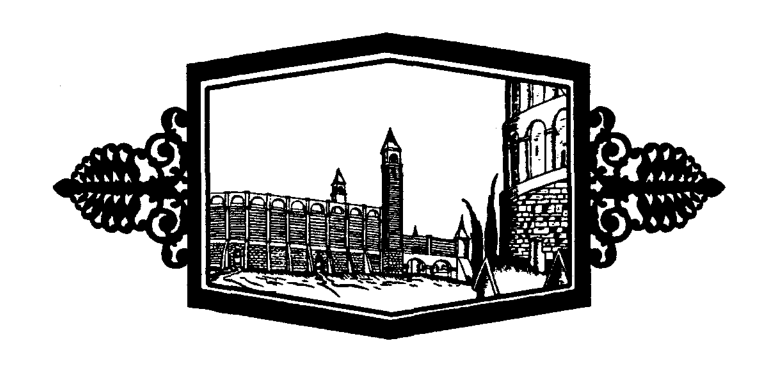
К 52 Тетрадь с афоризмами: — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во «Око», 2001. — 432 с. (Серия «Антология мудрости»).

ISBN 5-04-007268-6

«Было бы сердце, а печали найдутся». Уже на основании одной этой фразы можно утверждать — книгу В.О. Ключевского следовало бы назвать «Афоризмы русского историка». Ее наполняют тонкие наблюдения едкого и на редкость трезвого ума, в которых сочетаются французская фривольная живость, английское суховатое изящество, немецкая докторальная педантичность и... русское беспощадное правдолюбие. А все вместе — отличный «точильный камень» для современного ума: «Каприз — половая категория дамского мышления, не замеченная Кантом»; «Почему от священнослужителя требуют благочестия, когда врачу не вменяется в обязанность самому быть здоровым?»; «Детальное изучение отдельных органов отучает понимать жизнь всего организма» и т.д. С их автором иногда хочется спорить, чаще — соглашаться, но несомненно — скучать с ним не придется.

УДК 882
ББК 87.7

ISBN 5-04-007268-6

ИСКУССТВО БЫТЬ ИСТОРИКОМ

Цезарь не выше грамматиков»,— говорили древние римляне. Историк не стремится стать «выше Цезаря», но он, историк, пытается понять Цезаря, вживаясь в его образ и в образ его эпохи. А владеть словом историк должен не хуже грамматиков, ораторов или литераторов. Под его пером история словно забывает, что теперь она — всего лишь ворох потемневших от времени руин и хартий,— она снова становится жизнью — ареной человеческих страстей, побед и поражений. Земным миром, исполненным противоречий и стремящемся к вселенской гармонии.

Историк всматривается в прошлое, и, если перефразировать известный афоризм, прошлое начинает всматриваться в него. Кто он теперь — свой среди чужих? Такой

же человек, как все, живущий «у времени в плену». Только это время неизмеримо шире того времени, в котором он живет как частное лицо. Историк преодолевает полосу отчуждения — *там* он уже свой среди своих,— и нам, читателям, начинает казаться, что историк знает больше, чем говорит, и до сих пор о чем-то перешептывается с дружинником великого князя Ярослава, со свидетелями Смуты (начало XVII века), с екатерининскими придворными...

Ему удается, зная бездну исторических анекдотов, не пропасть в этой бездне, но обнаружить начала и концы поразительных событий, проследить их ход и едва уловимые связи между ними на протяжении столетий и... предсказать будущее.

Такое удавалось только великим историкам, и среди них — Василий Осипович Ключевский (1841—1911). Историк от Бога.

Какой он был человек? Общительный, всегда немного ироничный и вместе с тем прямой, никогда не льстящий начальству и умеющий радоваться успеху ученика. Впечатлительный, быстрый в движениях, однако умеющий себя «притормозить», сосредоточиться на главной работе, как он говорил, «не боясь себя и кабинетной тишины». Ключевский был предан своему делу, верил в особую, гуманистическую миссию историка-ученого и педагога, призванного будить в народе и в каждом человеке его самосознание, чувство собственного достоинства. Он был, что называется, человеком твердых принципов, человеком веры и действия.

Молодой Ключевский однажды попросил Бога сохранить хоть каплю «веры в людей, следовательно, и в себя» (запись в дневнике 23 марта 1867 года), и эта его просьба не была оставлена без внимания.

Вглядываясь в сохранившиеся фотопортреты этого человека, замечаешь то, что можно назвать приметами времени. Ключевский подчас — то в шутку, то всерьез — занимался «типологией российской профессуры», но и сам, вольно или невольно, отражал характерные для ее представителей черты. Сразу видно — по одежде, по не очень-то ухоженной бородке, по надтреснутой дужке очков, что этот — из разночинцев. Так оно и есть: Ключевский родился и вырос в семье сельского священника. Есть в этих фотопортретах и то, что уже принадлежит вечности, а не конкретному времени и конкретной среде,— светящийся в его глазах всепроникающий ум, художнический дар историка.

Дедовские предания, рассказы крестьян о «старом времени» — это были первые исторические впечатления мальчика, и постепенно к нему пришло понимание, что он — только звено в крепкой родовой цепи, протянувшейся через века. Интерес юного Василия к эпохе дедов и прадедов — это уже предыстория творческой жизни Ключевского.

В Пензенской духовной семинарии он быстро овладел «мертвыми» языками, а также французским и немецким, тогда же впервые открыл учебник по отечественной истории.

Эта история вдруг ожила в лекциях Ф. И. Буслаева, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина — Ключевский слушал их, блестящих ученых и преподавателей, в аудиториях Московского университета, где он учился в первой половине 1860-х годов. Уже в семинарии Василий был первым учеником по многим предметам, и его историко-литературная одаренность была замечена университетскими профессорами. В 1865 году, по окончании курса, он был оставлен при кафедре русской истории «для подготовки к профессорскому званию».

В первых же исследованиях молодого Ключевского раз и навсегда определился круг его научных интересов. Это — вся российская история, рассматриваемая не только как история правящих династий и правительств, но как широкое течение общественной жизни, где возникают созидательные и разрушительные движения, и, чаще всего, одно из этих движений приобретает решающее значение. «История по Ключевскому» — процесс «не логический, а народно-психологический», «проявление сил и свойств человеческого духа, развиваемых общежитием»,— так определил он сам предмет своих научных занятий.

Ключевский восстанавливает по крупицам картину повседневной жизни разных народных слоев, исследует духовный мир человека русского Средневековья — в работе «Сказания иностранцев о Московском государстве» (М., 1866), в магистерской диссертации «Древнерусские жития святых как исторический источник» (М., 1871). Он заявил о себе как историк, могущий быть одновременно философом и социологом, культурологом, правоведом, религиеведом, этнографом, филологом и литератором.

Говоря по-современному, Ключевский относится к типу историка-концептуалиста, новатора, создающего свою философию истории. Представителям этого типа нередко свойственно более или менее выраженное пренебрежение к эмпирическим исследованиям, кропотливой работе по собиранию исторических фактов; побеждает стремление во что бы то ни стало переписать историю, опираясь на «избранные» факты, не вполне обоснованно выдвинутые на передний план.

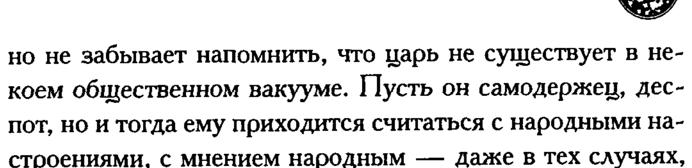
Такие факты и становятся кирпичиками их смелых теорий и концепций (новейшие примеры — А. Дж. Тойнби, Лев Гумилев). В трудах Ключевского, сколь бы смелы ни были его гипотезы, трудно, даже невозможно, найти хотя бы одну неаргументированную мысль: они всегда основываются на результатах изучения всей совокупности сохранившихся, доступных документов. Например, работая над магистерской диссертацией, Ключевский в тече-

ние шести лет исследовал почти пять тысяч древнерусских рукописей — произведений житийной литературы.

Однако Ключевский не следует за документами неотступно, как его учитель — С. М. Соловьев, автор 29 томов «Истории России с древнейших времен». Внимая голосу каждого источника, Ключевский видит и то, чего этот конкретный источник не знает. Историк обладает удивительной способностью проникать в дух далекой эпохи и вместе с тем смотреть на события прошлого современным взглядом, как говорил он сам, «прилагая к прошлому современную нравственную оценку». Через полвека так будет работать и Юрий Тынянов — историк, литературовед, писатель, говоривший: «Где умолкает документ — я начинаю».

В фундаментальном исследовании Ключевского «Боярская дума древней Руси» (М., 1881) — его докторской диссертации — совершенно по-новому раскрыта тема, уже привлекавшая многих историков, начиная с Татищева и Карамзина: сложная жизнь этого государственного органа исследуется не сама по себе, а как история сотрудничества и противоборства разных социальных слоев и групп, участвовавших в управлении страной, в государственных преобразованиях X—XVIII веков.

Ключевский не умаляет роли выдающейся личности в истории, наоборот, всматривается в лица случайных и неслучайных правителей России, создает их портреты,

но не забывает напомнить, что царь не существует в некоем общественном вакууме. Пусть он самодержец, деспот, но и тогда ему приходится считаться с народными настроениями, с мнением народным — даже в тех случаях, когда «народ безмолвствует».

Гений Ключевского, историка-художника, мастера исторической живописи, с особенной силой проявился в главном его труде «Курс русской истории» (1903—1911). В источниковедческом аспекте эта работа заметно уступает соловьевской «Истории» и в значительной мере основывается на уже известных документальных материалах. Но нет в русской историографии другого такого сочинения о России — всеохватывающего, панорамного, созданного методом научно-художественного обобщения.

Ключевский предлагает свой, свободный от каких-либо спекуляций взгляд на отечественную историю. Не диктует и не навязывает свое видение истории России с древности по XIX столетие. Повествуя о прошлом, Ключевский находится в постоянном диалоге и с историческими персонажами, и со своими современниками, среди которых он уже видит персонажей российской истории Новейшего времени.

Этот труд стал классическим и необычайно популярным потому также, что он написан образным, афористичным и одновременно ясным, предельно точным языком. В «Истории по Ключевскому» возникают «живые обра-

зы времен», и нельзя не признать их «неотразимую жизненную правду и осязательную реальность»,— так писал о «Курсе» один из рецензентов в 1914 году.

Искусством устной научной речи Ключевский владел столь же блистательно: он преподавал в течение сорока пяти лет и его лекции проходили в переполненных аудиториях — в Московском университете, Духовной академии, во многих других учебных заведениях Москвы.

«История по Ключевскому», выходя за рамки традиционной, академической историографии, продолжилась в исторических картинах художников А. М. Васнецова и В. А. Серова, в исторических образах, созданных Ф. И. Шаляпиным после бесед с великим историком.

Творчески открытый искусству, Ключевский с юности сочинял стихи, порывался писать художественную прозу, однако это не было у него достаточно регулярным, профессиональным занятием, как, скажем, у Карамзина. Писательская судьба — еще один путь, по которому он мог пройти (не случайно в его дневнике и письмах 60-х годов мелькает образ богатыря на распутье «трех жизненных дорог»), но Ключевский выбрал другой путь и, конечно, не ошибся.

И все же художественное мышление постоянно проявляется в его научных работах, лекциях, речах по тому или иному поводу, к историческим датам и т. д. Художественное начало присутствует в дневниках и письмах историка.

Он мог не только «оживить» былое, но и остановить мгновенье своей собственной жизни, сохранить навсегда, например, теплую влажность весеннего дня и себя в нем — со своими мыслями, переживаниями, надеждами. И дневниковая запись становилась стихотворением в прозе:

«Опять на душе тот теплый пар, среди которого легко и свободно распускаются привычные и все еще не надоевшие думы. Сырой ночной дождь лежит еще свежими лужами. Месяц с чистого, жидко-голубого неба сыплет дождем по воде свои играющие блестки, пытливо, дерзко заглядывая в самое гнездо моих дум,— и они с тревогой подымаются, как спугнутые птицы» (24 апреля 1868 года).

Наблюдения Ключевского над текстами художественных произведений, рассуждения его о литературе необыкновенно интересны, основательны, порой парадоксальны, категоричны — и все-таки интересны. Чувствуется, что эта стихия была родственна его мироощущению, с нею историк связывал свои представления о возможностях познания — бо́льших, чем могут дать научные методы и теории. Ключевский даже заявлял, что в «Капитанской дочке» больше истории, чем в пушкинской же «Истории Пугачева»... Ключевскому принадлежат статьи и заметки о писателях XVIII века, о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Достоевском, Толстом, Чехове.

Личность Василия Осиповича Ключевского с не меньшей выразительностью отражена в его знаменитых афо-

ризмах — отточенных словесных миниатюрах, которые ученый записывал в отдельные тетради, а также на оборотах листов своих научных рукописей, на почтовых конвертах, на первом попавшемся клочке бумаги.

Афоризм оказался научно-художественной формой сгущения и одновременно прояснения мысли: одной-двумя фразами характеризуется глубинная суть исторического явления или создается запоминающийся портрет исторического лица.

Среди афоризмов, из которых можно было бы составить целую книгу «Мысли об истории» (сам автор перед собой такой цели не ставил, записывая исторические и прочие максимы вперемежку), есть и такие, которые по своему научному содержанию равноценны выводам специальных монографий на эти темы, написанных позднее, историками середины и второй половины XX века. И некоторые современные авторы, в том числе и зарубежные, отмечают в предисловиях к своим трудам, что темой и направленностью исследования обязаны счастливым мыслям Ключевского, изложенным в афористической форме! Тут что не максима, даже самая краткая,— то научная концепция:

«Порицать Петра не значит оправдывать его преемников».

«Державная дочь Петра <...> восстала против смертной казни, показав тем пример европейским законодателям».

«Армию из машины, автоматически движущейся и стреляющей по мановению полководца, Суворов превратил в нравственную силу, органически и духовно сплоченную с своим вождем». И т. д.

Наряду с «мыслями об истории», Ключевский оставил множество замечательных наблюдений и рассуждений о человеческой природе вообще, о современном обществе, об идеалах, достижениях, чувствах, ошибках и предрассудках людей. Это — свидетельства большого жизненного опыта ученого, здесь много доброго юмора, нередка ирония — порой убийственная. «Мрачноватые» афоризмы — возможно, следствие плохого настроения автора, каких-то текущих неприятностей и неудач. Большинство же миниатюр написано с любовью к людям и верой в них.

Ключевский — мастер афористики — может быть поставлен в один ряд с Ларошфуко и Паскалем, Лабрюйером и Гете. Многие высказывания русского историка стали крылатыми:

«Легче притворится великим, чем быть им».

«Крепкие слова не могут быть сильными доказательствами».

«Уметь разборчиво писать — первое правило вежливости».

«Лучший филологический стиль — лапидарный». И т. д.

Рождались эти афоризмы большей частью как экспромты. Лекции Ключевского, повседневная речь ученого — свидетельствуют современники — была насыщена подобными формулировками, похожими на вспышки света, благодаря которым вдруг обнаруживается огромное пространство, ранее едва различаемое. Помня давнюю истину: «записанное остается», Ключевский заносил эти экспромты на бумагу, а уже потом, после отделки, возвращал их в свои лекционные курсы.

При подготовке одного из разделов настоящего издания впервые была проделана обратная работа: из «Курса русской истории» — из основного текста, вариантов и черновиков,— извлечены афористические фрагменты, обладающие логической завершенностью и самоценностью. Вне контекста, в силу своей многозначности, они теперь обретают новые звучания и смысловые оттенки. А другие разделы книги составили в основном афоризмы, пущенные в «свободное плавание» самим автором,— из тетрадей, записной книжки, других рукописей.

Обращаясь к изучению событий и лиц Нового времени, Ключевский признается читателям своего «Курса»: «...Чувствуешь, что, чем дальше, тем больше входишь в область автобиографии, подступаешь к изучению самого себя, своего собственного духовного содержания, насколько оно связано с прошлым нашего Отечества».

И хотя Ключевский говорил об историках, что они крепки лишь «задним умом», знают «настоящее с тыла, а не с лица», сам он никогда не отстранялся от современности и однажды — уже в конце своей жизни — чуть было не стал политическим деятелем: в 1906 году баллотировался в Государственную Думу, однако избран не был.

С тревогой наблюдал историк за революционными событиями в России, за нарастанием «новой Смуты» в умах и душах людей. Спасение и будущее России виделись ему в «непрерывном взаимодействии правительственной власти и народного представительства». Увы, после Октябрьского переворота 1917 года и разгона Учредительного Собрания в январе 1918-го и до самого конца XX века это конструктивное взаимодействие так и не стало фактом российской действительности.

В «Тетради с афоризмами» Ключевского есть максимы, пророческий смысл которых проясняется только сегодня. Все, что произошло с Россией в XX веке, предсказано им в двух максимах, первая из которых открывает, а вторая заключает эту рукопись:

«Закономерность исторических явлений обратно пропорциональна их духовности».

«Хотеть быть чем-то другим, а не самим собой, значит хотеть стать ничем».

И еще, из других тетрадей — сбывшиеся пророчества, от которых и теперь становится страшно:

«Ты (русский народ.— *И. Л.*) являешься каким-то голым существом после тысячелетней жизни... Ты, как бесприданная фривольная невеста, осужден на позорную участь сидеть у моря и ждать благодетельного жениха, который бы взял тебя в свои руки,— а не то ты принуждена будешь отдаться первому покупщику, который, разрядив и оборвав тебя со всех сторон, бросит тебя потом, как ненужную, истасканную тряпку».

О «женихах»: «Чтобы согреть Россию, они готовы сжечь ее».

Как видим, не нужно быть астрологом, чтобы предсказывать будущее. Надо быть Ключевским. Порой он произносил мрачные сентенции, но никогда не терял надежды. Читайте историка, если хотите выяснить, говоря словами другого великого мыслителя, «причину самих себя».

Игорь Лосиевский

МАКСИМЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Из «Курса русской историй»

МАКСИМЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Из «Курса русской истории»

се, что совершается во времени, имеет свою историю. Содержанием истории как отдельной науки, специальной отрасли научного знания служит исторический процесс, т. е. ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества в ее развитии и результатах.

•◆•

Человеческое общежитие — такой же факт мирового бытия, как и жизнь окружающей нас природы, и научное познание этого факта — такая же неустранимая потребность человеческого ума, как и изучение жизни этой природы. Человеческое общежитие выражается в разнооб-

разных людских союзах, которые могут быть названы историческими телами и которые возникают, растут и размножаются, переходят один в другой и, наконец, разрушаются,— словом, рождаются, живут и умирают подобно органическим телам природы. Возникновение, рост и смена этих союзов со всеми условиями и последствиями их жизни и есть то, что мы называем историческим процессом.

•◆•

Исторический процесс вскрывается в явлениях человеческой жизни, известия о которых сохранились в исторических памятниках или источниках. Явления эти необозримо разнообразны, касаются международных отношений, внешней и внутренней жизни отдельных народов, деятельности отдельных лиц среди того или другого народа. Все эти явления складываются в великую жизненную борьбу, которую вело и ведет человечество, стремясь к целям, им себе поставленным.

•◆•

Сложившегося порядка люди держатся, пока непрерывное движение исторической драмы не заменит его другим. Во всех этих изменениях историка занимают два основных предмета, которые он старается разглядеть в волнистом потоке исторической жизни, как она отражается в источниках.

•◆•

Успехи людского общежития, приобретения культуры или цивилизации, которыми пользуются в большей или меньшей степени отдельные народы, не суть плоды только их деятельности, а созданы совместными или преемственными усилиями всех культурных народов, и ход их накопления не может быть изображен в тесных рамках какой-либо местной истории, которая может только указать связь местной цивилизации с общечеловеческой, участие отдельного народа в общей культурной работе или по крайней мере в плодах этой работы.

•◆•

Рассматривая явления в очень большом масштабе, всеобщая история сосредоточивается главным образом на культурных завоеваниях, которых удалось достигнуть тому или другому народу. Наоборот, когда особо изучается история отдельного народа, кругозор изучающего стесняется самым предметом изучения. Здесь наблюдению не подлежит ни взаимодействие народов, ни их сравнительное культурное значение, ни их историческое преемство: преемственно сменявшиеся народы здесь рассматриваются не как последовательные моменты цивилизации, не как

фазы человеческого развития, а рассматриваются сами в себе, как отдельные этнографические особи, в которых, повторяясь, видоизменялись известные процессы общежития, те или другие сочетания условий человеческой жизни.

•◆•

Эта непрерывная смена народов на исторической сцене, этот вечно изменяющийся подбор исторических сил и условий может показаться игрой случайностей, лишающей историческую жизнь всякой планомерности и закономерности.

•◆•

По условиям своего земного бытия человеческая природа, как в отдельных лицах, так и в целых народах, раскрывается не вся вдруг целиком, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствам места и времени.

•◆•

Тайна исторического процесса, собственно, не в странах и народах, по крайней мере не исключительно в них самих, в их внутренних, постоянных, данных раз навсегда особенностях, а в тех многообразных и изменчивых, счастливых или неудачных сочетаниях внешних и внутренних условий развития, какие складываются в известных странах для того или другого народа на более или менее продолжительное время.

•◆•

Известно, какую важную роль играют в людских отношениях пример, подражание, зависть, соперничество, а ведь эти могущественные пружины общежития вызываются к действию только при нашей встрече с ближними, т. е. навязываются нам обществом.

•◆•

Элементы общежития — это либо свойства и потребности нашей природы, физической и духовной, либо стремления и цели, какие рождаются из этих свойств и потребностей при участии внешней природы и других людей, т. е. общества, либо, наконец, отношения, какие возникают между людьми из их целей и стремлений.

•◆•

Чтобы стало возможно общение между людьми, необходимо что-либо общее между ними. Это общее возможно при двух условиях: чтобы люди понимали друг друга и чтобы нуждались друг в друге, чувствовали потребность один в другом. Эти условия создаются двумя общими способностями: разумом, действующим по одинаковым законам мышления и в силу общей потребности познания,

и волей, вызывающей действия для удовлетворения потребностей.

•◆•

<...> В нашем прошлом историк-социолог встретит немало явлений, обнаруживающих разностороннюю гибкость человеческого общества, его способность применяться к данным условиям и комбинировать наличные средства согласно с потребностями.

•◆•

Я не знаю общества свободного от идей, как бы мало оно ни было развито. Само общество — это уже идея, потому что общество начинает существовать с той минуты, как люди, его составляющие, начинают сознавать, что они — общество.

•◆•

Идеи — плоды личного творчества, произведения одиночной деятельности индивидуальных умов и совестей, и в своем первоначальном, чистом виде они проявляются в памятниках науки и литературы, в произведениях уединенной мастерской художника или в подвигах личной самоотверженной деятельности на пользу ближнего.

•◆•

Общественный порядок питает уединенное размышление и воспитывает характеры, служит предметом лич-

ных убеждений, источником нравственных правил и чувств, эстетических возбуждений; у каждого порядка есть свой культ, свое credo, своя поэзия. Зато и личные убеждения, становясь господствующими в обществе, входят в общее сознание, в нравы, в право, становятся правилами, обязательными и для тех, кто их не разделяет, т. е. делаются общественными фактами.

•◆•

История имеет дело не с человеком, а с людьми, ведает людские отношения, предоставляя одиночную деятельность человека другим наукам.

•◆•

Личная идея становится общественным, т. е. историческим фактом: это — когда она выходит из пределов личного существования и делается общим достоянием, и не только общим, но и обязательным, т. е. общепризнанным правилом или убеждением.

•◆•

Сколько прекрасных мыслей, возникавших в отдельных умах, погибло и погибает бесследно для человечества только потому, что не получает вовремя надлежащей обработки и организации! Они украшают частное существование, разливают много света и тепла в семейном или дру-

жеском кругу, помогая домашнему очагу, но ни на один заметный градус не поднимают температуры общего благосостояния, потому что ни в праве, ни в экономическом обороте не находят соответствующего прибора, учреждения или предприятия, которое вывело бы их из области добрых упований, т. е. досужих грез, и дало бы им возможность действовать на общественный порядок. Такие необработанные, как бы сказать, сырые идеи — не исторические факты: их место в биографии, в философии, а не в истории.

•◆•

В литературе мы встречаем осадок того, что было передумано и перечувствовано отдельными мыслящими людьми известного времени. Но далеко не весь этот запас личной мысли и чувства входит в житейский оборот, делается достоянием общества, культурно-историческим запасом.

•◆•

<...> Не всякая идея попадает в этот процесс, а попадая, не всегда сохраняет свой чистый первоначальный вид. В этом виде, просто как идея, она остается личным порывом, поэтическим идеалом, научным открытием — и только; но она становится историческим фактором, когда овладевает какою-либо практической силой, властью, народной массой или капиталом,— силой, которая перерабатывает ее в закон, в учреждение, в промышленное или иное предприятие, в обычай, наконец, в поголовное массовое увлечение или художественное, всем ощутительное сооружение, когда, например, набожное представление выси небесной отливается в купол Софийского собора.

•◆•

<...> Житейский порядок, политический и экономический, основавшийся на господствующих идеях и закрепляющий их господство своими принудительными средствами, может возбуждать в отдельных умах или в известной части общества помыслы, чувства, стремления, несогласные с его основами, даже прямо против них протестующие; они или гаснут, или ждут своего времени.

•◆•

Частный, личный интерес по природе своей наклонен противодействовать общему благу.

•◆•

Политическая и экономическая жизнь не составляет чего-то цельного, однородного, какой-то особой сферы людской жизни, где нет места высшим стремлениям чело-

веческого духа, где царят только низменные инстинкты нашей природы.

•◆•

<...> Энергия личного материального интереса возбуждается не самым этим интересом, а стремлением обеспечить личную свободу, как внешнюю, так и внутреннюю, умственную и нравственную, а эта последняя на высшей ступени своего развития выражается в сознании общих интересов и в чувстве нравственного долга действовать на пользу общую.

•◆•

Умственный труд и нравственный подвиг всегда останутся лучшими строителями общества, самыми мощными двигателями человеческого развития; они кладут наиболее прочные основы житейского порядка, соответствующего истинным потребностям человека и высшему назначению человечества. Но по условиям исторической жизни эти силы не всегда одинаково напряжены и не всегда действуют на житейский порядок в меру своей напряженности, а в общий исторический процесс они входят своим действием на житейский порядок и по этому действию подлежат историческому изучению. Порядок изучения не совпадает с порядком жизни, идет от следствий к причинам, от явлений к силам.

•◆•

Идеал исторического воспитания народа состоит в полном и стройном развитии всех элементов общежития и

в таком их соотношении, при котором каждый элемент развивается и действует в меру своего нормального значения в общественном составе, не принижая себя и не угнетая других.

•◆•

История народа, научно воспроизведенная, становится приходо-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты и передержки его прошлого. Прямое дело ближайшего будущего — сократить передержки и пополнить недоимки, восстановить равновесие народных задач и средств. Здесь историческое изучение своими конечными выводами подходит вплоть к практическим потребностям текущей минуты, требующей от каждого из нас, от каждого русского человека отчетливого понимания накопленных народом средств и допущенных или вынужденных недостатков своего исторического воспитания. Нам, русским, понимать это нужнее, чем кому-либо.

•◆•

Мы еще не начинали жить в полную меру своих народных сил, чувствуемых, но еще не вполне развернувшихся, не можем соперничать с другими ни в научной, ни в общественно-политической, ни во многих других областях. Достигнутый уровень народных сил, накопленный запас народных средств — это плоды многовекового тру-

да наших предков, результаты того, что они успели сделать. Нам нужно знать, чего они не успели сделать; их недоимки — наши задачи, т. е. задачи вашего и идущих за вами поколений.

•◆•

Историческое изучение вскрывает неправильности в складе общества, больно и смутно чувствуемые людьми, указывает ненормальное соотношение каких-либо общественных элементов и его происхождение и дает возможность сообразить средства восстановления нарушенного равновесия.

•◆•

У каждого поколения могут быть свои идеалы, у моего свои, у вашего другие, и жалко то поколение, у которого нет никаких. Для осуществления идеалов необходимы энергия действия, энтузиазм убеждения; при осуществлении их неизбежны борьба, жертвы.

•◆•

<...> Мы живем во время, обильное идеалами, но идеалами, борющимися друг с другом, непримиримо враждебными. Это затрудняет целесообразный выбор. Знание своего прошлого облегчает такой выбор: оно не только потребность мыслящего ума, но и существенное условие сознательной и корректной деятельности. Выра-

батывающееся из него историческое сознание дает обществу, им обладающему, тот глазомер положения, то чутье минуты, которые предохраняют его как от косности, так и от торопливости.

•◆•

Каждому народу история задает двустороннюю культурную работу — над природой страны, в которой ему суждено жить, и над своею собственной природой, над своими духовными силами и общественными отношениями.

•◆•

Как легко испортить всякое хорошее дело, и сколько высоких идеалов успели люди уронить и захватать неумелыми или неопрятными руками!

•◆•

Начиная изучение истории какого-либо народа, встречаем силу, которая держит в своих руках колыбель каждого народа,— природу его страны.

•◆•

<...> Человек поминутно и попеременно то приспособляется к окружающей его природе, к ее силам и способам действия, то их приспособляет к себе самому, к своим потребностям, от которых не может или не хочет отказаться, и на этой двусторонней борьбе с самим собой и с

природой вырабатывает свою сообразительность и свой характер, энергию, понятия, чувства и стремления, а частью и свои отношения к другим людям.

•◆•

Законами жизни физической природе отведена своя сфера влияния в исторической судьбе человечества, и не все стороны его деятельности в одинаковой мере подчинены ее действию.

•◆•

<...> Древнерусский человек населил лес всевозможными страхами. Лес — это темное царство лешего одноглазого, злого духа — озорника, который любит дурачиться над путником, забредшим в его владения.

•◆•

<...> Лес и особенно степь действовали на русского человека двусмысленно. Зато никакой двусмысленности, никаких недоразумений не бывало у него с русской рекой. На реке он оживал и жил с ней душа в душу. Он любил свою реку, никакой другой стихии своей страны не говорил в песне таких ласковых слов — и было за что.

•◆•

Культурная обработка природы человеком для удовлетворения его потребностей имеет свои пределы и тре-

бует известной осмотрительности: увеличивая и регулируя энергию физических сил, нельзя истощать их и выводить из равновесия, нарушая их естественное соотношение.

•◆•

Природа нашей страны при видимой простоте и однообразии отличается недостатком устойчивости: ее сравнительно легко вывести из равновесия.

•◆•

Начало истории народа должно обозначаться какими-либо <...> явственными, уловимыми признаками. Их надобно искать прежде всего в памяти самого народа. Первое, что запомнил о себе народ, и должно указывать путь к началу его истории. Такое воспоминание не бывает случайным, беспричинным. Народ есть население, не только совместно живущее, но и совокупно действующее, имеющее общий язык и общие судьбы.

•◆•

<...> Исторические явления, в которых вскрываются и развиваются силы и свойства человеческой природы, доступны изучению, и если в их возникновении многое остается для нас неясным или кажется случайным, то их действие на склад человеческой жизни носит характер закономерного, необходимого отношения или достаточного основания.

•◆•

Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в <...> Великороссии.

•◆•

<...> Каждому народу от природы положено воспринимать из окружающего мира, как и из переживаемых судеб, и претворять в свой характер не всякие, а только известные впечатления, и отсюда происходит разнообразие национальных складов, или типов, подобно тому как неодинаковая световая восприимчивость производит разнообразие цветов.

•◆•

Причинная связь исторических явлений, преемственность культур и цивилизаций дает возможность связать их на протяжении тысячелетий в последовательный процесс развития человечества.

•◆•

Природа и судьба вели великоросса так, что приручили его выходить на прямую дорогу окольными путями.

Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великорусского проселка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу.

•◆•

<...> Всеобщая история создавалась, по крайней мере доселе, не совокупной жизнью всего человечества, существовавшего в известное время, и не однообразным взаимодействием всех сил и условий человеческой жизни, а отдельными народами или группами немногих народов, преемственно сменявшимися, при разнообразном местном и временном подборе сил и условий, нигде более не повторявшемся. Эта непрерывная смена народов на исторической сцене, этот вечно изменяющийся подбор исторических сил и условий может показаться игрой случайностей, лишающей историческую жизнь всякой планомерности и закономерности.

•◆•

Ход и качество народной жизни зависят от направления и характера народного исторического труда, от того употребления, какое народ по условиям своего положения делает из своих сил и средств, данных ему географиче-

ской и исторической его обстановкой, природой его страны и его международным соседством.

•◆•

Для нормального полного и стройного хода народной жизни требуется известная соразмерность усилий, обращаемых народом на обе работы, и на устроение общества, и на развитие личности; без этой соразмерности одна работа идет в ущерб другой и этим подрывает собственную прочность, тогда как при нормальном ходе обеих успехи одной облегчают и упрочивают другую, изменяя требовательность или притязательность государства, непосильная тяжесть внешней обороны задерживает успехи частного благосостояния, развитие личности; с другой стороны, справедливый общественный порядок устанавливается легче и прочнее при надлежащем развитии личности, т. е. при правильном понимании людьми своих средств и интересов, своих прав и обязанностей.

•◆•

Заброшенный между Европой и Азией, среди леса, среди степи, вдали от старого образованного мира, русский народ не нашел в доставшейся ему стране никакой культурной подготовки, ни преданий, ни даже никаких развалин и многие века должен был тратить большую часть своих усилий на два грубые дела: 1) на первичную

разработку неподатливой страны, с бою уступавшей человеку свои дары, и 2) на изнурительную оборону от хищных степных соседей, отнимавших у него лучшие, наиболее открытые части его страны.

•◆•

Русская литература чуть не до самого XIX в. скудна самородными идеями, лишена последовательности, хотя и не лишена талантов, появлявшихся в ней в виде случайных, мимолетных мастеров. Зато жизнь русского народа останавливает на себе внимание изучающего массовым трудом, работой коллективного народного ума, безличного творчества, оставивших свои плоды в безымянных произведениях народной словесности, в приметах, пословицах, поговорках, сказках, песнях.

•◆•

Если <...> мы заметим, что право часто бывало у нас слугой капитала, то нашей практической задачей должно стать усиленное развитие права как оплота общественной правды и личной свободы, а не как орудия, которым закрепляется перевес материальной силы.

•◆•

Приступая к изучению исторического факта, мы прежде всего задаем себе вопрос о его причинах и следствиях. Решение этого вопроса нам представляется основ-

ным требованием исторической науки; мы не признаем исторического факта изученным, если не умеем ответить на этот вопрос, и наша научная совесть считает свое дело отработанным, когда мы доищемся, почему что-либо случилось и что из этого вышло.

•◆•

Причинность в точном, безусловном смысле слова есть требование закона необходимости, а в явлениях человеческого общежития мы допускаем смягченную, ограниченную причинность, так называемый закон достаточного основания, допускающий ход дел и так и этак, т. е. допускающий случайность явлений.

•◆•

Законы в смысле неизменных правил, которым следуют явления, возможны там, где последующее вытекает из предшествующего в силу необходимости. Историческая жизнь представляется свободной от такого абсолютизма логики; по крайней мере, наше житейское сознание находит возможным не признавать его.

•◆•

В исторических явлениях, даже очень от нас отдаленных по пространству и времени, и как бы ни казались неудовлетворительны с логической точки зрения, есть инте-

рес другого рода: в них мы, по превосходному выражению Гельмгольца, научаемся распознавать те сокровенные способности и движения нашей души, которые не проявляются при обыкновенном, спокойном ходе жизни цивилизованного народа.

•◆•

Сводя исторические явления к причинам и следствиям, мы придаем исторической жизни вид отчетливого, разумно-сознательного процесса, забывая, что к силам, взаимодействием которых создается историческая жизнь, не идут исключительно логические и вообще какие-либо однородные определения, потому что каждая из них образует *свой особый порядок явлений и все они в своем взаимодействии* вступают в столь сложные сочетания, что научная мысль пока останавливается перед ними, как перед неразобранными письменами.

•◆•

Будем прежде всего искренни, откровенны с самими собой: откровенность не все, что требуется в научном изучении, но — это первое, что в нем требуется.

•◆•

У каждого времени свои герои, ему подходящие, а XIII и XIV вв. были порой всеобщего упадка на Руси, временем узких чувств и мелких интересов, мелких, ничтожных характеров. Среди внешних и внутренних бедствий люди становились робки и малодушны, впадали в уныние, покидали высокие помыслы и стремления; в летописи XIII—XIV вв. не услышим прежних речей о Русской земле, о необходимости оберегать ее от поганых, о том, что не сходило с языка южнорусских князей и летописцев XI—XII вв. Люди замыкались в кругу своих частных интересов и выходили оттуда только для того, чтобы попользоваться на счет других.

•◆•

Когда в обществе падают общие интересы и помыслы его руководителей замыкаются в сердоликовую коробку, положением дел обыкновенно овладевают те, кто энергичнее других действует во имя интересов личных, а такими чаще всего бывают не наиболее даровитые, а наиболее угрожаемые, те, кому наиболее грозит это падение общих интересов.

•◆•

Когда *разрушается сильный физический организм*, его разрушение сказывается тяжкими вздохами и стонами; когда гибнет общественный союз, живший долгой и сильной жизнью, его гибель обыкновенно предваряется или сопровождается легендой, в которую отливается усилен-

ная работа мысли современников над тем, что ими ожидалось или что с ними случилось.

•◆•

Условия жизни нередко складываются так своенравно, что крупные люди размениваются на мелкие дела, подобно князю Андрею Боголюбскому, а людям некрупным приходится делать большие дела, подобно князьям московским.

•◆•

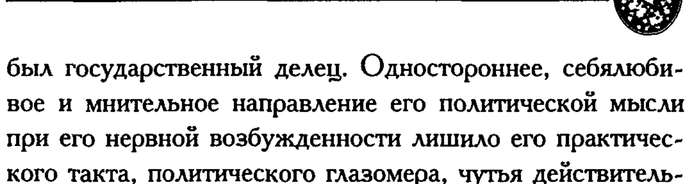
Усиленная строгость законодательства в поддержании общественного порядка не говорит за то, что общество пользуется достаточным порядком.

•◆•

Положительное значение царя Ивана в истории нашего государства далеко не так велико, как можно было бы думать, судя по его замыслам и начинаниям, по шуму, какой производила его деятельность. Грозный царь больше задумывал, чем сделал, сильнее подействовал на воображение и нервы своих современников, чем на современный ему государственный порядок.

•◆•

Царь Иван <Грозный> был замечательный писатель, пожалуй даже бойкий политический мыслитель, но он не

был государственный делец. Одностороннее, себялюбивое и мнительное направление его политической мысли при его нервной возбужденности лишило его практического такта, политического глазомера, чутья действительности, и, успешно предприняв завершение государственного порядка, заложенного его предками, он незаметно для себя самого кончил тем, что поколебал самые основания этого порядка.

•◆•

Право и основанная на нем система общественных отношений — два совершенно различных исторических момента.

•◆•

Преп. Сергий Радонежский был великим устроителем монастырей: своим смирением, терпеливым вниманием к людским нуждам и слабостям и неослабным трудолюбием он умел не только установить в своей обители образцовый порядок иноческого общежития, но и воспитать в своей братии дух самоотвержения и энергии подвижничества.

•◆•

В духовном запасе, каким располагала Древняя Русь, не было достаточно средств, чтобы развить наклонность к философскому мышлению. Но у нее нашлось довольно

материала, над которым могли поработать чувство и воображение. Это была жизнь русских людей, которые по примеру восточных христианских подвижников посвящали себя борьбе с соблазнами мира.

•◆•

В каждом из нас есть более или менее напряженная потребность духовного творчества, выражающаяся в наклонности обобщать наблюдаемые явления.

•◆•

Человеческий дух тяготится хаотическим разнообразием воспринимаемых им впечатлений, скучает непрерывно льющимся их потоком; они кажутся нам навязчивыми случайностями, и нам хочется уложить их в какое-либо русло, нами самими очерченное, дать им направление, нами указанное.

•◆•

«Житие» — это целое литературное сооружение, некоторыми деталями напоминающее архитектурную постройку.

•◆•

«Житие» обращено собственно не к слушателю или читателю, а к молящемуся. Оно более чем поучает: поучая, оно настраивает, стремится превратить душеполезный момент в молитвенную наклонность. Оно описывает индивидуальную личность, личную жизнь, но эта случайность ценится не сама по себе, не как одно из многообразных проявлений человеческой природы, а лишь как воплощение вечного идеала.

•◆•

Цель «Жития» — наглядно на отдельном существовании показать, что все, чего требует от нас заповедь, не только исполнимо, но не раз и исполнялось, стало быть, обязательно для совести, ибо из всех требований добра для совести необязательно только невозможное.

•◆•

«Житие» не биография, а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого в «Житии» не портрет, а икона.

•◆•

Осуществление идеи настоящего иночества надобно искать в пустынных монастырях. Основатели их выходили на свой подвиг по внутреннему призванию и обыкновенно еще в молодости. Древнерусские «Жития» изображают разнообразные и часто характерные условия происхождения пустынного подвижничества в Древней Ру-

си, но самый путь, которым шли подвижники, был довольно однообразен.

•◆•

Православное учение о молитве за усопших древнерусская рядовая совесть усвоила недостаточно вдумчиво и осторожно: возможность молитвы за души умерших, не успевших принести плоды покаяния, приободрила к мысли, что и нет нужды спешить с этим делом, что на все есть свое время.

•◆•

<...> Добрая идея, неправильно понятая и примененная, в своем последовательном развитии приводит к расстройству порядка, усвоившего ее с таким неправильным пониманием и применением.

•◆•

Сострадательная заботливость церкви о не успевших позаботиться о себе послужила для податливой на соблазн и трусливой совести поводом к мнению, что можно отмолиться чужой молитвой, лишь были бы средства нанять ее и лишь бы она была не кой-какая, а истовая, технически усовершенствованная молитва.

•◆•

Редкий государь в Древней Руси умирал, не постригшись хотя бы перед самой смертью; то же делали по воз-

можности и частные лица, особенно знатные и состоятельные.

•◆•

Некоторые монастыри становились фамильными кладбищами знатных родов, члены которых из поколения в поколение приносили в обители «вечного покоя» за свои души и могилы свои вотчинные села, деревни и сенные покосы.

•◆•

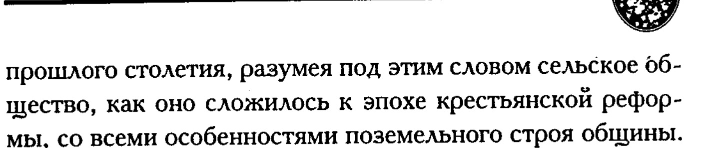
Многие монастыри скоро забывали нищелюбивый завет своих основателей, и их благотворительная деятельность не развилась в устойчивые учреждения, а случайные, неупорядоченные подаяния монастырских богомольцев создали при больших монастырях особый класс профессиональных нищих.

•◆•

Все эти бесплодные литературные споры о монастырских вотчинах и робкие законодательные усилия стеснить их расширение — как живо напоминают они столь же бесплодные толки в печати о вреде крепостного права и суетливые заботы правительства о его смягчении в царствование Екатерины II, Александра I и Николая I.

•◆•

В Древней Руси сельское общество называли миром и не знали слова *община*, как стали звать его в литературе

прошлого столетия, разумея под этим словом сельское общество, как оно сложилось к эпохе крестьянской реформы, со всеми особенностями поземельного строя общины.

•◆•

И нынешний служащий обычно расположен смотреть на свой оклад как на действительную цель своей службы, а на служебные труды свои — только как на предлог к получению оклада. Но над этим низменным ремесленным взглядом на оклад высится официальная идея самой службы как служения общему благу, народным нуждам и интересам, а должностной оклад — только служебно-цензовое вознаграждение за труд, знания, время и издержки.

•◆•

Местное самоуправление обыкновенно противополагается централизации; но обе системы управления могут быть поставлены в такое отношение друг к другу, которое искажает существо той и другой. Местное самоуправление в настоящем смысле слова есть более или менее самостоятельное ведение местных дел представителями местных обществ с правом облагать население, распоряжаться общественным имуществом, местными доходами и т. п.

•◆•

Как нет настоящей централизации там, где местные органы центральной власти, ею назначаемые, действуют

самостоятельно и безотчетно, так нет и настоящего самоуправления там, где выборные местные власти ведут не местные, а общегосударственные дела по указаниям и под надзором центрального правительства.

•◆•

У каждого народа своя судьба и свое назначение. Судьба народа слагается из совокупности внешних условий, среди которых ему приходится жить и действовать. Назначение народа выражается в том употреблении, какое народ делает из этих условий, какое он вырабатывает из них для своей жизни и деятельности.

•◆•

Наш народ поставлен был судьбой у восточных ворот Европы, на страже ломившейся в них кочевой хищной Азии. Целые века истощал он свои силы, сдерживая этот напор азиатов, одних отбивал, удобряя широкие донские и волжские степи своими и ихними костями, других через двери христианской церкви мирно вводил в европейское общество.

•◆•

Так мы очутились в арьергарде Европы, оберегали тыл европейской цивилизации. Но сторожевая служба везде неблагодарна и скоро забывается, особенно когда

она исправна: чем бдительнее охрана, тем спокойнее спится охраняемым и тем менее расположены они ценить жертвы своего покоя.

•◆•

Смутная эпоха самозванцев является переходным временем на рубеже двух смежных периодов, будучи связана с предшествующим своими причинами, с последующим — своими следствиями.

•◆•

Обязанные во всем быть искренними искателями истины, мы всего менее можем обольщать самих себя, когда хотим измерить свой исторический рост, определить свою общественную зрелость.

•◆•

Сопоставляя психологию народов с жизнью отдельных людей, мы привыкли думать, что по мере усиления массовой, как и индивидуальной, деятельности и по мере расширения ее поприща в массах, как и в отдельных людях, поднимается сознание своей силы, а это сознание — источник чувства политической свободы.

•◆•

Говорят, культура сближает людей, уравнивает общество. У нас было не совсем так. Все усиливавшееся обще-

ние с Западной Европой приносило к нам идеи, нравы, знания, много культуры, но этот приток скользил по верхушкам общества, осаждаясь на дно частичными реформами, более или менее осторожными и бесплодными.

•◆•

Когда перед европейским государством становятся новые и трудные задачи, оно ищет новых средств в своем народе и обыкновенно их находит, потому что европейский народ, живя нормальной, последовательной жизнью, свободно работая и размышляя, без особенной натуги уделяет на помощь своему государству заранее заготовленный избыток своего труда и мысли,— избыток труда в виде усиленных налогов, избыток мысли в лице подготовленных, умелых и добросовестных государственных дельцов. Все дело в том, что в таком народе культурная работа ведется незримыми и неуловимыми, но дружными усилиями отдельных лиц и частных союзов независимо от государства и обыкновенно предупреждает его нужды.

•◆•

Так случилось, что расширение государственной территории <России>, напрягая не в меру и истощая народные средства, только усиливало государственную власть, не поднимая народного самосознания, вталкивало в состав управления новые, более демократические элементы и при

этом обостряло неравенство и рознь общественного состава, осложняло народнохозяйственный труд новыми производствами, обогащая не народ, а казну и отдельных предпринимателей, и вместе с тем принижало политически трудящиеся классы. Все эти неправильности имели один общий источник — неестественное отношение внешней политики государства к внутреннему росту народа: народные силы в своем развитии отставали от задач, становившихся перед государством вследствие его ускоренного внешнего роста, духовная работа народа не поспевала за материальной деятельностью государства. Государство пухло, а народ хирел.

•◆•

<...> По мере того как усиливалось напряжение внешней оборонительной борьбы, усложнялись специальные государственные повинности, падавшие на разные классы общества, и, по мере того как оборонительная борьба превращалась в наступательную, с верхних общественных классов снимались их специальные повинности, заменяясь специальными сословными правами, и скучивались на низших классах; но, по мере того как росло чувство народного недовольства таким неравенством, правительство начинало подумывать о более справедливом устройстве общества.

•◆•

Московское объединение Великороссии рождало в умах идею народного русского государства; но эта идея,

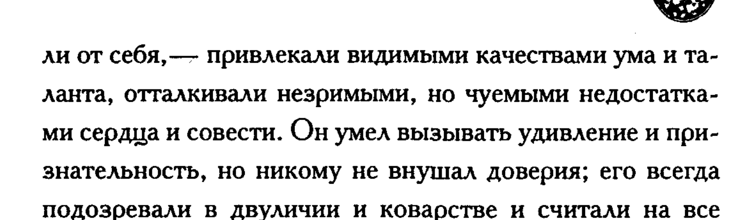
всею своею сущностью отрицавшая вотчину, выражалась в прежней вотчинной схеме, заставлявшей мыслить государя всея Руси не как верховного правителя русского народа, а только как наследственного хозяина, территориального владельца Русской земли: «И вся Русская земля из старины от наших прародителей наша отчина»,— твердил Иван III. Политическое мышление отставало от территориальных приобретений и династических притязаний, превращая удельные предрассудки в политические недоразумения.

•◆•

Поучительное явление в истории старой московской династии представляет этот последний ее царь Федор. Калитино племя, построившее Московское государство, всегда отличалось удивительным умением обрабатывать свои житейские дела, страдало фамильным избытком заботливости о земном, и это самое племя, погасая, блеснуло полным отрешением от всего земного, вымерло царем Федором Ивановичем, который, по выражению современников, всю жизнь избывал мирской суеты и докуки, помышляя только о небесном.

•◆•

Борис <Годунов> принадлежал к числу тех злосчастных людей, которые и привлекали к себе, и отталкива-

ли от себя,— привлекали видимыми качествами ума и таланта, отталкивали незримыми, но чуемыми недостатками сердца и совести. Он умел вызывать удивление и признательность, но никому не внушал доверия; его всегда подозревали в двуличии и коварстве и считали на все способным.

•◆•

...<Смута> была вызвана двумя поводами: насильственным и таинственным пресечением старой династии и потом искусственным ее воскрешением в лице первого самозванца. Насильственное и таинственное пресечение династии было первым толчком к Смуте.

•◆•

Этот неведомый кто-то, воссевший на московский престол после Бориса, возбуждает большой анекдотический интерес. Его личность доселе остается загадочной, несмотря на все усилия ученых разгадать ее.

•◆•

Смута была вызвана событием случайным — пресечением династии. Вымирание семьи, фамилии, насильственное или естественное,— явление, чуть не ежедневно нами

наблюдаемое, но в частной жизни оно мало заметно. Другое дело, когда заканчивается целая династия.

•◆•

Казацкие и польские отряды, медленно, но постепенно вразумляя разоряемое ими население, заставили наконец враждующие классы общества соединиться не во имя какого-либо государственного порядка, а во имя национальной, религиозной и простой гражданской безопасности, которой угрожали казаки и ляхи.

•◆•

Когда династия <Рюриковичей> пресеклась и, следовательно, государство оказалось ничьим, люди растерялись, перестали понимать, что они такое и где находятся, пришли в брожение, в состояние анархии. Они даже как будто почувствовали себя анархистами поневоле, по какой-то обязанности, печальной, но неизбежной: некому стало повиноваться,— стало быть, надо бунтовать.

•◆•

Произвол царя <Ивана Грозного>, беспричинные казни, опалы и конфискации вызвали ропот, и не только в высших классах, но и в народной массе, «тугу и ненависть на царя в миру», и в обществе проснулась смутная

и робкая потребность в законном обеспечении лица и имущества от усмотрения и настроения власти.

•◆•

Коренными причинами Смуты надобно признать народный взгляд на отношение старой династии к Московскому государству, мешавший освоиться с мыслью о выборном царе, и потом самый строй государства с его тяжелым тягловым основанием и неравномерным распределением государственных повинностей, порождавшим социальную рознь: первая причина вызвала и поддерживала потребность воскресить погибший царский род, а эта потребность обеспечивала успех самозванства; вторая причина превратила династическую интригу в социально-политическую анархию.

•◆•

Смута является на рубеже двух смежных периодов нашей истории, связанная с предшествующим своими причинами, с последующим — своими следствиями. Конец Смуте был положен вступлением на престол царя, ставшего родоначальником новой династии: это было первое ближайшее следствие Смуты.

•◆•

Когда люди перестают действовать по привычке, выпускают из рук нить предания, они начинают усиленно

и суетливо размышлять, а размышление делает их мнительными и колеблющимися, заставляет их пугливо пробовать различные способы действия.

•◆•

Смута так много поломала старого, что самое восстановление разрушенного неизбежно получало характер обновления, реформы. Нововведения идут прерывистым рядом с первого царствования новой династии до конца века, подготовляя преобразования Петра Великого.

•◆•

Влияние наступает, когда общество, его воспринимающее, начинает сознавать превосходство среды или культуры влияющей и необходимость у нее учиться, нравственно ей подчиняться, заимствуя у нее не одни только житейские удобства, но и самые основы житейского порядка, взгляды, понятия, обычаи, общественные отношения. Такие признаки появляются у нас в отношении к Западной Европе только с XVII в.

•◆•

В XVI в. в русском обществе сложился даже взгляд на объединительницу Русской земли Москву как на центр и оплот всего православного Востока. Теперь <в XVII в.> было совсем не то: прорывавшаяся во всем несостоятельность

существующего порядка и неудача попыток его исправления привели к мысли о недоброкачественности самых оснований этого порядка, заставляли многих думать, что истощился запас творческих сил народа и доморощенного разумения, что старина не даст пригодных уроков для настоящего и потому у нее нечему больше учиться, за нее не для чего больше держаться. Тогда и начался глубокий перелом в умах: в московской правительственной среде и в обществе появляются люди, которых гнетет сомнение, завещала ли старина всю полноту средств, достаточных для дальнейшего благополучного существования; они теряют прежнее национальное самодовольство и начинают оглядываться по сторонам, искать указаний и уроков у чужих людей, на Западе, все более убеждаясь в его превосходстве и в своей собственной отсталости. Так на место падающей веры в родную старину и в силы народа является уныние, недоверие к своим силам, которое широко растворяет двери иноземному влиянию.

•◆•

Западное влияние, проникая в Россию, встретилось здесь с другим господствовавшим в ней дотоле влиянием — восточным, греческим или византийским.

•◆•

Во второй половине XVIII в. яблоко раздора бросила в русское общество французская просветительная литера-

тура в связи с вопросом о значении реформы Петра, о самобытном национальном развитии. Националисты-самобытники называли себя люборусами, а противников корили кличками русских полуфранцузов, галломанов, вольнодумцев, чаще всего вольтерьянцев.

•◆•

Греческое влияние захватывало все общество, не захватывая всего человека; западное захватывало всего человека, не захватывая всего общества.

•◆•

Во всяком обществе всегда найдутся чуткие люди, которые раньше других начинают думать и делать то, что потом будут думать и делать все, не сознавая, почему они начинают так думать и делать, как есть болезненно чуткие люди, которые предчувствуют перемену погоды раньше, чем здоровые заметят ее наступление.

•◆•

...< В XVII в.> московское правительство и общество почувствовали настоятельную нужду в военной и промышленной технике Западной Европы, даже решимость поучиться той и другой. Может быть, в первое время ничего, кроме этой техники, и не требовалось насущными потребностями государства; но общественное движение,

раз возбужденное известным толчком, обыкновенно на самом ходу осложняется новыми мотивами, влекущими его дальше намеченного предела.

•◆•

На Западе житейские удобства и изящные развлечения имели источником не одно счастливое экономическое положение зажиточных и досужих классов общества, не одни прихоти их избалованного вкуса: в создании этого комфорта участвовали продолжительные духовные усилия отдельных лиц и целых обществ; внешние украшения жизни развивались там об руку с успехами мысли и чувства. Человек стремится создать себе житейскую обстановку, соответствующую его вкусам и взгляду на жизнь; но нужно много подумать и о своих вкусах, и о самой жизни, чтобы правильно установить это соответствие.

•◆•

В Москве XVII в., бросаясь на заморские приманки, также стали понемногу и смутно чувствовать те духовные интересы и усилия, которыми они были созданы, и полюбили эти интересы и усилия, прежде чем уяснили себе их отношение к доморощенным понятиям и вкусам, полюбили их сперва тоже как житейское развлечение, как прият-

ный и еще не испытанный моцион засидевшейся на Требнике мысли.

•◆•

Национальная и религиозная борьба западнорусского православного общества с польским государством и римским католицизмом заставляла русских борцов обращаться к оружию, которым была сильна противная сторона: к школе, к литературе, к латинскому языку,— во всем этом западная Русь к половине XVII в. далеко опередила восточную. Западнорусский православный монах, выученный в школе латинской или в русской, устроенной по ее образцу, и был первым проводником западной науки, призванным в Москву.

•◆•

Вызванное насущными материальными нуждами государства, западное влияние вместе с необходимым приносило и то, чего не требовали эти нужды, без чего можно было пока обойтись, с чем можно было еще повременить.

•◆•

Наука и искусство ценились в Древней Руси по их связи с церковью, как средства познания Слова Божия и душевного спасения. Знания и художественные украшения жизни, не имевшие такой связи и такого значения,

рассматривались как праздное любопытство неглубокого ума или как лишние несерьезные забавы, «потехи»; так смотрели на бахарей, сказочников, скоморохов.

•◆•

В религиозных текстах и обрядах выражается сущность, содержание вероучения. Вероучение слагается из верований двух порядков: одни суть истины, которые устанавливают миросозерцание верующего, разрешая ему высшие вопросы мироздания; другие суть требования, которые направляют нравственные поступки верующего, указывая ему задачи его бытия. Эти истины и эти требования выше познавательных средств логически мыслящего разума и выше естественных влечений человеческой воли; потому те и другие почитаются свыше откровенными.

•◆•

Религиозное миросозерцание и настроение каждого общества неразрывно связаны с текстами и обрядами, их воспитавшими.

•◆•

<...> С тех пор как люди стали себя помнить, в продолжение тысячелетий и до наших дней они не умели обойтись без обряда ни в религии, ни в других житейских отношениях нравственного характера. Надобно строго

5 – 3165

различать способ усвоения истины сознанием и волей. Для сознания достаточно известного усилия мысли и памяти, чтобы понять и запомнить истину. Но этого очень мало, чтобы сделать истину руководительницей воли, направительницей жизни целых обществ. Для этого нужно облечь истину в формы, в обряды, в целое устройство, которое непрерывным потоком надлежащих впечатлений приводило бы наши мысли в известный порядок, наше чувство в известное настроение, долбило бы и размягчало нашу грубую волю и таким образом, посредством непрерывного упражнения и навыка, превращало бы требования истины в привычную нравственную потребность, в непроизвольное влечение воли. Сколько прекрасных истин, озарявших дух человеческий и способных осветить и согреть людское общежитие, погибло бесследно для него только потому, что они не успели вовремя облечься в такое устройство и помощью его не были достаточно разучены людьми!

•◆•

Обряд или текст — это своего рода фонограф, в котором застыл нравственный момент, когда-то вызвавший в людях добрые дела и чувства. Этих людей давно нет, и момент с тех пор не повторился; но помощью обряда или текста, в который он скрылся от людского забвения, мы по мере желания воспроизводим его и по степени своей нравственной восприимчивости переживаем его действие.

Из таких обрядов, обычаев, условных отношений и приличий, в которые отлились мысли и чувства, исправлявшие жизнь людей и служившие для них идеалом, постепенно путем колебаний, споров, борьбы и крови складывалось людское общежитие. Я не знаю, каков будет человек через тысячу лет; но отнимите у современного человека этот нажитой и доставшийся ему по наследству скарб обрядов, обычаев и всяких условностей — и он все забудет, всему разучится и должен будет все начинать сызнова.

•◆•

<...> По нашему вероучению, хранительница христианской истины есть не какая-либо поместная, а вселенская церковь, соединяющая в себе не только живущих в известное время и в известном месте, но и всех кого-либо и где-либо живших правоверных. Как скоро русское церковное общество признало себя единственным хранителем истинного благочестия, местное религиозное сознание было им признано мерилом христианской истины, т. е. идея вселенской церкви замкнулась в тесные географические пределы одной из поместных церквей; вселенское христианское сознание заключилось в узкий кругозор людей известного места и времени.

•◆•

Понимание текстов вероучения и практика церковных правил углубляется и совершенствуется с успехами рели-

гиозного сознания и его движущей силы — разума, вооруженного верой. Помощью обрядов, текстов и правил религиозная мысль углубляется в тайны вероучения, постепенно уясняя их себе и направляя религиозную жизнь. Эти обряды, тексты и правила, повторю, не составляют сущности вероучения; но по свойству религиозного понимания и воспитания они в каждом церковном обществе тесно срастаются с вероучением, становятся для каждого общества формами религиозного миросозерцания и настроения, трудно отделяемыми от содержания.

•◆•

Русским церковным обществом было признано за правило, что подобает молиться и веровать, как молились и веровали отцы и деды, что внукам ничего не остается более, как хранить без размышления дедовское и отцовское предание. Но это предание — остановившееся и застывшее понимание: признать его мерилом истины — значило отвергнуть всякое движение религиозного сознания, возможность исправления его ошибок и недостатков.

•◆•

Органический порок древнерусского церковного общества состоял в том, что оно считало себя единственным истинно правоверным в мире, свое понимание

божества исключительно правильным, Творца вселенной представляло своим собственным русским богом, никому более не принадлежащим и неведомым, свою поместную церковь ставило на место вселенской. Самодовольно успокоившись на этом мнении, оно и свою местную церковную обрядность признало неприкосновенной святыней, а свое религиозное понимание нормой и коррективом боговедения.

•◆•

...<Патриарх> Никон принадлежал к числу людей, которые спокойно переносят страшные боли, но охают и приходят в отчаяние от булавочного укола. У него была слабость, которой страдают нередко сильные, но мало выдержанные люди: он скучал покоем, не умел терпеливо выжидать; ему постоянно нужна была тревога, увлечение смелою ли мыслью или широким предприятием, даже просто хотя бы ссорой с противным человеком. Это словно парус, который только в буре бывает самим собой, а в затишье треплется на мачте бесполезной тряпкой.

•◆•

Никон бросил вызов всему прошлому русской церкви, как и окружающей русской действительности. Но он не хотел считаться со всем этим: перед носителем

вечной и вселенской идеи должно исчезать все временное и местное.

•◆•

Распоряжения Никона показывали русскому православному обществу, что оно доселе не умело ни молиться, ни писать икон и что духовенство не умело совершать богослужение как следует.

•◆•

Основная струна настроения русского церковного общества, косность религиозного чувства, слишком крепко натянутая Никоном, оборвавшись, больно хлестнула и его самого, и правящую русскую иерархию, одобрившую его дело.

•◆•

Никон не оправдал своей диктатуры, не устроил церковных дел, напротив, еще более их расстроил. Власть и придворное общество погасили в нем духовные силы, дарованные ему щедрой для него природой. Ничего обновительного, преобразовательного не внес он в свою пастырскую деятельность; всего менее было этого в предпринятом им исправлении церковных книг и обрядов. Корректура — не реформа, и если корректурные поправки были приняты частью духовенства и общества за новые догматы и вызвали церковный мятеж, то в этом прежде всего

виноват сам Никон со всей русской иерархией: зачем он предпринимал такое дело, обязанный знать, что из него выйдет, и что же делали русские пастыри в продолжение столетий, если не научили своей паствы отличать догмат от сугубой аллилуйи?

•◆•

Ордин-Нащокин во многом предупредил Петра и первый высказал много идей, которые осуществил преобразователь. Это был смелый, самоуверенный бюрократ, знавший себе цену, но при этом заботливый и доброжелательный к управляемым, с деятельным и деловым умом; во всем и прежде всего он имел в виду государственный интерес, общее благо. Он не успокаивался на рутине, всюду зорко подмечал недостатки существующего порядка, верно соображал средства для их устранения, чутко угадывал задачи, стоявшие на очереди. Обладая сильным практическим смыслом, он не ставил далеких целей, слишком широких задач. Умея найтись в разнообразных сферах деятельности, он старался устроить всякое дело, пользуясь наличными средствами.

•◆•

Царь Алексей Михайлович был добрейший человек, славная русская душа. Я готов видеть в нем лучшего человека Древней Руси, по крайней мере, не знаю другого древнерусского человека, который производил бы более

приятное впечатление,— но только не на престоле. Это был довольно пассивный характер. Природа или воспитание было виною того, что в нем развились преимущественно те свойства, которые имеют такую цену в ежедневном житейском обиходе, вносят столько света и тепла в домашние отношения. Но при нравственной чуткости царю Алексею недоставало нравственной энергии. Он любил людей и желал им всякого добра, потому что не хотел, чтобы они своим горем и жалобами расстраивали его тихие личные радости. В нем, если можно так выразиться, было много того нравственного сибаритства, которое любит добро, потому что добро вызывает приятные ощущения. Но он был мало способен и мало расположен что-нибудь отстаивать или проводить, как и с чем-либо долго бороться.

•◆•

Несмотря <...> на свой пассивный характер, на свое добродушно-нерешительное отношение к вопросам времени, царь Алексей много помог успеху преобразовательного движения. Своими часто беспорядочными и непоследовательными порывами к новому и своим уменьем все сглаживать и улаживать он приручил пугливую русскую мысль к влияниям, шедшим с чужой стороны.

•◆•

Одинокие воины в поле, Ртищев и Нащокин, однако, не вопияли в пустыне: оба еще держались крепко старо-

заветных форм и сочувствий, один основал монастырь, другой закончил монастырем; но их идеи, полупонятые и полупризнанные современниками, добрались до другого времени и помогли понять старорусские извращения политической и религиозно-нравственной жизни.

•◆•

Кн. Голицын был прямым продолжателем Ордина-Нащокина. Как человек другого поколения и воспитания, он шел дальше последнего в своих преобразовательных планах. Он не обладал ни умом Нащокина, ни его правительственными талантами и деловым навыком, но был книжно образованнее его, меньше его работал, но больше размышлял. Мысль Голицына, менее сдерживаемая опытом, была смелее, глубже проникала в существующий порядок, касаясь самых его оснований. Его мышление было освоено с общими вопросами о государстве, о его задачах, о строении и складе общества: недаром в его библиотеке находилась какая-то рукопись «о гражданском житии или о поправлении всех дел, яже належат обще народу». Он не довольствовался подобно Нащокину административными и экономическими реформами, а думал о распространении просвещения и веротерпимости, о свободе совести, о свободном въезде иноземцев в Россию, об улучшении социального строя и нравственного

быта. Его планы шире, отважнее проектов Нащокина, но зато идилличнее их.

•◆•

Общественная свобода слагается из известных личных и политических прав.

•◆•

Свобода укрепляется в обществе по мере приобретения этих прав. Обыкновенно они приобретались не всем (зачеркнуто: «классами») обществом вдруг, одновременно, а становились достоянием сперва высших классов, которые добровольно, а чаще поневоле делились приобретенными благами с рядовым населением.

•◆•

Русские люди XVII в. делали шаг вперед и потом останавливались, чтобы подумать, что они сделали, не слишком ли далеко шагнули. Судорожное движение вперед и раздумье с пугливой оглядкой назад — так можно обозначить культурную походку русского общества в XVII в. Обдумывая каждый свой шаг, они прошли меньше, чем сами думали.

•◆•

Суд истории — это приговор могилы, которая все покрывает — и долги и доблести. Историк не могильный

сторож, его место не на кладбище, а в архиве. Его дело — не тревожить покойных отцов, а подготовлять детей к планомерному продолжению унаследованной от отцов работы.

•◆•

Принуждение, обязательная повинность стала наиболее деятельной пружиной государственной жизни, привилегированной, самой лакомой приманкой, механическим понуканием, поощрением к государственной службе. Между тем власть, чувствуя под собой твердую опору в народном бесправии и загоне, расточительно тратила наличные средства народа на свои предприятия и прихоти, не пополняя затрат, и тем еще более утрачивала свою опору, как плохой пахарь небрежной обработкой истощает свой клин, не восстановляя его сил: на мой-де век хватит.

•◆•

Древнерусское общество до XVII в. отличалось однородностью своего нравственно-религиозного состава. При всем различии общественных положений древнерусские люди по своему нравственному облику были очень похожи друг на друга, утоляли свои духовные потребности из одинаковых источников. Боярин и холоп, грамотей и безграмотный запоминали неодинаковое количество священных текстов, молитв, церковных песнопений и

мирских, бесовских песен, сказок, старинных преданий, неодинаково ясно понимали вещи, неодинаково твердо знали свой житейский катехизис; но они твердили один и тот же катехизис, в положенное время одинаково легкомысленно грешили и с одинаковым страхом Божиим приступали к покаянию и причащению до ближайшего обычного разрешения на вся.

•◆•

Петр отлился односторонне, но рельефно, вышел тяжелым и вместе вечно подвижным, холодным, но ежеминутно готовым к шумным взрывам — точь-в-точь как чугунная пушка его петрозаводской отливки.

•◆•

Петр Великий по своему духовному складу был один из тех простых людей, на которых достаточно взглянуть, чтобы понять их.

•◆•

Петр был гостем у себя дома. Он вырос и возмужал на дороге и на работе под открытым небом. Лет под 50, удосужившись оглянуться на свою прошлую жизнь, он увидел бы, что он вечно куда-нибудь едет. В продолжение своего царствования он исколесил широкую Русь из конца в конец — от Архангельска и Невы до Прута, Азова,

Астрахани и Дербента. Многолетнее безустанное движение развило в нем подвижность, потребность в постоянной перемене мест, в быстрой смене впечатлений.

•◆•

Печальные обстоятельства детства и молодости, выбившие Петра из старых, чопорных порядков кремлевского дворца, пестрое и невзыскательное общество, которым он потом окружил себя, самое свойство любимых занятий, заставлявших его поочередно браться то за топор, то за пилу или токарный станок, то за нравоисправительную дубинку, при подвижном, непоседном образе жизни сделали его заклятым врагом всякого церемониала.

•◆•

<...> Простоту и непринужденность вносил Петр и в свои отношения к людям; в обращении с другими у него мешались привычки старорусского властного хозяина с замашками бесцеремонного мастерового.

•◆•

Петр прожил свой век в постоянной и напряженной физической деятельности, вечно вращаясь в потоке внешних впечатлений, и потом развил в себе внешнюю восприимчивость, удивительную наблюдательность и практическую сноровку. Но он не был охотник до досужих общих

соображений; во всяком деле ему легче давались подробности работы, чем ее общий план; он лучше соображал средства и цели, чем следствия; во всем он был больше делец, мастер, чем мыслитель. Такой склад его ума отразился и на политическом и нравственном характере.

•◆•

Вся преобразовательная его деятельность направлялась мыслью о необходимости и всемогуществе властного принуждения: он надеялся только силой навязать народу недостающие ему блага и, следовательно, верил в возможность своротить народную жизнь с ее исторического русла и вогнать в новые берега. Потому, радея о народе, он до крайности напрягал его труд, тратил людские средства и жизни безрасчетно, без всякой бережливости.

•◆•

Как ни мало был Петр внимателен к политическим порядкам и общественным нравам Запада, он при своей чуткости не мог не заметить, что тамошние народы воспитываются и крепнут не кнутом и застенком, а жестокие уроки, данные ему под первым Азовом, под Нарвой и на Пруте, постепенно указывали ему на его политическую неподготовленность, и по мере этого начиналось и усиливалось его политическое самообразование: он стал понимать круп-

ные пробелы своего воспитания и вдумываться в понятия, вовремя им не продуманные, о государстве, народе, о праве и долге, о государе и его обязанностях. Он умел свое чувство царственного долга развить до самоотверженного служения, но не мог уже отрешиться от своих привычек, и если несчастья молодости помогали ему оторваться от кремлевского политического жеманства, то он не сумел очистить свою кровь от единственного крепкого направителя московской политики, от инстинкта произвола.

•◆•

Петр был честный и искренний человек, строгий и взыскательный к себе, справедливый и доброжелательный к другим; но по направлению своей деятельности он больше привык обращаться с вещами, с рабочими орудиями, чем с людьми, а потому и с людьми обращался, как с рабочими орудиями, умел пользоваться ими, быстро угадывал, кто на что годен, но не умел и не любил входить в их положение, беречь их силы, не отличался нравственной отзывчивостью своего отца. Петр знал людей, но не умел или не всегда хотел понимать их.

•◆•

Петр был великий хозяин, всего лучше понимавший экономические интересы, всего более чуткий к источникам государственного богатства. Подобными хозяевами были и его предшественники, цари старой и новой династии; но те были хозяева-сидни, белоручки, привыкшие хозяйничать чужими руками, а из Петра вышел подвижной хозяин-чернорабочий, самоучка, царь-мастеровой.

•◆•

Преобразовательные неудачи станут после Петра хроническим недугом нашей жизни, правительственные ошибки, повторяясь, превратятся в технические навыки, в дурные привычки последующих правителей; те и другие будут потом признаны священными заветами великого преобразователя, хотя он сам иногда сознавал свои неудачи и не раз сознавался в своих ошибках. Надобно внимательно выяснить, откуда пошли приемы и привычки управления, преследующие русскую жизнь после Петра на протяжении чуть не двух столетий и не оправдываемые условиями, какими они были вынуждены при Петре.

•◆•

Преобразование управления — едва ли не самая показная, фасадная сторона преобразовательной деятельности Петра; по ней особенно охотно ценили и всю эту деятельность. Но при этом принимали во внимание не

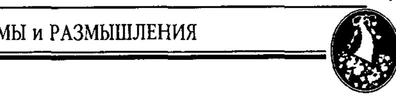
столько медленный и тяжелый процесс перестройки правительственных учреждений, сколько их строй в окончательной отделке, данной им уже к концу царствования.

•◆•

В последние годы жизни Петр издал ряд указов, проникнутых необычным ему настроением. Это не краткие и резкие приказы, а многословные, расплывчатые поучения, в которых автор и жалуется на общую служебную распущенность, и скорбит о пренебрежении указов, грозящем государству конечным падением, подобно греческой монархии, и сетует, что ему не дают покоя частными просьбами, что он не может среди жестокой войны за всем усмотреть сам: ведь он не ангел, да и ангелы не вездесущи, а всяк к своему месту приставлен: «где присутствует, инде его нет». Гневный и вместе скорбный тон этих указов напоминает выражение его лица на поздних его портретах.

•◆•

Вопрос о значении реформы Петра в значительной степени есть вопрос о движении нашего исторического сознания. В продолжение почти двухсот лет у нас много писали и еще больше говорили о деятельности Петра. Сказать о ней что-нибудь считалось необходимым всякий

раз, когда речь переходила от отдельных фактов нашей истории к общей их связи. Всякий, кто хотел взглянуть сколько-нибудь философским взглядом на наше прошлое, считал требованием ученого приличия высказать свое суждение о деятельности Петра. Часто даже вся философия нашей истории сводилась к оценке петровской реформы: посредством некоторого, как бы сказать, ученого ракурса весь смысл русской истории сжимался в один вопрос о значении деятельности Петра, об отношении преобразованной им новой России к древней.

•◆•

По смерти преобразователя в обществе, захваченном реформой и обаянием его личности, долго господствовало отношение к его деятельности, которое можно назвать благоговейным культом Петра.

•◆•

<...> **Уже** современники Державина, увлекавшиеся французской философией, начинали смотреть на дело Петра иначе. Умам, привыкшим к отвлеченным общественным построениям и к тончайшим сюжетам академической морали, не могла нравиться деятельность реформатора, посвященная самым конкретным мелочам военного дела и государственного хозяйства. Она должна была казаться им слишком низменной и материальной, недостойной ни

ума, ни положения Петра. Такой взгляд любили выражать, сопоставляя реформу Петра I с деятельностью Екатерины II. Херасков пел:

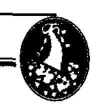
Петр Россам дал тела, Екатерина — души.

•◆•

Петр не оставил после себя ни копейки государственного долга, не израсходовал ни одного рабочего дня у потомства, напротив, завещал преемникам обильный запас средств, которыми они долго пробавлялись, ничего к ним не прибавляя.

•◆•

<...> Реформа Петра стала камнем, на котором оттачивалась русская историческая мысль более столетия. Видим, что по мере того, как одни обвинения за другими висли на этой реформе, шла двойная работа, усиленная идеализация допетровской Руси и разработка культа или искание таинственного народного духа. Обе работы шли легко, без излишнего ученого груза; остроумные догадки принимались за исторические факты, досужие мечты выдавались за народные идеалы. Научный вопрос о значении реформы Петра превращался в шумный журнальный и салонный спор о древней и новой России, об их взаимном отношении; смежные исторические периоды становились непримиримыми житейскими началами, историческая

перспектива заменялась философско-историческими построениями двух противоположных культурных миров — России и Европы.

•◆•

Петр взял из старой Руси государственные силы, верховную власть, право, сословия, а у Запада заимствовал технические средства для устройства армии, флота, государственного и народного хозяйства, правительственных учреждений.

•◆•

Петр шел против ветра и собственным ускоренным движением усиливал встречное сопротивление. В его деятельности было нравственное противоречие, которого он не мог побороть,— несходство побуждений с образом действий. С летами, пережив беспорядочную молодость, он безотчетно и безраздельно проникся мыслью о народном благе, как никто из наших царей, и направил на это всю несокрушимую энергию своей могучей природы. Эта самоотверженность неотразимо привязывала к нему мыслящих людей.

•◆•

Петр действовал силой власти, а не духа и рассчитывал не на нравственные побуждения людей, а на их инстинкты. Правя государством из походной кибитки и с

почтовой станции, он думал только о делах, а не о людях и, уверенный в силе власти, недостаточно взвешивал пассивную мощь массы.

•◆•

Петр стал во главе народа, из всех европейских народов наименее удачно поставленного исторически. Этот народ нашел в себе силы построить к концу XVI в. большое государство, одно из самых больших в Европе, но в XVII в. стал чувствовать недостаток материальных и духовных средств поддержать свою восьмивековую постройку.

•◆•

Преобразовательная увлекаемость и самоуверенное всевластие — это были две руки Петра, которые не мыли, а сжимали друг друга, парализуя энергию одна другой. Надеясь восполнить недостаток наличных средств творчеством власти, преобразователь стремился сделать больше возможного, а исполнители, запуганные и неповоротливые, теряли способность делать и посильное, и как Петр в своем преобразовательном разбеге не умел щадить людские силы, так люди в своем сомкнутом, стоячем отпоре не хотели ценить его усилий.

•◆•

Начатая и веденная верховной властью, привычной руководительницей народа, она <реформа Петра Великого> усвоила характер и приемы насильственного переворота, своего рода революции. Она была революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам и по впечатлению, какое произвела на умы и нервы современников. Это было скорее потрясение, чем переворот. Это потрясение было непредвиденным следствием реформы, но не было ее обдуманной целью.

•◆•

Вера в чудодейственную силу образования, которой проникнут был Петр, его благоговейный культ науки насильственно зажег в рабьих умах искру просвещения, постепенно разгоравшуюся в осмысленное стремление к правде, т. е. к свободе. Самовластие само по себе противно как политический принцип. Его никогда не признает гражданская совесть. Но можно мириться с лицом, в котором эта противоестественная сила соединяется с самопожертвованием, когда самовластец, не жалея себя, идет напролом во имя общего блага, рискуя разбиться о неодолимые препятствия и даже о собственное дело. Так мирятся с бурной весенней грозой, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева.

•◆•

Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга,

загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная.

•◆•

Перед старой романо-германской Европой с выработанными формами общежития, с нормами порядка, превратившимися в общественные привычки и даже в предрассудки, с громадным запасом знаний, идей и материальных сбережений, накоплявшихся чуть не со времен Ромула и Рема, предстала новая русская Европа с одними способностями, подававшими только надежды, с большим количеством рекрутов и вывозного сырья, но без прочных культурных запасов: общежитие держалось только бытовой косностью, покоившейся на вере в стихийную неизменность отцовского и дедовского предания; вместо порядка существовала только привычка повиноваться до первого бунта, вместо знания одна любознательность, только что пробудившаяся; все юридическое сознание заключалось лишь в смутном чувстве потребности права, все богатство — в способности к терпеливой работе.

•◆•

<...> Столь несоизмеримые исторические величины, как Россия и Западная Европа, стали не только соседками, но и соперницами, вошли в разнообразные прямые соприкосновения и даже вступали в столкновения; по крайней мере, одна вовсе не расположена была щадить другую, а другая силилась не отстать от первой из страха стать ее жертвой. В этом интерес первой встречи глаз на глаз Западной и Восточной Европы. Здесь прежде всего важно уяснить себе, что мы наблюдаем — отношение ли двух культур, передовой и отсталой, которые будут вечно разделены раз установившимся расстоянием, или только встречу разных исторических возрастов со случайным и временным культурным неравенством.

•◆•

Народ по-своему взглянул на деятельность Петра. Из этого взгляда постепенно развились две легенды о Петре, в которых всего резче выразилось отношение народа к реформе, которыми даже в значительной степени определились ее ход и результаты: одна легенда гласила, что Петр — самозванец, а другая, что он — антихрист.

•◆•

Легенда о Петре-антихристе возникла или была разработана в церковном обществе, взволнованном новшествами Никона, и сплелась из других мотивов. Преобразовательная деятельность Петра представлялась народу прямым продолжением того непонятного и бесцельного

посягательства со стороны правительства на чистоту родной веры и родных обычаев, какое началось при царе Алексее.

•◆•

Петр хотел сделать дворянство рассадником европейской военной и морской техники. Скоро оказалось, что технические науки плохо прививались к сословию, что русскому дворянину редко и с великим трудом удавалось стать инженером или капитаном корабля, да и приобретенные познания не всегда находили приложение дома.

•◆•

Но пребывание за границей не проходило бесследно: обязательное обучение не давало значительного запаса научных познаний, но все-таки приучало дворянина к процессу выучки и возбуждало некоторый аппетит к знанию; дворянин все же обучался чему-нибудь, хотя бы и не тому, за чем его посылали.

•◆•

Одним из самых сильных впечатлений, вынесенных Петром из первой заграничной поездки, если не сильнейшим, кажется, было чувство удивления: как там много

учатся и как споро работают, и работают споро именно потому, что много учатся!

•◆•

Пройденная при Петре школа не научила людей правящего класса смотреть ясным взглядом на то дело, в котором они принимали такое деятельное участие, и в понимании его сущности они стояли немного выше остального общества. Этот класс чувствовал создавшиеся затруднения, когда о них ударялся, но не находил в голове руководящих идей для их устранения.

•◆•

Петр служил своему русскому отечеству, но служить Петру — еще не значило служить России. Идея отечества была для его слуг слишком высока, не по их гражданскому росту. Ближайшие к Петру люди были не деятели реформы, а его личные дворовые слуги. Он порой колотил их, порой готов был видеть в них своих сотрудников, чтобы тем ослабить в себе чувство скуки своим самодержавным одиночеством.

•◆•

Недостроенная храмина, как называл Меншиков Россию после Петра, достраивалась уже не по петровскому плану, и Феофан Прокопович взял на душу немалый

грех, сказав в своей знаменитой проповеди при погребении Петра в утешение осиротевшим россиянам, будто преобразователь «дух свой оставил нам».

•◆•

Усталый, опускаясь со дня на день и от болезни, и от сознания своей небывалой славы и заслуженного величия, Петр видел вокруг себя пустыню, а свое дело на воздухе и не находил для престола надежного лица, для реформы — надежной опоры ни в сотрудниках, которым знал цену, ни в основных законах, которых не существовало, ни в самом народе <...>.

•◆•

Целые годы Петр колебался в выборе преемника и уже накануне смерти, лишившись языка, успел только написать: «Отдайте все...», а кому — ослабевшая рука не дописала явственно. Лишив верховную власть правомерной постановки и бросив на ветер свои учреждения, Петр этим законом погасил и свою династию как учреждение: остались отдельные лица царской крови без определенного династического положения. Так престол был отдан на волю случая и стал его игрушкой.

•◆•

<...> Время со смерти Петра I до воцарения Екатерины II можно назвать эпохой дворцовых переворотов.

Дворцовые перевороты у нас в XVIII в. имели очень важное политическое значение, которое выходило далеко за пределы дворцовой сферы, затрагивало самые основы государственного порядка. Одна черта, яркой нитью проходящая через весь ряд этих переворотов, сообщала им такое значение. Когда отсутствует или бездействует закон, политический вопрос обыкновенно решается господствующей силой. В XVIII в. у нас такой решающей силой является гвардия, привилегированная часть созданной Петром регулярной армии.

•◆•

По воцарении Елизаветы, когда патриотические языки развязались, церковные проповедники с безопасной отвагой говорили, что немецкие правители превратили преобразованную Петром Россию в торговую лавку, даже в вертеп разбойников.

•◆•

Странные явления, которые так возбуждали общее внимание, не прекращались и после Петра. Древняя Русь никогда не видала женщин на престоле, а по смерти преобразователя на престол села женщина, да еще неведомо откуда взявшаяся иноземка. Эта новость вызвала в народе много недоразумений, печальных или забавных. Так, во время присяги императрице-вдове некоторые простачки

в Москве отказались присягать, говоря: «Если женщина стала царем, так пусть женщины ей и крест целуют».

•◆•

Деятельность Петра во всем русском обществе пробудила непривычную и усиленную работу политической мысли. Переживали столько неожиданных положений, встречали и воспринимали столько невиданных явлений, такие неиспытанные впечатления ложились на мысль, что и неотзывчивые умы стали задумываться над тем, что творилось в государстве.

•◆•

Люди <в Западной Европе>, живущие по своей воле и не пожирающие друг друга, вельможи, не смеющие никого обидеть, самодержец, не могущий ничего взять со своих подданных без определения парламента, дети, успешно обучающиеся без побоев,— все это были невозможные нелепости для тогдашнего московского ума, способные вести только к полной анархии, и все эти нелепые невозможности русский наблюдатель видел воочию, как ежедневные обиходные факты или правила, нарушение которых считалось скандалом.

•◆•

Негласное вымогание свободы вызывалось нравственным недоверием к дурно воспитанной политичес-

кой власти и страхом перед недоверчивым к правящему классу народом; формальное ограничение не удавалось вследствие розни среди самих господствующих классов.

•◆•

При императрице Анне и ее колыбельном преемнике переломилось настроение русского дворянского общества. Известные нам влияния вызвали в нем политическое возбуждение, направили его внимание на непривычные вопросы государственного порядка. Опомнившись от реформы Петра и оглядываясь вокруг себя, сколько-нибудь размышлявшие люди сделали важное открытие: они почувствовали при чересчур обильном законодательстве полное отсутствие закона.

•◆•

<...> Со смерти Петра I русское дворянское общество пережило ряд моментов или настроений. Дело началось замыслом ограничить верховную власть учреждением тесного совета из первостепенной знати; этот замысел вызвал попытку ввести в высшее управление конституционное участие более широкого дворянского круга. Когда не удались ни аристократический олигархизм, ни шляхетский конституционализм, от обеих неудач отложился сильно возбужденный дворянский патриотизм, приучавший сосло-

вие к трезвому взгляду на свое положение в государстве: лучше самим распоряжаться в отечестве, чем терпеть хозяйничанье чужаков. Поворотом от беспокойных и непривычных толков о европейских конституциях к реальным условиям родной страны и общепонятным интересам сословия завершилось политическое возбуждение, длившееся 17 лет. Оно не прошло бесследно для государственного устройства и общественного порядка, под его прямым или косвенным влиянием дворянство постепенно ставилось в новое служебное и хозяйственное положение.

•◆•

Так <бессильно> действовали правительства после Петра. Они не ставили себе общего вопроса, что делать с реформой Петра — продолжать ли ее или упразднить. Не отрицая ее, они не были в состоянии и довершать ее в целом ее составе, а только частично ее изменяли по своим текущим нуждам и случайным усмотрениям, но в то же время своей неумелостью или небрежением расстраивали ее главные части. Не зная положения дел в государстве, «вышнее правление» брело ощупью, по указаниям подчиненных, не умевших составить ни одной верной и отчетливой ведомости.

•◆•

Русские купцы сами мало вывозили за границу, и вывозная торговля оставалась в руках иноземцев, которые и

теперь, как при Петре, по выражению одного иноземца же, точно комары, сосали кровь из русского народа и потом улетали в чужие края. Как старался Петр одеть свое войско в русское сукно! Назначал для того суконным фабрикам крайние сроки, и, однако, много лет после него не могли обойтись без английского или прусского мундирного сукна, платя за него сотни тысяч рублей. Тяжким бременем ложились на торговлю унаследованные от старой Руси и поддержанные при Петре таможенные пошлины и разные мелочные сборы.

•◆•

Только Семилетняя война подтянула расстраивавшееся войско, став для него такой же дорого оплаченной школой, какой была Северная война. Еще печальнее участь, постигшая флот: он все время оставался в крайнем пренебрежении. Запас опытных морских офицеров и матросов, собранных Петром, истощался, не обновляясь, и убыль пополняли пехотными солдатами. Десятка три военных кораблей украшали собою гавани, готовясь к смотрам, и ни на что больше не пригодные; из них едва десяток мог выйти в открытое море.

•◆•

Шесть царствований на протяжении 37 лет достаточно выяснили судьбу преобразовательного дела Петра по смерти преобразователя. Он едва ли узнал бы свое дело в этом посмертном его продолжении. Он действовал деспотически; но, олицетворяя в себе государство, отождествляя свою волю с народной, он яснее всех своих предшественников сознавал, что народное благо — истинная и единственная цель государства

•◆•

После Петра государственные связи, юридические и нравственные, одна за другой порываются, и среди этого разрыва меркнет идея государства, оставляя по себе пустое слово в правительственных актах. Самодержавнейшая в мире империя, очутившаяся без установленной династии, лишь с кое-какими безместными остатками вымирающего царского дома; наследственный престол без законного престолонаследия; государство, замкнувшееся во дворце со случайными и быстро менявшимися хозяевами; сбродный по составу, родовитый или высокочиновный правящий класс, но сам совершенно бесправный и ежеминутно тасуемый; придворная интрига, гвардейское выступление и полицейский сыск — все содержание политической жизни страны; общий страх произвола, подавлявший всякое чувство права,— таковы явления, бросавшиеся в глаза иностранным дипломатам при русском дворе, которые писали, что здесь все меняется каждую минуту, всякий пугается собственной тени при малейшем сло-

ве о правительстве, никто ни в чем не уверен и не знает, какому святому молиться.

•◆•

Петр внес в свою преобразовательную деятельность не одну личную энергию, но и ряд идей, каковы понятие о государстве и взгляд на науку как государственное средство, и ряд задач, частью унаследованных, частью им впервые поставленных. Эти идеи и задачи сами собой складывались в довольно широкую программу. Петр хотел сделать свой народ богатым и сведущим, а для того помощью знания поднять его труд до уровня государственных нужд, даже по возможности до западноевропейского уровня, приобретением балтийского берега открыть произведениям этого труда прямой и свободный путь на западные рынки, а влиятельным международным положением обеспечить своей стране общение с Западом и непрерывный приток оттуда технических и культурных средств.

•◆•

В 1770 г., когда знаменитый церковный educationвития Платон, сказывая в Петропавловском соборе в присутствии императрицы и двора проповедь по поводу Чесменской победы, театрально сошел с амвона и, ударив посохом по гробнице Петра Великого, призывал его восстать и воззреть на свое любезное изобретение, на флот, Разумовский среди общего восторга добродушно шепнул окружающим: чего он его кличет? Если он встанет, нам всем достанется.

•◆•

Не оплакало ее <Елизавету> только одно лицо, потому что было не русское и не умело плакать: это — назначенный ею самой наследник престола — самое неприятное из всего неприятного, что оставила после себя императрица Елизавета. Этот наследник, сын старшей Елизаветиной сестры, умершей вскоре после его рождения, герцог Голштинский, известен в нашей истории под именем Петра III.

•◆•

Петр I своими понятиями и стремлениями близко подошел к идее правового государства: он видел цель государства в добре общем, в народном благе, не в династическом интересе, а средство для ее достижения — в законности, в крепком хранении «прав гражданских и политических»; свою власть он считал не своей наследственной собственностью, а должностью царя, свою деятельность — служением государству. Но обстоятельства и привычки помешали ему привести свое дело в полное согласие с собственными понятиями и намерениями. Обстоятельства вынуждали его работать больше в области политики, чем права, а от предшественников он унаследовал два вредных политических предрассудка — веру в творческую мощь власти и уверенность в неистощи-

мости народных сил и народного терпения. Он не останавливался ни перед чьим правом, ни перед какой народной жертвой. Став преобразователем в европейском духе, он сберег в себе слишком много московского, допетровского царя, не считался ни с правосознанием народа, ни с народной психологией и надеялся искоренить вековой обычай, водворить новое понятие так же легко, как изменял покрой платья или ширину фабричного сукна. Вводя все насильственно, даже общественную самодеятельность вызывая принуждением, он строил правомерный порядок на общем бесправии, и потому в его правомерном государстве рядом с властью и законом не оказалось всеоживляющего элемента, свободного лица, гражданина.

•◆•

Петру не удалось укрепить свою идею государства в народном сознании, а после него она погасла и в правительственных умах. Законным преемникам Петра, его внуку и дочери, была недоступна его государственная идея. Остальные смены приносили на престол нечаянных властителей, даже инородцев, которые не могли видеть в России не только своей вотчины, но и своего отечества. Государство замкнулось во дворце. Правительства, охранявшие власть даже не как династическое достояние, а просто как захват,

которого не умели оправдать перед народом, нуждались не в народной, а в военно-полицейской опоре.

•◆•

Мутная волна дворцовых переворотов, фаворов и опал своим прибоем постепенно наносила вокруг престола нечто похожее на правящий класс с пестрым социальным составом, но с однофасонным складом понятий и нравов.

•◆•

Военная реформа Петра осталась бы специальным фактом военной истории России, если бы не отозвалась слишком отчетливо на складе всего русского общества. Она выдвигала вперед двойное дело, требовала изыскания средств для содержания преобразованных вооруженных сил, сухопутных и морских, и особых мер для поддержания их регулярного строя.

•◆•

Впоследствии Петра напрасно упрекали в том, будто он считал достаточным для образования посылать молодых людей за границу, не дав им предварительно хорошего воспитания в отечестве. Он хотел не только завести отечественные средства для образования молодежи, но и отцов ее окружить умственной атмосферой, которая располагала бы детей к образованию. Для этого надобно бы-

ло вывести русского человека из его национального одиночества, продвинуть его кругозор за пределы его отечества, знакомя его с тем, что делается на всем белом свете и как там умеют соединять приятное с разумным.

•◆•

Очень много нового внес Петр в Россию, но эти новости сами по себе не изменяли ни основ, ни направления ее государственной жизни.

•◆•

Воцарение Екатерины I — важный симптоматический прецедент, не раз повторявшийся впоследствии с расширенным действием: материальные и культурные средства, заготовленные преобразователем для ограждения внешней силы и внутреннего благоустройства государства, с ущербом для того и другого тратились на поддержание личных или партийных дрязг, разыгрывавшихся за столичными кулисами.

•◆•

Не было ничего необычного в том, что после Петра люди правящего класса прежде всего позаботились о себе, и у них туманные, отвлеченные помыслы о свободе превратились в конкретное стремление оградить себя от про-

извола, упрочить свое положение в управлении надежными законами.

•◆•

Разброд мнений о размерах желаемой свободы порождала партийность, признак неподготовленности умов, не привыкших размышлять о таких предметах, не успевших выработать общих воззрений. Поэтому все становилось неопределенным и непрочным.

•◆•

Дав России влиятельное положение в Европе, Петр навязал преемникам ряд внешних задач, разрешение которых было необходимо для поддержания этого положения: таковы были особенно обороны областей, отнятых у Швеции, поддержание выгодного для России анархического устройства Польши и защита польских православных, совместная с Австрией борьба с Турцией и утверждение на северных берегах Черного моря.

•◆•

Как ни мало были приготовлены и способны к управлению правительства, сменявшиеся по смерти Петра, как ни далеки они были от своего великого образца, программой которого любили прикрывать свои действия (недомыслия),— собственный эгоизм, инстинкт самосохране-

ния побуждал их, по крайней мере, избегать грубых ошибок и сдерживать в себе другие, более соблазнительные инстинкты, а в случае неудачи как-нибудь оправдать первые и благовидно прикрыть проявления последних.

•◆•

Свобода есть такое состояние народа, в котором без стеснения раскрываются и действуют все производительные силы народа, закономерно охраняются все законные интересы, удовлетворяются насущные общественные нужды.

•◆•

По различию интересов весть о смерти Петра одних встревожила, других обрадовала: при царском дворе, например, все генерально едва не спились с радости, как доносил прусский резидент.

•◆•

Петр сосредоточивал свои усилия прежде всего на главнейших опорах внешней безопасности и внутреннего порядка: на армии, флоте, управлении, но не имел ни досуга, ни навыка для разработки тех мелких общественных производительных сил, которые сообщают государству внешнюю мощь и внутреннюю крепость. Петр перестраивал

свое государство сверху, оставляя новую постройку на старом, подгнившем фундаменте.

•◆•

Зная, какое скудное культурное наследство досталось нам через византийского грека, дряхлевшего душеприказчика и античной цивилизации и евангельско-апостольского христианства, зная, как мало плодотворных возбуждений для народного самообразования давали сотрудничество мордвина и соседство монгола,— зная все это, трудно винить кого-либо, кроме исторической судьбы, в том, что в XV в. политически сложившаяся Великороссия сложилась в вотчинное государство, удержала форму гражданского союза, какую носили русские княжества удельных веков, сложившиеся по типу *боярщины*, древнерусской боярской вотчины.

•◆•

Сам Грозный, так много поломавший свою голову над мыслью о всенародном царе, опричниной, выделенной из земли и набранной из худородного дворянства, показал, что он не понимал *народного государства и решительно хотел остаться удельным вотчинным и сословным холопско-дворянским государем.* За это Московская Русь поплатилась бедствиями Смутного времени. Эта бурная пора встряхнула вялую московскую мысль, заста-

вила ее вникнуть в сущность государства, *отделив его от личности государя* как случайности, прояснила и значение народа как *сознательной государственной силы.*

•◆•

Из заграничных наблюдений и из сношений с умными иноземцами и уроков собственного опыта, из соображений здравого рассудка и внушений доброй, честной природы он <Петр Великий> усвоил и многочисленными указами и уставами, даже школами, книгами и казнями старался ввести в общественное сознание значительный запас незнакомых московскому царю и народу познаний и идей о государстве и законе, об отношении подданных к государю и обязанностях государя к народу, о добре или благе общем и о служении отечеству. На этих идеях при широком непосредственном знакомстве Петра со своей страной могло быть построено цельное основное и органическое законодательство, потребность в котором так сильно давали чувствовать недостатки успевшего устареть Уложения царя Алексея. Но обстоятельства сложились для Петра так неблагоприятно, что почти все его царствование прошло в войнах.

•◆•

Он <Петр Великий> не останавливался ни перед чьим правом, ни перед какой жертвой. Одним порывом воли и нажимом власти он надеялся произвести моментальный переворот в умах и отношениях, поддающихся только медленной упорной переработке, отменял старый обычай, придумывал новое понятие, новое право так же легко, как изменял покрой платья и ширину фабричного сукна.

•◆•

Став преобразователем в западноевропейском духе, он <Петр Великий> сберег в себе слишком много *московского допетровского царя*, не желавшего считаться ни с правосознанием народа, ни с физиологией народной жизни.

•◆•

Петр созидал новое правовое государство старыми средствами, заслоняя законность произволом и доносом. Потому народ вынес из его деятельности неверное и незаслуженное впечатление, что реформа — только новая прихоть старого самовластва.

•◆•

Манифест Екатерины II от 6 июля 1762 г. возвестил о новой силе, имевшей впредь направлять государственную жизнь России. Доселе единственным двигателем этой жизни, признанным в единственном основном законе империи, в уставе Петра Великого о престолонаследии, была всевластная воля государя, личное усмотрение. Екате-

рина объявила в манифесте, что самодержавное самовластие само по себе, без случайной, необязательной узды добрых и человеколюбивых качеств есть зло, пагубное для государства. Торжественно были обещаны законы, которые указывали бы всем государственным учреждениям пределы их деятельности.

•◆•

Июньский переворот 1762 г. сделал Екатерину II самодержавной русской императрицей. С самого начала XVIII в. носителями верховной власти у нас были люди, либо необычайные, как Петр Великий, либо случайные, каковы были его преемники и преемницы, даже те из них, кого назначала на престол в силу закона Петра I предыдущая случайность, как было с ребенком Иваном VI и с Петром III. Екатерина II замыкает собою ряд этих исключительных явлений нашего во всем не упорядоченного XVIII в.: она была последней случайностью на русском престоле и провела продолжительное и необычайное царствование, создала целую эпоху в нашей истории. Далее пойдут уже царствования по законному порядку и в духе установившегося обычая.

•◆•

Она обладала в высокой степени искусством, которое принято называть даром внушения, умела не приказывать, а подсказывать свои желания, которые во внушаемом уме незаметно перерождались в его собственные идеи и тем усерднее исполнялись. Наблюдательное обращение с людьми научило ее узнавать их коньки, и, посадив такого дельца на его конька, она предоставляла ему бежать, как мальчику верхом на палочке, и он бежал и бежал, усердно подстегивая самого себя. Она умела чужое самолюбие делать орудием своего честолюбия, чужую слабость обращать в свою силу. Своим обхождением она облагообразила жизнь русского двора, в прежние царствования походившего не то на цыганский табор, не то на увеселительное место.

•◆•

Для Екатерины жить — смолоду значило работать, а так как ее житейская цель состояла в том, чтобы уговорить людей помочь ей выбиться из ее темной доли, то ее житейской работой стала обработка людей и обстоятельств. По самому свойству этой работы она в других нуждалась гораздо больше, чем другие нуждались в ней. Притом судьба заставила ее долго вращаться среди людей, более сильных, но менее дальновидных, которые вспоминали о ней только тогда, когда она им надобилась. Потому она рано усвоила себе мысль, что лучшее средство пользоваться обстоятельствами и людьми — это плыть до времени по течению первых и служить не слепым, но послушным орудием в руках вторых. Она не раз

отдавалась в чужие руки, но только для того, чтобы ее донесли до желаемого ею места, до которого она не могла сама добраться.

•◆•

Людей упрямых, с неподатливым характером или готовых идти напролом она <Екатерина II> не любила; они и не подходили к ней или уходили от нее, так что ее победы над чужими душами облегчались нечувствительным для нее подбором субъектов. С другой стороны, она была способна к напряжению, к усиленному, даже непосильному труду, и потому себе и другим казалась сильнее самой себя.

•◆•

Екатерина <II> принадлежала к числу довольно редких людей, умеющих взглянуть на себя со стороны, как говорится, объективно, как на любопытного прохожего. Она подмечала в себе слабости и недостатки с каким-то самодовольством, не прикрашивая их, называя настоящими именами, без малейшего угрызения совести, без всякого позыва к сожалению или раскаянию.

•◆•

Екатерина <II> пишет про себя в записках, что у нее ум и характер, несравненно более мужской, чем женский, хотя при ней оставались все приятные качества женщины,

достойной любви. Древо самопознания без достаточного нравственного удобрения дало нездоровый плод — самомнение.

•◆•

Она <Екатерина II> была очень переимчива и так легко усвояла чужую идею, что присвояла ее себе; у нее то и дело слышны отзвуки и перепевы то мадам Севинье, то Вольтера, Монтескье, Мольера и т. п. Это особенно заметно в ее французских письмах, до которых она была большая охотница.

•◆•

От природы веселая, она не могла обойтись без общества и сама признавалась, что любила быть на людях. В своем интимном кругу она была проста, любезна, шутлива, и все чувствовали себя около нее весело и непринужденно. Но она преображалась, выходя в приемный зал, принимала сдержанно-величественный вид, выступала медленно, некрупными шагами, встречала представлявшихся стереотипной улыбкой и несколько лукавым взглядом светло-серых глаз. Манера держаться отражалась и на всей деятельности, образуя вместе с ней цельный состав характера. В каком бы обществе ни вращалась Екатерина, что бы она ни делала, она всегда чувствовала себя как бы на сцене и потому слишком много делала на-

8 – 3165

показ. Задумав дело, она больше думала о том, что скажут про нее, чем о том, что выйдет из задуманного дела; обстановка и впечатление были для нее важнее самого дела и его последствий. Отсюда ее слабость к рекламе, шуму, лести, туманившей ее ясный ум и соблазнявшей ее холодное сердце. Она больше дорожила вниманием современников, чем мнением потомства; за то и ее при жизни ценили выше, чем стали ценить по смерти. Как она сама была вся созданием рассудка без всякого участия сердца, так и в ее деятельности больше эффекта, блеска, чем величия, творчества.

•◆•

Век нашей истории, начатый царем-плотником, заканчивался императрицей-писательницей. Материальная работа власти, казалось, последовательно приводила к духовному влиянию, к работе над умами. Такова перспектива, открывающаяся при взгляде на наш XVIII век.

•◆•

Редким фактом в европейской истории останется тот случай, когда славяно-русское государство в царствование с национальным направлением помогло немецкому курфюршеству с разрозненной территорией превратиться в великую державу, сплошной широкой полосой раскинувшуюся по развалинам славянского же государства от Эльбы до Немана.

•◆•

Россия не присвоила ничего исконно польского, отобрала только свои старинные земли да часть Литвы, некогда прицепившей их к Польше. Но с русским участием раздвинулось новой обширной могилой славянское кладбище, на котором и без того похоронено было столько наших соплеменников, западных славян. История указывала Екатерине возвратить от Польши то, что было за ней русского, но не внушала ей делиться Польшей с немцами. Предстояло ввести Польшу в ее этнографические границы, сделать ее настоящей польской Польшей, не делая ее Польшей немецкой. Разум народной жизни требовал спасти Западную Русь от ополячения, и только кабинетская политика могла выдать Польшу на онемечение. Без русских областей, в своих национальных пределах, даже с исправленным государственным строем самостоятельная Польша была бы для нас несравненно менее опасной, чем та же Польша в виде австрийских и прусских провинций. Наконец, уничтожение польского государства не избавило нас от борьбы с польским народом.

•◆•

Став на практике прямым вмешательством в чужие дела, европейский арбитраж Екатерины при ее средствах

и власти, не сдерживаемой чувством ответственности, мог бы наделать много хлопот, если бы политика Екатерины не страдала ослаблявшим опасность недостатком глазомера, умения ставить дело прямо в исполнимых размерах и неуклонно вести его до конца. Признавая доброе начало половиной дела, Екатерина обыкновенно начинала шумными выступлениями с широкой программой, а потом, осмотревшись, наткнувшись на препятствия, шла на сделки, уступки, сокращала свои виды, порой прикрикивала министру: «Держитесь крепко — и ни шагу назад»,— и все-таки отступала.

•◆•

Политический мир признавал за Екатериной великое имя в Европе и силу, принадлежащую ей исключительно. В России по отдаленным захолустьям долго помнили и говорили, что в это царствование соседи нас не обижали и наши солдаты побеждали всех и прославились. Это простейшее общее впечатление Безбородко, самый видный дипломат после Панина, выражал в изысканной форме, говоря в конце своей карьеры молодым дипломатам: «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела».

•◆•

Внутренняя политика Екатерины по своим задачам не была проще внешней. В последней надобно было пока-

зать силу империи и удовлетворить национальное чувство; в первой предстояло проявить блеск власти, упрочить положение ее носительницы и согласить враждующие общественные интересы. Притом и орудия действия были не в пользу внутренней политики: вместо вооруженной силы, заслуженно прославленной, и дипломатии с ее тонкими комбинациями, здесь чиновничество с его безвыходной косностью (рутиной) и дворянство с его невежеством и «древней ленью», на которую горько жаловался бывший канцлер Бестужев-Рюмин.

•◆•

Государство утратило свой смысл в народном мнении и даже превратилось в какой-то заговор против народа, от которого, по замечанию Екатерины, скрывали ошибки судей и других чиновников. Если прибавить к этому отсутствие основных законов, кроме разве анархического устава о престолонаследии, то изображение, начертанное Екатериной, даст полную картину азиатской деспотии, где действует произвол лиц вместо законов и учреждений.

•◆•

Петр I оставил Россию «недостроенной храминой» в виде большого сруба без кровли, без окон и дверей, а только с отверстиями для них. После него при господстве его сотрудников, потом наезжих иноземцев и затем доморощенных елизаветинских дельцов ровно ничего не было сделано для отстройки здания, а только испорчен заготовленный *материал* в виде учреждений, регламентов, уставов и т. п.

•◆•

Она хотела вести чисто личную политику, не прикрываемую никаким рядом стоящим, хотя бы только совещательным, но законно оформленным и ответственным учреждением. В ближайшей к себе сфере управления она не допускала и тени права, могущей омрачить блеск ее попечительного самовластия. По ее мысли, задача права — руководить подчиненными органами управления; оно должно действовать, подобно солнечной теплоте в земной атмосфере: чем выше, тем слабее. Власть, не только неограниченная, но и неопределенная, лишенная всякого юридического облика,— это основной факт нашей государственной истории, сложившейся ко времени Екатерины. Она оберегала этот *факт места* от всяких попыток дать закономерный строй верховному управлению. Но она хотела прикрыть этот туземный факт *идеями века*. Обработка, какую эти идеи получили в ее уме, давала возможность столь трудного логически применения их.

•◆•

Для нее <Екатерины II> разум и его спутники — истина, правда, равенство, свобода — не были боевые на-

чала, непримиримо борющиеся за господство над человечеством с преданием и его спутниками — ложью, неправдой, привилегией, рабством,— это такие же элементы общежития, как и их противники, только поопрятнее и поблагороднее их. От создания мира эти благородные начала были в унижении; теперь пришло их господство. Они могут уживаться с началами другого порядка; всякое дело, какова бы ни была его цель, должно для своего успеха усвоить себе эти начала.

•◆•

В ее <Екатерины II> емком уме укладывались предания немецкого феодализма рядом с привычками русского правления и политическими идеями просветительного века, и она пользовалась всеми этими средствами по своим наклонностям и соображениям. Она хвалилась, что, подобно Алкивиаду, уживется и в Спарте и в Афинах. Она писала Вольтеру в 1765 г., что ее девиз — пчела, которая, летая с растения на растение, собирает мед для своего улья, но склад ее политических понятий скорее напоминает муравейник, чем улей.

•◆•

Свободная от политических убеждений, она <Екатерина II> заменяла их тактическими приемами политики. Не выпуская из рук ни одной нити самодержавия, она допускала косвенное и даже прямое участие общества в управлении и теперь призвала к сотрудничеству в составлении нового уложения народное представительство. Самодержавная власть, по ее мысли, получала новый облик, становилась чем-то вроде *лично-конституционного абсолютизма*. В обществе, утратившем чувство права, и такая случайность, как удачная личность монарха, могла сойти за правовую гарантию.

•◆•

Со смерти Петра крепостное состояние расширялось и в количественном и в качественном отношении, т. е. одновременно *все большее количество* лиц становилось в крепостную зависимость и *все более* расширялись границы власти владельца над крепостными душами.

•◆•

Простор, предоставленный <при Екатерине II> помещичьей власти, содействовал размножению обременительного для крестьян класса дворовых людей. Когда дворянство несло обязательную службу, дворянин должен был содержать при себе штат дворовых людей, с которыми он ходил в походы или которым он поручал в свое отсутствие ведение управления сельского хозяйства; с прекращением обязательной службы этот штат должен был

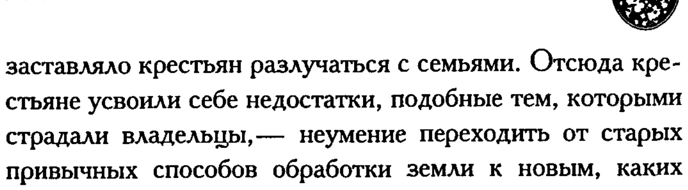
сократиться. Однако с половины XVIII в. он заметно растет.

•◆•

Помещик был полным распорядителем крестьянского мира, порученного его надзору: он творил здесь суд и расправу, смотрел за благочинием и порядком, устраивал все хозяйственные и общественные отношения крестьян. Однако эти административные занятия при всей своей многосложности не требовали такой многочисленной дворни, какую держали помещики: излишек служил прихотливым личным нуждам помещиков, которые мало стеснялись в этом отношении, возлагая содержание дворни на своих крестьян.

•◆•

<...> Крепостное право оставило и крестьян без господского руководства и достаточного инвентаря: крепостной крестьянин при установившихся отношениях к землевладельцам лишен был указаний технического знания, которого не имел сам помещик, как и достаточного инвентаря, которого не копил помещик. Он должен был обрабатывать землю, как умел, т. е. как привык. Притом, платя тяжелый оброк, он должен был прибегать к работам на стороне, к отхожим промыслам, которыми восполнялись недоборы его домашнего земледельческого хозяйства; это

заставляло крестьян разлучаться с семьями. Отсюда крестьяне усвоили себе недостатки, подобные тем, которыми страдали владельцы,— неумение переходить от старых привычных способов обработки земли к новым, каких требовали изменявшиеся хозяйственные условия, наклонность пахать возможно больше земли и неумение пахать ее лучше, непонимание выгод интенсивного хозяйства.

•◆•

<...> Крепостное право, подсушив источники доходов, какие получала казна путем прямых налогов, заставило казначейство обращаться к таким косвенным средствам, которые или ослабляли производительные силы страны, или ложились тяжелым бременем на будущие поколения.

•◆•

Дворянство, освободившись от обязательной службы, почувствовало себя без настоящего, серьезного дела. Это дворянское *безделье*, политическое и хозяйственное, и было чрезвычайно важным моментом в истории нашего образованного общества, следовательно, в истории нашей культуры. Оно, это безделье, послужило урожайной почвой, из которой выросло во второй половине века уродливое общежитие со странными понятиями, вкусами и отношениями. Когда люди известного класса отрываются от действительности, от жизни, которой живет окружающее

их общество, они создают себе искусственное общежитие, наполненное призрачными интересами, игнорируют действительные интересы, как чужие сны, а собственные грезы принимают за действительность.

•◆•

С тех пор как дворянство, освободившись от обязательной службы, почувствовало себя на досуге, оно стало стараться наполнить этот досуг, занять скучающую лень плодами чужих умственных и нравственных усилий, цветами заимствованной культуры.

•◆•

При Петре дворянин учился обязательно по «наряду» и по «указной» программе; он обязан был приобрести известные математические, артиллерийские и навигацкие познания, какие требовались на военной службе, приобрести известные познания политические, юридические и экономические, необходимые на службе гражданской. Эта учебная повинность дворянства и стала падать со смертью Петра. Техническое образование, возложенное Петром на сословие как натуральная повинность, стало заменяться другим, добровольным.

•◆•

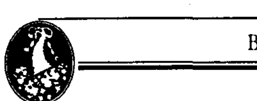
Во все царствование Екатерины ни один медик не получил ученого диплома, т. е. не выдержал экзамена. Лекции читались на французском или на латинском языке. Высшее дворянство неохотно шло в университет; один из современников говорит, что в нем не только нельзя научиться чему-нибудь, но и можно утратить приобретенные дома добропорядочные манеры. Так не удалась цель Петра — привить к дворянству «обучение гражданству и экономии».

•◆•

Под влиянием новых литературных потребностей и путешествия русской дворянской молодежи за границу получили иную цель; при Петре дворянин ездил учиться за границу артиллерии и навигации; после он ездил туда усваивать великосветские манеры. Теперь, при Екатерине, он поехал туда на поклон философам. «На постоялом дворе Европы», как называл Вольтер свой дом в Фернее, от времени до времени появлялись и русские путешественники. Екатерина в одном из писем к Вольтеру говорит: *«Многие наши офицеры, которые были приняты Вами так снисходительно в Фернее, воротились без ума от Вас и от Вашего приема. Наши молодые люди жаждут Вас видеть и разговоры слышать»*.

•◆•

Влияние французской просветительной литературы вместе с французскими модами и нравами приливало в русское

дворянское общество широкой струей во все царствование Екатерины. Трудно представить себе, с каким усердием усвоялось это влияние; некоторые в успехе этого усвоения достигли колоссально бесполезной виртуозности.

•◆•

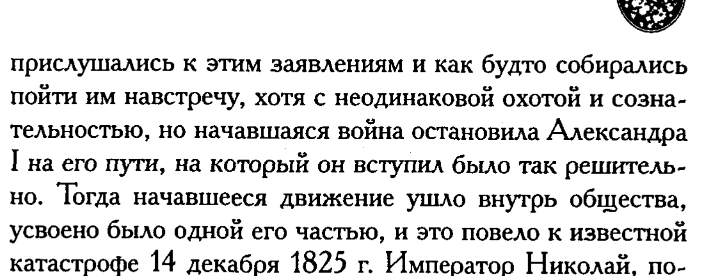
Влияние французской просветительной литературы было последним моментом того процесса, который со смерти Петра совершался в умственной и нравственной жизни русского общества.

•◆•

<...> Действие просветительной литературы обнаружилось и появлением новых типов в составе русского общества, которых незаметно было при Елизавете. Отвлеченные идеи, общие места, громкие слова, украшавшие умы людей екатерининского времени, нисколько не действовали на чувства; под этими украшениями сохранилась удивительная черствость, отсутствие чутья к нравственным стремлениям.

•◆•

Уже в конце царствования Екатерины раздавались одинокие голоса против существующего порядка, особенно против тех отношений, какие установились между основными классами общества — дворянством и крепостным крестьянством. Правительства Павла и Александра I

прислушались к этим заявлениям и как будто собирались пойти им навстречу, хотя с неодинаковой охотой и сознательностью, но начавшаяся война остановила Александра I на его пути, на который он вступил было так решительно. Тогда начавшееся движение ушло внутрь общества, усвоено было одной его частью, и это повело к известной катастрофе 14 декабря 1825 г. Император Николай, подавивши это движение, однако, запомнил некоторые стремления, заявленные людьми 14 декабря, и попытался по-своему поставить и решить вопросы внутренней жизни, стоявшие на очереди. Неудача этой попытки усилила с конца 40-х годов брожение в обществе, вызвала глухой ропот, а исход Крымской войны превратил его в целое общественное настроение; стремления, заявленные в это время, легли в основу преобразовательной программы следующего царствования.

•◆•

Император Павел I был первый царь, в некоторых актах которого как будто проглянуло новое направление, новые идеи.

•◆•

<...> Это царствование органически связано как протест — с прошедшим, а как первый неудачный опыт новой политики, как назидательный урок для преемников — с будущим. Инстинкт порядка, дисциплины и равенства был ру-

ководящим побуждением деятельности этого императора, борьба с сословными привилегиями — его главной задачей. Так как исключительное положение, приобретенное одним сословием, имело свой источник в отсутствии основных законов, то император Павел начал создание этих законов.

•◆•

Незримый, но постоянно чувствуемый обидный надзор, недоверие и даже пренебрежение со стороны матери, грубость со стороны временщиков — устранение от правительственных дел — все это развило в великом князе <Павле> озлобленность, а нетерпеливое ожидание власти, мысль о престоле, не дававшая покоя великому князю, усиливали это озлобление. Отношения, таким образом сложившиеся и продолжавшиеся более десятка лет, гибельно подействовали на характер Павла, держали его слишком долго в том настроении, которое можно назвать нравственной лихорадкой. Благодаря этому настроению на престол принес он не столько обдуманных мыслей, сколько накипевших при крайней неразвитости, если не при полном притуплении политического сознания и гражданского чувства, и при безобразно исковерканном характере горьких чувств.

•◆•

Мысль, что власть досталась слишком поздно, когда уже не успеешь уничтожить всего зла, наделанного предшествующим царствованием, заставляла Павла торопиться во всем, недостаточно обдумывая предпринимаемые меры. Таким образом, благодаря отношениям, в каких готовился Павел к власти, его преобразовательные позывы получили оппозиционный отпечаток, реакционную подкладку борьбы с предшествующим либеральным царствованием. Самые лучшие по идее предприятия испорчены были положенной на них печатью личной вражды.

•◆•

Благодаря несчастному отношению Павла к предшествующему царствованию его преобразовательная деятельность лишена была последовательности и твердости. Начав борьбу с установившимися порядками, Павел начал преследовать лица; желая исправить неправильные отношения, он стал гнать идеи, на которых эти отношения были основаны. В короткое время деятельность Павла вся перешла в уничтожение того, что сделано было предшественницей; даже те полезные нововведения, которые были сделаны Екатериной, уничтожены были в царствование Павла.

•◆•

В этой борьбе с предшествующим царствованием и с революцией постепенно забылись первоначальные преобразовательные помыслы. Павел вступил на престол с мыслью придать более единства и энергии государственному

9 – 3165

порядку и установить на более справедливых основаниях сословные отношения; между тем из вражды к матери он отменил губернские учреждения в присоединенных к России остзейских и польских провинциях, чем затруднил слияние завоеванных инородцев с коренным населением империи. Вступивши на престол с мыслью определить законом нормальные отношения землевладельцев к крестьянам и улучшить положение последних, Павел потом не только не ослабил крепостного права, но и много содействовал его расширению.

•◆•

Александр, преемник императора Павла, вступил на престол с более широкой программой и осуществлял ее обдуманнее и последовательнее предшественника.

•◆•

Наблюдая Александра I, мы наблюдаем целую эпоху не русской только, но и европейской истории, потому что трудно найти другое историческое лицо, на котором бы встретилось столько разнообразных культурных влияний тогдашней Европы.

•◆•

<...> Александр вступил на престол с запасом возвышенных и доброжелательных стремлений, которые должны были водворять свободу и благоденствие в управляемом народе, но не давал отчета, как это сделать.

Эта свобода и благоденствие, так ему казалось, должны были водвориться сразу, сами собой, без труда и препятствий, каким-то волшебным «вдруг».

•◆•

После царя Алексея Михайловича император Александр производил наиболее приятное впечатление, вызывал к себе сочувствие своими личными качествами, это был роскошный, но только тепличный цветок, не успевший или не умевший акклиматизироваться на русской почве. Он рос и цвел роскошно, пока стояла хорошая погода, а как подули северные бури, как наступило наше русское осеннее ненастье, он завял и опустился.

•◆•

<...> Правительство во второй половине царствования <Александра I> стало постепенно отказываться от программы, которая так громко возвещена была вначале и к осуществлению которой были сделаны такие сильные приступы. Вследствие этого неодинакового действия одних и тех же событий на правительство и на общество они, правительство и общество, разошлись между собою, как никогда не расходились прежде.

•◆•

Внешние дела 1812—1815 гг. оказали могущественное влияние на ход дел внутренних; можно даже сказать,

что редко когда внешняя политика так изменяла направление внутренней жизни в России; может быть, это произошло оттого, что Россия редко переживала такие события, какие испытала в те годы. События эти очень неодинаково действовали на русское общество и на русское правительство. В первом они вызвали необыкновенное политическое и нравственное возбуждение. Русские люди, только что пережившие такие опасности, вышли из них с более живым ощущением своих сил. Возбуждение это сказывалось и в литературе, даже официальной; в периодических официальных изданиях, продолжая прежний тон, с начала царствования установившийся в печати, встречались статьи о таких вопросах, как свобода печати и т. п.

•◆•

Некоторые государственные люди даже пугались самой мысли об освобождении крестьян, которая представлялась им страшным переворотом. К таким предусмотрительным людям принадлежал известный в свое время государственный человек, считавшийся в числе первых политических голов, граф Ростопчин. Своим обычным лаконическим языком он наглядно описывал опасности, которые произойдут по освобождении крестьян. Россия испытает все бедствия, какие перенесла Франция во время

революции, и, может быть, худшие, какие перенесла Россия при нашествии Батыя.

•◆•

Чтобы не входить в подробности, достаточно обозначить деятельность Аракчеева словами одного современника, который сказал, что Аракчеев хотел из России построить казарму, да еще поставить фельдфебеля к дверям. Следствием всего этого было тягостное настроение, которое все более овладевало обществом. Настроение это живо нам передают люди того времени без различия образа мыслей. Может быть, такое настроение не было новостью в истории нашего общества, но никогда оно не сопровождалось такими последствиями: оно повело к печальной катастрофе 14 декабря 1825 г.

•◆•

Сравнив последние поколения екатерининского времени с тем поколением, представители которого подверглись каре за дело 14 декабря, мы встречаем между ними сходство и различие. Родство между ними было и нравственное и генеалогическое; образ мыслей, который усвоили себе отцы, разделяли и дети; люди 14 декабря, даже в буквальном смысле,— дети людей, принадлежавших к вольнодумцам при Екатерине. Но между ними есть одно су-

щественное различие. Вольнодумство воспитало в вольтерьянцах холодный рационализм, сухую мысль, вместе с тем отчужденную от окружающей жизни; холодные идеи в голове остались бесплодными, не обнаруживались в стремлениях, даже в нравах вольнодумцев. Совсем иной чертой отличалось поколение, из которого вышли люди 14 декабря. В них мы замечаем удивительное обилие чувства, перевес его над мыслью и вместе с тем обилие доброжелательных стремлений, даже с пожертвованием личных интересов.

•◆•

<...> Католическое иезуитское влияние, встретившись в этих молодых <людях> с вольтерьянскими преданиями отцов, смягчило в них и католическую нетерпимость, и холодный философский рационализм; благодаря этому влиянию сделалось возможным слияние обоих влияний, а из этого слияния вышло теплое патриотическое чувство, т. е. нечто такое, чего не ожидали воспитатели. Только при этом предположении становится возможным проследить нравственный рост того поколения, представители которого вышли на площадь 14 декабря.

•◆•

<Будущие декабристы> прошли Европу от Москвы почти до западной ее окраины, участвовали в шумных со-

бытиях, которые решали судьбу западноевропейских народов, чувствовали себя освободителями европейских национальностей от чужеземного ига; все это приподнимало их, возбуждало мысль; при этом заграничный поход дал им обильный материал для наблюдений. С возбужденной мыслью, с сознанием только что испытанных сил они увидели за границей иные порядки; никогда такая масса молодого поколения не имела возможности непосредственно наблюдать иноземные политические порядки; но все, что они увидели и наблюдали, имело для них значение не само по себе, как для их отцов, а только по отношению к России. Все, что они видели, и все, что они вычитывали из иноземных книг, они прилагали к своему отечеству, сравнивали его порядки и предания с заграничными.

•◆•

Даже непосредственное знакомство с чужим миром только поддерживало интерес к родному. Изменившаяся ли семейная среда, из которой они выходили, или свойство пережитых впечатлений сообщили им особый характер, я бы сказал, особый отпечаток. Большею частью то были добрые и образованные молодые люди, которые желали быть полезными отечеству, проникнуты были самыми чистыми побуждениями и глубоко возмущались при встрече с каждой, даже с самой привычной, несправедливостью, на которую равнодушно смотрели их отцы. Очень многие

из них оставили после себя автобиографические записки; некоторые даже вышли недурными писателями. На всех произведениях лежит особый отпечаток, особый колорит, так что вы, вчитавшись в них, даже без особых автобиографических справок, можете угадать, что данное произведение писано декабристом.

•◆•

Эти люди все же мало знали окружающих, как и их отцы, но у них сложилось иное отношение к действительности. Отцы не знали этой действительности и игнорировали ее, т. е. и знать ее не хотели, дети продолжали не знать ее, но перестали игнорировать. Военные события, тяжести похода, заграничные наблюдения, интерес к родной действительности — все это должно было чрезвычайно возбуждать мысль; эстетические наблюдения отцов должны были превратиться в более определенное и практическое стремление быть полезными. Легко понять, в каком виде должна была представиться окружающая действительность, как только эти люди стали вникать в нее. Она должна была представить им самую мрачную картину: рабство, неуважение к правам личности, презрение общественных интересов — все это должно было удручающим образом подействовать на молодых наблюдателей, производить в них уныние; но они

были слишком возбуждены, чтобы уныние могло их заставить складывать руки.

•◆•

Отцы были русскими, которым страстно хотелось стать французами; сыновья были по воспитанию французы, которым страстно хотелось стать русскими. Вот и вся разница между отцами и детьми. Настроением того поколения, которое сделало 14 декабря, и объясняется весь ход дела.

•◆•

При Александре тайные общества составлялись так же легко, как теперь акционерные компании, и даже революционного в них было не больше, как в последних. Члены тайного общества собирались на секретные заседания, но сами были всем известны, и прежде всего полиции.

•◆•

Молодые люди <будущие декабристы>, офицеры во время похода, на бивуаках привыкли заводить речь о положении отечества, за которое они льют свою кровь; это было обычным содержанием офицерских бесед вокруг походного костра. Воротившись домой, они продолжали составлять кружки, похожие на мелкие клубы. Ос-

нованием этих кружков обыкновенно был общий стол; собираясь за общим столом, они обыкновенно читали по окончании обеда. Иностранный журнал, иностранная газета были потребностями для образованного гвардейского офицера, привыкшего зорко следить за тем, что делалось за границей.

•◆•

Никогда в истории нашей армии не встречались и неизвестно, встретятся ли когда-нибудь такие явления, какие тогда были обычны в армиях и гвардейских казармах <после 1815 г.> Собравшись вместе, обыкновенно заговаривали о язвах России, о закоснелости народа, о тягостном положении русского солдата, о равнодушии общества и т. д. Разговорившись, офицеры вдруг решат не употреблять с солдатами телесного наказания, даже бранного слова, и без указа начальства в полку вдруг исчезнут телесные наказания.

•◆•

Событию 14 декабря придавалось значение, какого оно не имело; приписывались ему последствия, которые не из него вытекали. Чтобы вернее оценить его, не следует прежде всего забывать его наружность. По наружности это один из тех дворцовых гвардейских переворотов, какие происходили по смерти Петра в продолжение

XVIII в. В самом деле, движение вышло из гвардейских казарм, руководили им почти одни гвардейские офицеры, представители коренного, столбового русского дворянства. Движение было поднято по вопросу о престолонаследии, как поднимались все движения XVIII в., и на знамени движения было написано личное имя. В движении 14 декабря столько сходства с гвардейскими переворотами XVIII в., что современники, наблюдавшие это событие, не могли не вспомнить о гвардейских переворотах.

•◆•

14 декабря не было причиной направления следующего царствования, оно само было одним из последствий той причины, которая сообщила такое направление следующему царствованию. Причина эта заключалась в исходе, какой имели все преобразовательные начинания Александра.

•◆•

Нам известны начинания Александра I; все они были безуспешны. Лучшие из них те, которые остались бесплодными, другие имели худший результат, т. е. ухудшили положение дел. В самом деле, мечты о конституционном порядке осуществлены были на западном крае России, в царстве Польском. Действие этой конституции причинило неисчислимый вред истории. Вред этот имел

случай почувствовать сам виновник польской конституции. За пожалованную конституцию поляки вскоре отплатили упорной оппозицией на сейме, которая заставила отменить публичность заседаний и установить в Польше, помимо конституции, управление в чисто русском духе.

•◆•

Царствование Николая обыкновенно считают реакцией, направленной не только против стремлений, которые были заявлены людьми 14 декабря, но и против всего предшествовавшего царствования. Такое суждение едва ли вполне справедливо; предшествовавшее царствование в разное время преследовало неодинаковые стремления, ставило себе неодинаковые задачи.

•◆•

Александр <I> смотрел на Россию сверху, со своей философской политической высоты, а, как мы знаем, на известной высоте реальные очертания или неправильности жизни исчезают. Николай имел возможность взглянуть на существующее снизу, оттуда, откуда смотрят на сложный механизм рабочие, не руководствуясь идеями, не строя планов.

•◆•

Николай <I> поставил себе задачей ничего не переменять, не вводить ничего нового в основаниях, а только

поддерживать существующий порядок, восполнять пробелы, чинить обнаружившиеся ветхости помощью практического законодательства и все это делать без всякого участия общества, даже с подавлением общественной самостоятельности, одними правительственными средствами; но он не снял с очереди тех жгучих вопросов, которые были поставлены в прежнее царствование, и, кажется, понимал их жгучесть еще сильнее, чем его предшественник. Итак, консервативный и бюрократический образ действия — вот характеристика нового царствования; поддерживать существующее помощью чиновников — еще так можно обозначить этот характер.

•◆•

Основания правительственного строя остались прежние, но, взявшись руководить громадной империей без всякого участия общества, Николай должен был усложнять механизм центрального управления. Вот почему в его царствование создалось громадное количество либо новых департаментов в старых учреждениях, либо новых канцелярий, комиссий и т. д. Все это время было эпохой необозримого количества комитетов и комиссий, которые создавались для каждого нового государственного вопроса.

•◆•

Один администратор того времени, <в царствование Николая I>, принявши в расчет численное неравенство

между свободными и несвободными людьми, рассчитал, что так как правительственные учреждения ведают только вполне свободными людьми, то Русское государство по количеству свободных людей в 45 раз меньше Франции.

•◆•

Если бы мы предположили вероятность дальнейшего существования крепостного права еще на два-три поколения, то и без законного акта, отменившего крепостную зависимость, дворянские имения все стали бы государственной собственностью. Так экономическое положение дворянского хозяйства подготовило уничтожение крепостного права, еще в большей степени подготовленное необходимостью нравственною.

•◆•

С половины прошедшего столетия ум образованного русского человека напитался значительным запасом политических и нравственных идей; эти идеи не были им выработаны, а были заимствованы со стороны. Эти идеи, развиваясь, составили политический и нравственный запас, которым доселе живет европейское общество; каждая западноевропейская национальность сделала свой вклад в этот запас. Он был целиком заимствован русскими умами, как заимствуется и теперь; но он нам чужд, потому что мы в него не делаем никакого вклада, он достался нам по

хронологической случайности: когда он вырабатывался, мы подвернулись со стороны со своею любознательностью.

•◆•

Со времени этих великих реформ русский ум становится в другое отношение к окружающей действительности, в то, в каком мы стоим теперь. Русская жизнь стала передвигаться на основании, общем с теми началами, на каких держится жизнь западноевропейских обществ,— следовательно, давно усвоенные идеи, составлявшие весь запас европейской культуры, теперь нашли себе родственную почву. Но как скоро явилась эта почва, то начался двойной процесс в русском уме. С одной стороны, он заметил, что не весь запас усвоенных им идей так, целиком, и может быть приложен к русской действительности, что некоторые из этих идей имеют местную окраску, что они должны не пропасть, но измениться при их приложении к русской действительности. Мы начали критически относиться и к идеям западноевропейской цивилизации. С другой стороны, мыслящий человек заметил, что на новорасчищенной почве нельзя прямо сеять эти идеи, что можно продолжить работу, посредством которой русские нравственные обычаи и понятия были бы приспособлены к тем идеям, на которые должен стать созидаемый порядок русской жизни.

•◆•

Царствование Екатерины II — это целая эпоха нашей истории, а исторические эпохи обыкновенно не замыкаются в пределы людского века, не кончаются с жизнью своих творцов. И время Екатерины II пережило ее самое, по крайней мере после четырехлетнего перерыва было официально воскрешено манифестом второго ее преемника, объявившего, что он будет царствовать по законам и по сердцу своей бабки. Екатерину и по смерти ее восхваляли или порицали, как восхваляют или порицают живого человека, стараясь поддержать или изменить его деятельность. И Екатерины II не миновал столь обычный и печальный вид бессмертия — тревожить и ссорить людей и по смерти. Ее имя служило мишенью для полемического прицела в противников или приверженцев ее политического направления. Живые интересы и мнения боролись на ее могиле. Уронить ее бюст или удержать на пьедестале значило тогда дать то или другое направление жизни*.

•◆•

У нее <Екатерины II> вообще не было никакой выдающейся способности, одного господствующего таланта, который давил бы все остальные силы, нарушая равновесие духа. Но у нее был один счастливый дар, производивший наиболее сильное впечатление: памятливость, наблюдательность, догадливость, чутье положения, уменье быстро схватить и обобщить все наличные данные, чтобы вовремя принять решение, выбрать тон, в случае на-

* Здесь и далее — извлечения из вариантов и черновиков «Курса русской истории». (Примеч. сост.)

10 – 3165

добности благоразумная мораль и умеренно согретое чувство — все эти мелкие пружины, из деятельности которых слагается ежедневная житейская работа ума.

•◆•

Достойно внимания, что люди, близко наблюдавшие Екатерину II, принимаясь разбирать ее характер, обыкновенно начинали с ее ума. Правда, в уме не отказывали ей даже ее недруги, кроме ее мужа, который, впрочем, и не считался компетентным экспертом в таком деле. Однако это не была самая яркая черта характера Екатерины: она не поражала ни глубиной, ни блеском своего ума.

•◆•

Станническая молодость Екатерины, ранняя привычка жить среди чужих людей много содействовала этой, говоря языком старых учебников психологии, постоянной *самособранности*. Отсюда же ее находчивость в неожиданных затруднениях: ее трудно было застать врасплох, и при уменье собираться с мыслями она быстро соображала, чего от нее требует минута.

•◆•

<...> Екатерина думала, что если нуждаешься в других, то полезнее изучать их сильные стороны, на которые надежнее можно опереться. И она вслушивалась и всматривалась во всякого чем-нибудь выдающегося человека,

изучала его мышление, знание, взгляды на людей и вещи. В обращении она не старалась блистать разговором, чтобы не мешать высказываться собеседнику. Зато в ней удивлялись искусству слушать, долго и терпеливо выслушивать всякого, о чем бы кто ни говорил с ней; притом собеседника своего она изучала больше самого предмета беседы, хотя тому казалось наоборот. Так вместе со знанием людей Екатерина выработала себе и лучшее средство приобретать их — внимание к *человеку*, уменье входить в его положение и настроение, угадывать его нужды, задние мысли и невысказанные желания: вовремя дав собеседнику почувствовать, что и он сам, и его слова поняты в наилучшем для него смысле, она овладевала его доверием.

•◆•

Слава была для нее средством упрочить за собой приобретенное положение. Эта необходимость, возбуждая самолюбие, удерживала от ослепленного самомнения. Екатерина знала, что самомнение, принимающее притязание за таланты,— лучшее средство стать смешным, а она больше всего боялась стать предметом смеха или сострадания, что было и небезопасно в ее положении. У нее было осмотрительное, даже мнительное самолюбие, заставлявшее ее соображать замыслы и притязания со средствами оправдать их. Она признавала необходимым иметь такие оправдательные средства, но была настолько уверена

в себе, что надеялась всегда найти их, когда того потребует положение. Чтобы быть чем-нибудь на этом свете, пишет она, припоминая размышления своего детства, надобно иметь нужные для того качества; заглянем-ка хорошенько внутрь себя, имеются ли у нас такие качества, а если их нет, то разовьем их. При такой осмотрительности, находчивая и решительная в мелких случаях, она имела привычку колебаться перед крупными делами, взвешивать вероятности успеха и неудачи, советоваться, выведывать мнения.

•◆•

Одобрительные отзывы были для нее <Екатерины II> что аплодисменты для дебютанта — возбуждали и поддерживали ее силы, ее веру в себя. Достигнув власти, она видела в таких отзывах признание своих добрых намерений и сил исполнить их и считала своею обязанностью быть благодарной.

•◆•

С летами, когда европейские знаменитости стали величать ее <Екатерину II> самой дивною женщиной всех времен, привычка к удаче сделала ее несколько самонадеянной и очень обидчивой. Она раздражалась не только порицанием ее действий, но и мнениями, с которыми была несогласна. Это нередко вводило ее впросак и в противоречие с собой.

•◆•

Живость без возбужденности требовала работы, и современники удивлялись трудолюбию Екатерины. Она хотела все знать, за всем следить сама. Находя, что человек только тогда счастлив, когда занят, она любила, чтобы ее тормошили, и признавалась, что от природы любит суетиться, и чем более работает, тем бывает веселее. Постоянная работа стала ее привычкой и спасала ее от скуки, которой она так боялась. Занятия шли у нее в строго размеренном порядке, однообразно повторявшеюся изо дня в день чередой, но, по ее словам, в это однообразие входило столько дела, что ни минуты не оставалось на скуку.

•◆•

Наиболее сильное действие на политическое образование Екатерины оказало ее столь известное знакомство с тогдашнею литературой просвещения — с Монтескье и Беккариа, которыми она так усердно воспользовалась для своего «Наказа», и особенно с Вольтером, которого она благоговейно называла своим учителем и которому писала, что желала бы знать наизусть каждую страницу его «Опыта» всеобщей истории; по смерти его она выражала желание, чтоб его изучали, затверживали наизусть,

и писала, что изучение его образует граждан, гениев, героев и писателей, разовьет сто тысяч талантов.

•◆•

<...> Так как в тогдашних теориях политика неразрывно связывалась с гражданскою моралью, то политические понятия Екатерины окрасились тем несколько туманным благодушным свободомыслием, которое усвоятся именно добрым сердцем больше, чем сознанием, и не облекается в какие-либо практически пригодные учреждения или законы, а выражается больше в приемах и духе управления, растворяется в чувство общего доброжелательства к человеку и человечеству, в желание им счастья и свободы от всякого гнета заблуждения.

•◆•

<...> Перед Екатериной встречались, сталкивались и пересекались довольно разносторонние, даже противоположные, течения, интересы и настроения: оскорбленное чувство национального достоинства, «великое роптание на образ правления последних годов», гвардейские притязания, дворянские помыслы о новых поприщах деятельности и страхи за старые права, крестьянские ожидания, наконец, ее собственные идеи и мечты, благоприятные для одних и тревожные для других, но непривычные для всех умов. Екатерине предстояло

действовать популярно, либерально и осторожно и в преобразовательном и в охранительном направлении, щадить одни сословные интересы и охранять другие, им враждебные, но самой стоять выше тех и других, ставя впереди всех интересы всенародные, согласно с основным правилом, неоднократно ею высказанным: «Боже избави играть печальную роль вождя партии,— напротив, следует постоянно стараться приобрести расположение всех подданных».

•◆•

Политические идеи, усвоенные Екатериной, по источникам своим были последним словом западноевропейской политической мысли, плодом работы многих сильных умов над вопросами о происхождении и законах развития государств и об их нормальном устройстве. Результаты этой работы не были еще руководящими началами политической жизни народов, по крайней мере на европейском материке, оставались идеалами передовых умов, дожидаясь своего места в кодексах.

•◆•

Екатерине нужны были громкие дела, крупные, для всех очевидные успехи, чтобы оправдать свое воцарение и заслужить любовь подданных, для приобретения которой она, по ее признанию, ничем не пренебрегала.

Внешняя политика представлялась для того наиболее удобным полем действия при внутренних средствах России и при том положении, какое она заняла в Европе по окончании Семилетней войны. Екатерина старалась поднять и укрепить его с двух сторон, настраивая умы и импонируя на кабинеты. Корифеи европейской мысли, с которыми она вела такие дружеские сношения, располагали общественное мнение Европы в пользу России, распространяя о ней благоприятные сведения, разбивая предубеждение.

•◆•

Петр Великий не выработал нового типа власти, но переработал старую власть, дав ей новые средства действия, научное знание, небывалую энергию, поставив ей новые задачи и расширив ее пределы, особенно насчет церковной власти. Важно то, что Петр пытался изменить самое обращение власти к подданным. Древнерусская государственная власть обращалась к своим подданным если не всегда как властелин к рабам-домочадцам, то как строгий отец к детям-малолеткам, приказывая исполнять не рассуждая или дозволяя рассуждать только о способе исполнения, а не о смысле и надобности исполняемого. Петр сохранил за властью прежнюю строгую физиономию, но несколько смягчил ее обращение, тон речи; но

едва ли не первый в своих указах заговорил с народом о самых основах государственного порядка, о добре общем, о пользе народной, об обязанностях, «долженствах» государя.

•◆•

Когда люди, мнением которых мы дорожим, отказывают нам в достоинствах, которые у нас есть, мы обыкновенно падаем духом, как будто потеряли их, а когда приписывают нам достоинства, каких мы в себе не подозревали, мы ободряемся и стараемся приобрести их. Когда с людьми, привыкшими к рабьему уничижению перед властью, эта власть заговорила как с гражданами, как с народом свободным, в них как бы в оправдание оказанной им чести стали вскрываться чувства и понятия, дотоле прятавшиеся или дремавшие. Началось это сверху, с ближайшего окружения власти, и, расширяясь, разрослось в устойчивое общественное настроение.

•◆•

Это пробуждение умов по призыву власти — едва ли не самый важный момент в росте впечатления, какое оставило после себя царствование Екатерины. По крайней мере, в «Фелице» особенным движением отличаются известные стихи:

...Ты народу смело
О всем и въявь и под рукой
И знать, и мыслить позволяешь.

•◆•

Люди бывают особенно довольны и счастливы, когда их признают умными и способными рассуждать о самых важных предметах, и искренно признательны к тем, кто им доставил такое счастье. А теперь власть не только позволяла, но и предписывала народу обо всем знать и мыслить и способность рассуждать о самых важных предметах ставила в число общественных обязанностей гражданина.

•◆•

Начавшись восторженной политической чувствительностью, оно <царствование Екатерины II> в своем последовательном росте поднялось до патриотического чувства национального достоинства, перешло потом в умственное возбуждение, выразившееся в наклонности к политическому размышлению, и завершилось пробуждением гражданского чувства, которое, проснувшись, так и осталось нервным движением, не успев переработаться в житейское дело. Однако и нравственные приобретения были очень важны: современники Екатерины и их ближайшие потомки были уверены, что при Екатерине показались первые искры национального самолюбия, просвещенного патриотизма, что при ней родились вкус, общественное мнение, первые понятия о чести, о личной свободе, о власти законов, что русские при ней, как бы по собственному внушению, стремились сравняться с народами, опередившими их на много веков.

•◆•

Видя невозможность перестроить русскую жизнь новыми законами и учреждениями, Екатерина хотела лучше настроить русскую мысль новыми идеями и стремлениями, предоставив ей самой перестраивать жизнь. Не решившись стать радикальной преобразовательницей государства, она хотела остаться воспитательницей народа. Потому, не трогая основ существующего порядка, она стала действовать на умы. Власть, оставаясь военно-полицейским стражем внешней безопасности и внутреннего благочиния, в ее руках стала еще проповедницей свободы и просвещения. Екатерина не стеснила пространства власти, но смягчила ее действие, приняв в руководство эти принципы, и тем сделала менее ощутительной ее беспредельность, ибо руководящие принципы власти казались ее пределами.

•◆•

Екатерина не дала народу свободы и просвещения, потому что такие вещи не даются пожалованием, а приобре-

таются развитием и сознанием, зарабатываются собственным трудом, а не получаются даром, как милостыня. Но она дала умам почувствовать цену этих благ если не как основ общественного порядка, то по крайней мере как удобств частного, личного существования.

•◆•

Узнав о смерти императора Николая I, Россия вздохнула свободнее. Это была одна из тех смертей, которые расширяют простор жизни.

•◆•

Николай I предпринимал против рабства подпольную минную войну медленным потаенным подкопом: с начала царствования он учреждал один за другим шесть секретных и весьма секретных комитетов по крестьянскому вопросу. Словно хотели украсть крепостное право у дворян и подкинуть свободу крестьянам. Сановники, которых не в шутку считали государственными людьми, вроде министра внутренних дел Перовского, надеялись постепенным ограничением крепостного права довести дело до того, чтобы крестьянин стал свободным, прежде чем услышал бы слово «свобода».

•◆•

Александру II досталось наследство, обремененное запоздалыми преобразовательными вопросами, давно

просроченными обещаниями и недавними тяжкими утратами. Это была огромная полуевропейская и полуазиатская империя, еще недавно грозившая силой спасти Западную Европу от революции, а теперь потерявшая целое Черное море и отдавшая важнейшие плоды вековой политики Жилю Блазу 2 декабря,— империя с верховной властью, мало кем уважаемой, и всего менее ближайшими, довереннейшими слугами, с правящим классом, наполнявшим высшие учреждения людьми, мало знавшими элементы права и управления, с правительственным и судебным устройством, неспособным дать силу закону.

•◆•

<...> Отношения между дворянством и крепостными крестьянами не были местным недугом, частичным поражением государственного организма. Крепостное право расстраивало весь этот организм, внося в него общий разлад невыясненных, пренебреженных или несоглашенных интересов. Люди того времени с умеренной долей наблюдательности без труда замечали, что главные силы государства: правительство, дворянство и народ — друг друга не знают, друг другу не доверяют и «друг против друга вооружаются оборонительно». Превращение государства в сдержанное междоусобие было (надобно надеять-

ся) последним опытом крепостного самодержавия в деле государственного строительства.

•◆•

Воображение и воля у него <Александра II> не шли дружно рядом, а вели постоянно взаимную борьбу, поочередно торжествуя друг над другом; когда обстоятельства побеждали мнительность, требуя быстрого решения, долго сдержанная воля проявлялась внезапным порывом.

•◆•

Разум, правда, истина, свобода, религия — это не просто основы или правила политической и нравственной жизни, усвояемые сознанием и волей: это — мировые силы, или законы человеческого бытия, действующие, подобно законам природы, независимо от нашего к ним отношения.

•◆•

Принципы <русских масонов> — просвещение и равенство. Цель — личное нравственное усовершенствование посредством добродеяния ближнему. Но конспирированная организация лож с символическими знаками каменщиков храма Соломонова, с молотками, каменщицкими фартуками, геометрическими эмблемами и т. п. пустяками.

•◆•

Они отличались от вольнодумцев морально-набожным настроением, но сходились с ними рационалистическим мышлением, выправленным на том же Вольтере, который ведь и сам был деист, а не безбожник, и притом деист довольно суеверный.

•◆•

Случайно попав на престол с помощью вооруженной силы, Екатерина не считала ее достаточной опорой для своей власти. Она настолько вдумывалась в государственный механизм, чтобы понимать необходимость нравственной связи государя с подданными.

•◆•

В наследственных монархиях доверие не народная награда хорошему правительству, а политический налог на совесть, повинность вроде подушной подати.

•◆•

Шумные события, пестрота явлений с воцарения Екатерины II: вне — громкие победы, обширные завоевания, важные договоры; внутри — крупные учреждения, на-

родные бунты, успехи науки и искусства. Наблюдатель чувствует себя на перевале. Необходимо следить за начавшимися процессами.

•◆•

Царствование Екатерины показало, что в самодержавном порядке строгая централизация законодательной инициативы уживается с полным до безответственности обособлением местной исполнительной власти.

•◆•

Царствовать для Екатерины было любительским делом, спортом, а не профессией, предуказываемой происхождением или законом. Поэтому для нее большим развлечением было пренебрежительно смотреть на профессиональных государей, которые по уши погрязли в свои предания, обычаи, церемонии. <...> Как истая дилетантка власти, она щеголяла оригинальностью своих правительственных приемов.

•◆•

Она постоянно должна была напрягаться, делать что-нибудь обращающее на себя внимание, важную реформу, издавать популярный закон. Перед ее глазами ходил обличитель, напоминавший ей о праве, законности, ею нарушенных, и недостаток права ей нужно было возмещать обилием дела, хотя бы показного.

•◆•

Правление Екатерины — та же *деспотия*, только смягченная приемами, европейски прикрашенная законами, которые не исполнялись, и учреждениями, которыми распоряжались лица.

•◆•

Государство как народный союз почерпает свою силу в народной мощи и растет вместе с нею, содействуя и ее росту,— таково первоначальное и естественное отношение между государством и народом. Но внешние опасности или неразумие высших органов государственной власти могут навязать народу непосильные тягости, поглощающие часть народного труда, необходимую для поддержания и развития производительных сил народа. Тогда сила чувства начинает развиваться в ущерб народной мощи, и, если народ вовремя не умеет выйти из такого положения, в государстве начинается разложение. Правительство с поддерживающими его классами общества, развивая по необходимости усиленную деятельность, укрепляется в мысли, что оно и есть настоящее государство, расширяет свои полномочия насчет народной свободы, превращая его <народ> в страдательную тяглую массу, а на-

род, изнуряемый материально и уничтожаемый политически, теряет нравственную бодрость, замедляет темп своего движения, во всем отставая, и привыкает смотреть на свое государство как на неизбежное бедствие народной жизни. На остатки народных средств такое отгородившееся от народа государство может некоторое время обнаруживать значительную деятельность, особенно среди слабых соседей, расширять свою территорию и свой бюджет, являя призрачные могущества, но это корабль с расшатанными скрепами и снастями, неспособный выдержать бури в открытом море.

•◆•

В связи с ходом образования государства стоит и характер внутренней борьбы. На Западе эта борьба социальная, между капиталом и трудом, предпринимателем и рабочим. Борьба идет там на экономической почве. У нас, напротив, она в основе своей политическая, идет между участниками управления и управляемыми, между службой и тяглом, властью и повинностью: правящие классы требуют корма за заслуги, будто бы ими оказываемые или их предками оказанные народу.

•◆•

Иные считали и считают Павла душевнобольным человеком. Но это мнение только оправдывает непростительное царствование, а не объясняет несчастного характера царя. Павел был просто нравственно ненормальный царь, а не душевнобольной человек. Душевная болезнь невменяема, как несчастие, а за ненормальный образ действий человек отвечает как за порок, до которого он сам довел себя по собственной вине. Вина Павла состояла в том, что он не хотел знать правил человеческого общежития, обязательных для всякого человека, на каком бы общественном посту ни стоял он. Эти правила все исходят из общего внушения рассудка, что все мы нуждаемся друг в друге и должны помогать один другому. От этого внушения может быть свободен только едва ли возможный в действительности человек, выросший в общении с дикими зверями, а не с людьми.

•◆•

Сумасбродство Павла признают болезнью и тем как бы оправдывают его действия. Но тогда и глупость и жестокость — тоже болезни, не подлежащие ни юридической, ни нравственной ответственности. Тогда рядом с домами сумасшедших надобно строить такие же лечебницы для воров и всяких порочных людей.

•◆•

Отцовская мелочность мысли, гатчинская распущенность, жажда запоздалой власти, антипатия к матери и ее

делам, озлобление против дворянства за обиды от его представителей и за опасения противодействия с его стороны и, наконец, фанфаронная преобразовательная самонадеянность — вот, кажется, все элементы его самодурства на почве дрянной природы, холодной и жестокой, мстительной, подозрительной и трусливой.

Александр I. Это был характер не особенно сложный, но довольно извилистый. Мысли и чувства, составлявшие его содержание, не отличались ни глубиной, ни обилием, но под давлением людей и обстоятельств они так разнообразно изгибались и перетасовывались, что нельзя было догадаться, как этот человек поступит в каждом данном случае. В молодости Лагарп и другие наставники внушили ему идеи и интересы, совсем непохожие на нравы и инстинкты одичалого придворного русского общества, среди которого он рос. Александр был настолько восприимчив, чтобы понять, насколько первые были лучше последних и выгоднее для успеха среди порядочных людей.

Попав в неожиданные обстоятельства, Александр легко соображал, как надо повести себя, чтобы показать другим и уверить самого себя, что давно предвидел и об-

думал эти обстоятельства. Вникая в новые и умные для себя мысли умного собеседника, он старался показать ему, а еще более уверить себя, что это и его давние и задушевные мысли, как всякого порядочного человека. Вырвать уважение у других ему нужно было, чтобы уважение к себе поддерживать в себе самом. Свою темную для него душу он старался осветить самому себе чужим светом.

•◆•

Редко идеи, принесенные на престол государем, при усвоении их менее, чем у императора Александра I, были соображены с насущными потребностями управляемой страны и так прямо отвечали на эти потребности. Император Александр вступил на престол с недоверием к людям и с великой верой в силу законов и учреждений как прочных регуляторов государственной жизни, и никогда со времени Петра Великого Россия больше, чем в начале XIX в., не нуждалась в законах и учреждениях, рассчитанных на прочное действие.

•◆•

Первые советники императора Александра I могли быть англоманами, сочувствовать английским учреждениям. Но эти учреждения так органически выросли из местной исторической почвы, что не могли быть образцами

для подражания: ими можно было любоваться, о них можно мечтать, но трудно их пересаживать. Учреждения Наполеона казались экзотичнее. В этом отношении они заместили в сознании русских людей французские идеи XVIII в. Мысли менялись, но метод мышления оставался прежний. Как эти идеи считались доступными, даже обязательными для всех умов, так и учреждения казались пригодными для всех государств, без различия местных исторических условий.

•◆•

Император Александр I испытал на своей деятельности всю силу исторической закономерности, незримо направляющей дела человеческие и особенно тяжко чувствуемой в видимых ее нарушениях.

•◆•

Отношение задуманного к исполненному сообщает эпохе императора Александра I особое значение в истории нашего государственного порядка. Этот порядок, складывавшийся бессознательным разумом исторической жизни, в начале XIX в. нуждался в освежении идеей, принципом, всего более нуждался в ясных и справедливых законах, в учреждениях, утвержденных такими законами на постоянных началах. Реформы, предпринятые императором Александром I, вносили в русскую государственную

жизнь именно то, в чем она нуждалась, обещая полное ее обновление. Но независимо от своих собственных недостатков они встретили препятствия в неподготовленности умов, в косности понятий, в несоглашенности интересов, в недостатке пригодных исполнителей, во внешних затруднениях, в разнообразных исторических условиях русской жизни. По вине этих препятствий удались немногие из задуманных реформ; другие оказали слабое действие, иные были совсем оставлены. Никакая другая эпоха нашей истории так явственно не обнаружила сравнительную силу политической теории и исторически сложившейся жизни и не дала столько поучительных указаний для того, что можно назвать *методикой реформы*.

•◆•

Император Александр I вынес из своей ранней молодости обильный запас отвлеченных политических идей и идеальных стремлений. Возвышенные сами по себе, эти идеи и стремления нуждались в практической разработке, которая облегчила бы их применение на деятельности, предстоявшей наследнику русского престола.

•◆•

Павел — Александр I — Николай I. В этих трех царствованиях не ищите ошибок: их не было. Ошибается тот, кто хочет действовать правильно, но не умеет. Деятели

этих царствований не хотели так действовать, потому что не знали и не хотели знать, в чем состоит правильная деятельность. Они знали свои побуждения, но не угадывали целей и были свободны от способности предвидеть результаты. Это были деятели, самоуверенной ощупью искавшие выхода из потемок, в какие они погрузили себя самих и свой народ, чтобы закрыться от света, который дал бы возможность народу разглядеть, кто они такие...

•◆•

Александр был человек слабый и злой. Как слабый он подчинялся всякой силе, не чувствуя в себе никакой. Он боялся этой чужой силы и как злой человек ненавидел ее. Но как человек слабый он нуждался в опоре, искал человека, внушающего доверие, а его доверие скорее можно было приобрести преданностью лакея, чем привязанностью друга. Доверенного лакея он готов был даже любить по-своему за доставляемое им удовольствие презирать его безнаказанно — единственное удовольствие, какое мирит слабых и злых людей с их слабостью и злостью.

•◆•

Едва ли какому государю приходилось испытывать такие быстрые повороты исторического колеса в ту и другую сторону, как это пришлось испытать в те годы русскому императору. Когда Наполеон сидел перед пылав-

шей Москвой, Александр собирался удалиться в Сибирь, отрастить себе бороду и питаться картофелем и черным хлебом, а через 1,5 года он в щегольском мундире верхом на своем светло-сером Эклипсе разъезжал без конвоя по улицам капитулировавшего Парижа, веселый, улыбающийся, грациозно отвечая на восторженные клики завоеванных им парижан и парижанок.

•◆•

Мировые события неслись перед глазами императора Александра I таким порывистым вихрем, разнообразные впечатления ложились на его душу такой беспорядочной очередью, что заставляли его неустойчивую мысль усиленно искать, за что бы ухватиться в этой бурной качке, переживать множество совсем еще не испытанных ощущений, вскрывали в нем свойства, которые мало кто подозревал в нем дотоле, и всего меньше сам он.

•◆•

С чувством пресыщенного величия и усталого великодушия, с болью неудавшихся надежд и обманных привязанностей, с едва теплившейся верой в юношеские идеалы, физически и нравственно утомленный тревогами последних трех лет, печального образа рыцарем ехал Александр из Вены в мае 1815 г. в Гейльбронн, чтобы там дождаться подвигавшейся к Рейну русской армии. Он чувствовал по-

требность в сильном мотиве, интересе, идее, наконец, просто в каком-нибудь чуде, которое помогло бы ему объединить столь разнородные ощущения, мысли, воспоминания в какое-либо цельное настроение, выйти из мучительной разноголосицы, какая ему слышалась в его душе. Как все впечатлительные люди, он легко поддавался действию эффектной обстановки, особенно с участием таинственного.

•◆•

Павел погиб от матерней придворной знати подобно азиатским деспотам. Либерализм его старшего сына — азиатская трусость, старавшаяся заслониться от этой старой екатерининской знати английски воспитанной либеральной знатной молодежью, потом сволочью вроде Аракчеева. Но о связи нравственной с русским обществом он, может быть, думал только в первые годы. 14 декабря показало и случайному царю, и придворной знати их общего врага — дворянскую, европейски образованную и пропитавшуюся в походах освободительными влияниями Запада гвардейскую офицерскую молодежь. Отсюда две тенденции нового царствования. Первая — обезвредить гвардию политически, сделав из нее со всей армией автоматический прибор для подавления внутренних массовых движений; здесь, а не в военно-балетном увлечении источник скотски бессмысленной фрунтовой

выправки. Другая тенденция — вывести вольный дух в классах, доступных западным влияниям. С достижением обеих целей — возможность эксплуатировать непонятного и потому страшного зверя — народ. Двойной страх, вольного духа и народа, объединял династию и придворную знать в молчаливый заговор против России.

•◆•

Николай I. Два обстоятельства оказали особенно сильное действие на характер царствования. Император Николай I не готовился и не желал царствовать. Принужденный царствовать, он шел к неожиданному и нежеланному престолу сквозь ряды мятежных войск. Первое обстоятельство не осталось без участия во взгляде императора на свою власть; вторым в значительной мере определился способ его правления. Он получил власть не обычным порядком прямого преемства от отца к старшему сыну, а от одного старшего брата мимо другого. Он и смотрел на нее как на чрезвычайное верховнослужебное поручение. Смута 14 декабря рассматривалась как тяжкое нарушение воинской дисциплины, происшедшее от ложного направления умов. Посему упрочение дисциплины и надежное воспитание умов должны были стать ближайшими и важнейшими внутренними задачами царствования. Расширяясь на все необъятное пространство действия русской верховной власти, эти задачи сообщили особое направление и законодательству эпохи.

•◆•

Правление императора Николая I крепко держалось правила не вводить ничего нового, не упорядочив существующего и не подготовив умов к нововведению. Сдерживая преувеличенные ожидания одних и успокаивая преждевременные тревоги других, правительство объявляло, что все останется по-старому, и обдумывало перемены осторожно и молчаливо. Но боязнь огласки мешала и подготовке реформы, и подготовке умов к реформе.

•◆•

Его образ действий выработался из мысли, что править хорошо — значит возможно туже натягивать бразды правления. Дома, в кругу близких, это был добрый хозяин, прямой и веселый человек, остроумный и умевший понимать (ценить) остроту, с развитыми эстетическими вкусами, почитатель Пушкина, любитель музыки и сам недурно певший довольно обработанным баритоном. Но в официальной деятельности он не любил ни простоты, ни мягкости, думая, что то и другое роняет авторитет, распускает подчиненных. Здесь он являлся всегда твердой, даже суровой, властью. Первоначально это было не потребностью характера, не властолюбием, а делом расчета,

правительственным приемом, но потом это стало привычной, невольной манерой.

•◆•

Законодательство Николая I раздробило общий вопрос о крепостном праве на множество мелких казуистических задачек, и ни с одной из них не умели справиться, потому что решение одной требовало решения и остальных. Это правительство поступало с крепостным правом как лекарь, который для излечения больного, покрытого струпьями, стал бы припаривать и мазать каждый струп отдельно, не трогая до его излечения остальные. Видно, что дело законодательства и государственного управления было совсем не по плечу этому правительству генерал-адъютантов, привыкших к другому ремеслу.

ТЕТРАДЬ С АФОРИЗМАМИ

ТЕТРАДЬ С АФОРИЗМАМИ

акономерность исторических явлений обратно пропорциональна их духовности.

Если под характером разумеется решительность дей-ствия в одном направлении, то характер есть не что иное, как недостаток размышления, не умеющего указать воле других направлений.

Так называемые типы времени — это лица, на которых застыли наиболее употребительные или модные

гримасы, вызванные патологическим состоянием людей известного времени.

Если тень человека идет впереди его, это не значит еще, что человек идет за своею тенью.

Человек — это величайшая скотина в мире.

Наша государственная машина приспособлена к обороне, а не к нападению. Она дает нам столько же устойчивости, сколько отнимает подвижности. Когда мы пассивно отбиваемся, мы сильнее себя, ибо к нашим оборонительным силам присоединяется еще наше неумение скоро понять свое бессилие, т. е. наша храбрость увеличивается тем, что, испугавшись, мы не скоро собираемся бежать. Напротив, нападая, мы действуем только на 10% своих сил, остальное тратится на то, чтобы привести в движение эти 10%. Мы точно тяжеловооруженный рыцарь средних веков. Нас победит не тот, кто рыцарски правильно атакует нас с фронта, а кто из-под брюха лошади схватит нас за ногу и перекувырнет: как таракан, опрокинувшийся на спину, мы, не теряя штатного количества наших сил, будем бессильно шевелить ногами, ища точки опоры. Сила

есть акт, а не потенция; не соединенная с дисциплиной, она сама себя убивает. Мы низшие организмы в международной зоологии: продолжаем двигаться и после того, как потеряем голову.

Можно иметь большой ум и не быть умным, как можно иметь большой нос и быть лишену обоняния.

Добро, сделанное врагом, так же трудно забыть, как трудно запомнить добро, сделанное другом. За добро мы платим добром только врагу; за зло мстим и врагу и другу.

Мужчина любит женщину чаще всего за то, что она его любит; женщина любит мужчину чаще всего за то, что он ею любуется.

Семейные ссоры — штатный ремонт ветшающей семейной любви.

Красавица смотрит на свою любовь как на жертву Молоху; некрасивая считает ее ненужным подарком, ко-

торый ей позволили принести; женщина ни то ни се видит в ней просто половую повинность.

———◆———

Страсти становятся пороками, когда превращаются в привычки, или добродетелями, когда противодействуют привычкам.

———◆———

Когда дурак начинает считать себя остроумным, количество остроумных людей не увеличивается; когда умный человек признает себя остроумным, всегда становится одним умным меньше и иногда одним остроумным больше; когда остроумный начинает считать себя умным, всегда одним остроумным становится меньше и никогда не бывает одним умным больше.

———◆———

Умный спросил глупого: «Когда Вы скажете что-нибудь умное?» — «Тотчас после Вашей первой глупости»,— отвечал глупый. «Ну, в таком случае нам обоим придется ждать долго»,— продолжал умный. «Не знаю, как Вы, а я уже своего дождался»,— закончил глупый.

———◆———

Только в математике две половины составляют одно целое. В жизни совсем не так: например, полоумный муж

и полоумная жена — несомненно две половины, но в сложности они дают двух сумасшедших и никогда не составят одного полного умного.

———◆———

Любовь женщины дает мужчине минутные наслаждения и кладет на него вечные обязательства, по крайней мере пожизненные неприятности.

———◆———

Есть женщины, в которых никто не влюбляется, но которых все любят. Есть женщины, в которых все влюбляются, но которых никто не любит. Счастлива только та женщина, которую все любят, но в которую влюблен лишь один.

———◆———

Женщины, не любившие в молодости, под старость бросаются в благотворительность. Мужчины, начавшие поздно размышлять, обыкновенно пускаются в философию. Последним философия так же плохо заменяет понимание, как первым благотворительность — любовь.

———◆———

Женщина плачет, потеряв то, чем долго наслаждалась; мужчина плачет, не достигнув того, чего долго добивался. Для первой слезы — вознаграждение за потерю, для вто-

рого — награда за неудачные усилия и для обоих — утешение в несчастии.

Счастье — кусок мяса, который увидела в воде собака, плывшая через реку с куском мяса во рту. Добиваясь счастья, мы теряем довольство; теряем, что имеем, и не достигаем того, чего желаем.

Исключения обыкновенно правильнее самого правила, но они потому не составляют правила, что их меньше, чем неправильных явлений.

Кто из людей презирает людей, должен презирать и самого себя, потому презирать людей вправе только животные.

Он грязно обращался с женщинами, и потому женщины его не любили, потому что женщины все прощают, кроме одного — неприятного обращения с собою.

Мужчина любит женщину, сколько может любить; женщина любит мужчину, сколько желает любить. Потому мужчина обыкновенно любит одну женщину больше,

чем она того стоит, а женщина хочет любить больше мужчин, чем сколько в состоянии любить.

Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий.

Мужчина любит обыкновенно женщин, которых уважает; женщина обыкновенно уважает только мужчин, которых любит. Потому мужчина часто любит женщин, которых не стоит любить, а женщина часто уважает мужчин, которых не стоит уважать.

Хорошая женщина, выходя замуж, обещает счастье, дурная — ждет его.

Политика должна быть не более и не менее как прикладной историей. Теперь она не более как отрицание истории и не менее как ее искажение.

Образ правления в государстве — то же, что темперамент в человеке. Что такое темперамент? Это способ распоряжения своими мыслями и поступками, насколько он зависит от установленного всей конструкцией челове-

ка соотношения его духовных и физических сил. Что такое образ правления? Это способ направления народных стремлений и действий, насколько он зависит от установившего исторически соотношения его нравственных и материальных средств. История, прошедшее для народа — то же, что для отдельного человека его природа, ибо природа каждого из нас есть не что иное, как сумма наследственных особенностей. Значит, как темперамент есть совокупность бессознательных, но из самого человека исходящих условий, давящих на личную волю, так образ правления определяется суммой независимых от общественного мнения, но из самого народа исходящих условий, которые ограничивают общественную свободу. Общественное мнение в народе — то же, что личное сознание в отдельном человеке. Следовательно, как темперамент не зависит от сознания, так образ правления не зависит от общественного мнения. Первый может измениться от воспитания; второй изменяется народным образованием.

Творцы общественного порядка обыкновенно становятся его орудиями или жертвами, первыми — как скоро перестают творить его, вторыми — скоро начнут его переделывать.

Порядочная женщина до замужества может любить только жениха, а после замужества только мужа. Но жениха она не любит вполне, потому что он еще не муж, а мужа — потому что он уже перестал быть женихом, так что порядочная женщина никогда не любит ни одного мужчины так, как женщина должна любить мужчину, т. е. вполне.

Республиканцы в монархиях — обыкновенно люди, не имеющие царя в собственной голове; монархисты в республиках — люди, замечающие, что другие его теряют.

Вся разница между умным и глупым в одном: первый всегда подумает и редко скажет, второй всегда скажет и никогда не подумает. У первого язык всегда в сфере мысли; у второго мысль вне сферы языка. У первого язык секретарь мысли, у второго ее сплетник или доносчик.

Влюбленный мужчина всегда глуп, потому что добивается только любви женщины, не желая знать, какою любовью любит его женщина, а это главное, потому что женщина любит только свою любовь и любит мужчину, лишь насколько мужчина любит любимую ею любовь.

«Я ваша игрушка»,— говорит женщина, отдаваясь мужчине. «Но, становясь моей игрушкой, ты остаешься

ли моим другом?» — спрашивает мужчина. «О, конечно», — отвечает женщина. «В таком случае я имею право подарить моему другу мою лучшую игрушку», — продолжает мужчина.

—◆—

Мужчина падает на колени перед женщиной только для того, чтобы помочь ее падению.

—◆—

«Я вся твоя», — говорит женщина. «Все мое — твое», — возражает ей мужчина, но никогда не говорит при этом: «Я весь твой», — потому что обыкновенно бывает тогда сам не свой.

—◆—

Смутные времена только тем отличаются от спокойных, что в последние говорят ложь, надеясь, что она сойдет за правду, а в первые говорят правду, надеясь, что ее примут за ложь: разница только в объекте вменяемости.

—◆—

Каждый женский возраст приносит свою жертву любви: у девочки это губы, у девушки еще и сердце, у молодой женщины еще и тело, у пожилой еще и здравый рассудок, так что жизнь женщины есть геометрическая прогрессия самопожертвования на алтарь любви; перед смертью у ней не остается ничего.

—◆—

Есть два рода болтунов: одни говорят слишком много, чтобы ничего не сказать, другие тоже говорят слишком много, но потому, что не знают, что сказать. Одни говорят, чтобы скрыть, что они думают, другие — чтобы скрыть, что они ничего не думают.

—◆—

У женщин развито эстетическое самолюбие, которое часто бывает источником любви: они неравнодушны к тому, кому доставляют наслаждение, если это замечают. На этом основана пословица: стерпится — слюбится.

—◆—

Говорят, что мужчины родятся красивыми. Это предрассудок: красивыми мужчины делаются, и делают их такими женщины.

—◆—

Есть два рода дураков: одни не понимают того, что обязаны понимать все; другие понимают то, чего не должен понимать никто.

—◆—

Лицо должно отражать личность. Это отражение называется физиогномией. Есть люди, у которых лицо ни-

чего не выражает, и есть люди с сильным выражением, хотя на них «лица нет». Потому можно сказать, что есть лица без физиогномий и есть физиогномии без лиц.

Метафора или поясняет мысль, или заменяет ее. В первом случае метафора — поэзия, во втором — риторика или красноречие: красноречие есть подделка и мысли и поэзии.

Самое умное в жизни — все-таки смерть, ибо только она исправляет все ошибки и глупости жизни.

Мужчина, идя на доброе дело, всегда сделает его хорошим, если, провожая, его поцелует любимая женщина.

Красивыми мужчинами женщины любуются, умных обожают, в добрых влюбляются, смелых боятся, но выходят замуж охотно только за сильных.

Женщина, влюбившаяся в мужчину, которому она не может принадлежать, должна сказать ему: «Для Вас я готова на преступление, но Вас я так люблю, что Вас не до-

пущу до него». Мужчина в подобном случае должен говорить иначе: «Для Вас я готов на все, потому что люблю Вас, и был бы готов на преступление, если бы меньше любил Вас».

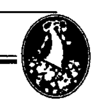
Высшая степень искусства говорить — уменье молчать.

У кого есть сердце, тот может сделать с женщиной все, что захочет, и дурное и хорошее. Беда только в том, что тот, у кого есть сердце, не захочет сделать с женщиной всего, что может, именно дурного.

Люди думают умнее животных; но они были бы больше людьми, если бы жили так же глупо, как живут животные.

Молодой человек любит женщину, мечтая, что она будет его женой. Старый человек любит свою жену, вспоминая, что она была женщиной.

Самолюбивый человек тот, кто мнением других о себе дорожит больше, чем своим собственным. Итак, быть са-

молюбивым — значит любить себя больше, чем других, и уважать других больше, чем себя.

Самый верный и едва ли не единственный способ стать счастливым — это вообразить себя таким.

Чтобы сделать Петра великим, его делают небывалым и невероятным. Между тем надобно изобразить его самим собою, чтобы он сам собой стал велик.

Крепкие слова не могут быть сильными доказательствами.

Уметь разборчиво писать — первое правило вежливости.

Бедные люди могут иметь нравственные правила, но не должны иметь воли: первое спасает их от преступлений, второе — от несчастий.

Есть люди, быть другом которых — значит быть их жертвой, они возможны только потому, что есть люди,

которые в дружбе видят только обязанность приносить жертвы друзьям.

Мужчина слушает ушами, женщина глазами, первый — чтобы понять, что ему говорят, вторая — чтобы понравиться тому, кто с ней говорит.

Есть люди, вся заслуга которых та, что они ничего не делают.

Мужчины всего более дорожат в женщинах их наклонностью дешево продаваться.

Труд ценится дорого, когда дешевеет капитал. Ум ценится дорого, когда дешевеет сила.

Остряк — не разбойник и разбойник — не остряк: первый острит, но не режет, последний только режет и редко острит.

У нас сословное разделение труда действовало и в развитии искусства: поэзия развивалась дворянством, театр — купцами, красноречие — духовенством, живопись — крепостными художниками и палеховскими икономазами.

Каприз — половая категория дамского мышления, не замеченная Кантом.

Различие между храбрым и трусом в том, что первый, сознавая опасность, не чувствует страха, а второй чувствует страх, не сознавая опасности.

Лучший воспитатель — голод: он быстро распознает то, с чего надо начинать воспитание,— стоит ли воспитывать питомца.

Смотря на вещи свысока, с высших точек зрения, мы видим только геометрические очертания вещей и не замечаем самих вещей.

Поэзия разлита в обществе, как кислород в воздухе, и мы не чувствуем ее только потому, что ежеминутно ею

живем, как не ощущаем кислорода потому, что ежеминутно им дышим.

Вернейшее средство исправить женщину — показать ей идеал и сказать, что это ее портрет. Из ревности ей захочется стать его оригиналом и непременно удастся сделаться его сносной копией.

Очень ясно излагают свои мысли о сущности вещей, но в этом изложении ясны только мысли, а не сущность вещей. Понимать свои мысли о предмете — не значит понимать предмет.

Добрый человек не тот, кто умеет делать добро, а тот, кто не умеет делать зла.

Играя других, актеры отвыкают быть самими собой.

Иногда необходимо нарушать правило, чтобы спасти его силу.

Одиночество развило в нем привычку размышлять о самом себе, а это размышление вывело его из одиночества. Размышляя о себе самом, он незаметно для себя стал разговаривать с самим собой и таким образом приобрел себе собеседника в самом себе. Он встретился с собой как с любопытным и приятным незнакомцем.

Люди самолюбивые любят власть, люди честолюбивые — влияние, люди надменные ищут того и другого, люди размышляющие презирают и то и другое.

При них был порядок не потому, что они его умели установить, а потому, что не сумели его разрушить.

Повесе, чтобы соблазнить женщину, нужно больше тонкого понимания людей, чем Бисмарку, чтобы одурачить Европу.

Большая разница между профессором и администратором, хотя она выражается только двумя буквами: задача первого — заставить себя слушать, задача второго — заставить себя слушаться.

Незамужние жены из запретного плода превращаются в контрабанду с фальшивой пломбой: их уже не скрыва-

ют, но говорят, что приобрели их согласно с действующим нравственным тарифом.

Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь.

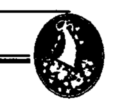
С честолюбием дельца, но со средствами одного самолюбия — выходит интриган.

Искусство — суррогат жизни, потому искусство любят те, кому не удалась жизнь.

Поставщики знания и потребители искусства и обратно — таково устройство нашего культурного хозяйства (оборота).

Чужой западноевропейский ум призван был нами, чтобы научить нас жить своим умом, но мы попытались заменить им свой ум.

Религиозное чувство ставит руководителем жизни разумное Провидение. Рассудок — выраженный в цифрах

слепой закон необходимости. Торжество рассудка заменит религию статистикой, верование — научной гипотезой.

Всего хуже сознавать себя дополнением собственной мебели.

Детальное изучение отдельных органов отучает понимать жизнь всего организма.

Истинную цену жизни знает лишь тот, кому приходилось умирать и удалось не умереть. Истинную цену счастья знает лишь тот, кто мечтал о счастье и испытал.

Сладострастие есть не что иное, как властолюбивое самолюбие, разыгранное на женских прелестях.

Счастлив тот, кому из всех женщин, которых он любил, наиболее зла наделала та, которая наименее этого хотела.

Желание нравиться — женская форма властолюбия, как желание удивлять, т. е. пугать, есть мужская форма

той же страсти. Женщина отдается в плен тому, кем хочет повелевать; мужчина завоевывает ту, которая хочет холопствовать.

Спорт становится любимым предметом размышления и скоро станет единственным методом мышления.

Самолюбивая женщина из запачканных пеленок своего ребенка делает себе ризу Богородицы.

Благодарность не есть право того, кого благодарят, а есть долг того, кто благодарит; требовать благодарности — глупость; не быть благодарным — подлость.

Смерть — величайший математик, ибо безошибочно решает все задачи.

П.*— это каноническая скотина, которую апостолом Павлом разрешено есть всем православным христианам.

* *П.*— Вероятно, речь идет о К. П. Победоносцеве.

«Лишь в школе любви завоевывает человек искусство умирать».

Leopardi

———◆———

Когда люди, желая ссоры, не ждут ее, она и не последует; когда они ждут ее, не желая, она случится непременно. 26 сентября 1891 г.

———◆———

Дружба может обойтись без любви; любовь без дружбы — нет.

———◆———

Наше общество — случайное сборище сладеньких людей, живущих суточными новостями и минутными эстетическими впечатлениями.

———◆———

Жить — значит быть любимым. Он жил или она жила — это значит только одно: его или ее много любили.

———◆———

В России нет средних талантов, простых мастеров, а есть одинокие гении и миллионы никуда не годных людей. Гении ничего не могут сделать, потому что не имеют подмастерьев, а с миллионами ничего нельзя сделать, потому что у них нет мастеров. Первые бесполезны, потому что их слишком мало; вторые беспомощны, потому что их слишком много.

———◆———

Музыка — акустический состав, вызывающий в нас аппетит к жизни, как известные аптечные составы вызывают аппетит к еде.

———◆———

Счастье не в том, чтобы прожить благополучно, а в том, чтобы понять и почувствовать, в чем может оно состоять.

———◆———

Светские люди — это класс общественных трутней, откармливаемый рабочим людом сначала для потехи, а потом на убой.

———◆———

В истории мы узнаем больше фактов и меньше понимаем смысл явлений.

———◆———

В мужчину, которого любят все женщины, не влюбится ни одна из них.

———◆———

О добродетелях людей, особенно женщин, большей частью можно судить только по совокупности их пороков,

потому что добродетелью обыкновенно считают люди, особенно женщины, только отсутствие соответствующего порока.

Кто не любит просить, тот не любит обязываться, т. е. боится быть благодарным.

Мужчина видит в любой женщине то, что хочет из нее сделать, и обыкновенно делает из нее то, чем она не хочет быть.

Люди живут идолопоклонством перед идеалами, и, когда недостает идеалов, они идеализируют идолов.

Характер — власть над самим собой, талант — власть над другими. Бесхарактерные таланты и бездарные характеры.

Существующий порядок, пока он существует, не есть лучший из многих возможных, а единственно возможный из многих лучших. Не то, что он лучший из мыслимых,

сделало его возможным, а то, что он оказался возможным, делает его лучшим из мыслимых.

Почему от священнослужителя требуют благочестия, когда врачу не вменяется в обязанность, леча других, самому быть здоровым?

Здравый и здоровый человек лепит Венеру Милосскую из своей Акулины и не видит в Венере Милосской ничего более своей Акулины.

Счастлив, кто может жену любить, как любовницу, и несчастлив, кто любовнице позволяет любить себя, как мужа.

Некоторые женщины умнее других дур только тем, что сознают свою глупость. Разница между теми и другими только в том, что одни считают себя умными, оставаясь глупыми; другие признают себя глупыми, не становясь от того умными.

У артистов от постоянного прикосновения к искусству притупляется и вытирается эстетическое чувство, заменя-

ясь эстетическим глазомером, как у виноторговца-эксперта аппетит к вину заменяется вкусом в вине.

Дамы только тем и обнаруживают в себе присутствие ума, что часто сходят с него.

Дружба обыкновенно служит переходом от простого знакомства к вражде.

Есть два рода любви к ближнему. Если мы любим самое наше чувство любви к другому, это — любовь. Если мы любим любовь другого к нам, это — дружба. Любовь разрушается взаимностью, а дружба ею питается.

Наше сочувствие религиозной старине не нравственное, а только художественное: мы только любуемся ее чувствами, не разделяя их, как сладострастные старики любуются молоденькими девицами, не будучи в состоянии любить их.

Есть два рода нерешительных людей: одни нерешительны, потому что не могут сообразить никакого ре-

шения, другие — потому, что зараз соображают несколько решений. Первые нерешительны, потому что глупы, вторые кажутся глупыми, потому что нерешительны.

Было бы сердце, а печали найдутся.

Размышляющий человек должен бояться только самого себя, потому что должен быть единственным и беспощадным судьей самого себя.

Кто смеется, тот не злится, потому что смеяться — значит прощать.

Ум гибнет от противоречий, а сердце ими питается. Под холодной веселостью часто скрывается теплая грусть, как альпийский лед прикрывает нежный подснежник. Можно ненавидеть человека, как подлеца, а можно умереть за него, как за ближнего.

Молодая девица, желающая выйти замуж за пожилого мужчину, должна написать ему следующее письмо со вложением дружбы: «Я не могу быть ни Вашей любовницей,

ни Вашей женой; любовницей — потому что я Вас слишком люблю, женой — потому что недостойна Вашей любви».

Кто имеет друзей, которые ненавидят друг друга, тот заслуживает их общей ненависти.

Какая разница между женой и любовницей? Любовниц мы любим по инстинкту, жены нас любят по апостолу. Следовательно, для гармонии жизни надобно иметь и жену и любовницу: незаслуженной любовью нелюбимых жен мы мстим коварным любовницам, а самоотверженной любовью к нелюбящим любовницам мы подаем добрый пример нашим обманываемым женам.

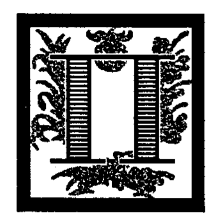
Чувствительность есть подделка чувства, как диалектика есть подделка логики.

Хотеть быть чем-то другим, а не самим собой,— значит хотеть стать ничем.

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

рогресс мысли в том, что достигнутую цель она превращает в средство для дальнейшей цели; прогресс чувства в том, что удачное средство оно делает целью, новой целью, забывая о первоначальной цели или тяготясь ею как неизбежным следствием.

Предмет истории — то в прошедшем, что не проходит, как наследство, урок, неконченый процесс, как вечный закон. Изучая дедов, узнаем внуков, т. е., изучая

14 – 3165

предков, узнаем *самих себя*. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться, механическими куклами, которые не родятся, а делаются, не умирают по законам природы, жизни, а ломаются по чьему-то детскому капризу.

В преданиях и усадьбах старых русских бар встретим следы приспособлений комфорта и развлечения, но не хозяйства и культуры; из них можно составить музей праздного баловства, но не землевладения и сельского управления. [...]

Схема истории холопства в России. Военное или экономическое насилие превратилось в юридический институт, который посредством продолжительной практики превратился в привычку, а она по отмене института осталась в нравах как нравственная болезнь. [...]

Современный трезвый и благоразумный человек видит только нескладицу житейских отношений, не видя в них внутреннего смысла, и, не думая об их исправлении, старается только направить их в свою пользу. Личный эгоизм — единственная гармония жизни для него. В жизни он видит только прорехи и щели, не штопая их мечтами, не замазывая их донкихотскими порывами, и спокойно плюет в них, когда нельзя в них просунуть пальца для благоприобретения чужой вещи без взлома.

Честолюбцы фантазии и натуги; первые — сами себя догоняющие, вторые — сами от себя отстающие. Оба поставят себя на высокий пьедестал и потом карабкаются, чтобы подняться до своего призрака.

Раскол. Два момента надо различать в его происхождении: *нравственно-психологический* — переворот в каждом отдельном раскольнике, откалывавшемся от церкви, и *церковно-канонический* — образование церковного сектантского общества из отколовшихся. С условиями государственной и народной гражданской жизни связан наиболее первый.

Обряд — религиозный пепел: это нагар на вере, образующийся от постепенного охлаждения религиозного чувства; но он и охраняет остаток религиозного жара от

внешнего холода жизни. Обряд — действие, вызываемое чувством: становясь привычным, оно может и заменять утомленное чувство, может и подогревать чувство, готовое погаснуть. В пепле долго держится часть тепла от горения, его образовавшего.

—

Екатерина своей популярностью обязана ужасам времени Анны.

—

Науку часто смешивают с знанием. Это грубое недоразумение. Наука есть не только знание, но и *сознание*, т. е. уменье пользоваться знанием как следует. [...]

—

Современная интеллигентная барышня — пушка, которая заряжается в гимназическом классе, а разряжается в университетской клинике душевнобольных.

—

Ветряные мельницы: вечно машут крыльями, но никогда не летают.

—

Современная мысль до того изогнулась и извертелась, что стала похожа на старую балетную плясунью, которая,

приподняв подол, еще может выделывать замысловатые и непристойные фигуры, но ходить прямо, твердо и просто уже не в состоянии.

—

Жены — инспектрисы мужей; только одни инспектируют их сердца, другие — их карманы, а третьи, самые разумные,— их рты.

—

Люди напряженно преследуют свои интересы, но книг не читают. Почему? Книги ли так неинтересны или интересы так некнижны?

—

Декадентство — это искусство, утратившее эстетическое чутье, но сохранившее свою технику. Это творчество без идеала, как толстовщина — религия без бога.

—

Самый непобедимый человек — это тот, кому не страшно быть глупым.

—

Истина проводится в наше сознание, подобно запретным заграничным товарам, контрабандой, под ярлыком лжи или шутки; зато под видом заграничной истины мы

беспошлинно получаем от своих поставщиков-производителей чистую ложь или озорство совершенно домашнего кустарного изделия.

Современная патологическая психология стремится глупость сделать умной, а подлость невменяемой.

Ум современного молодого человека рано изнашивается усвоением чужих мыслей и теряет способность к самодеятельности и самостоятельности.

Робкий, но не трусливый.

Театральный зритель есть человек, купивший себе в кассе право требовать, чтобы его одурачили, заставили мираж принять за действительность.

Пошлость самодовольная, влюбленная в самое себя.

Духовно-учебные заведения — не столько школы, сколько богадельни учащих и учащихся, призреваемых

там под предлогом науки: там больше богохульствуют, чем богословствуют.

Современная философия есть дело разума, освободившегося от власти здравого рассудка и поработившегося микроскопу.

Доброта иных происходит только от утомления злом.

Самая стыдливая совесть не стыдилась ей изменять.

Каждый из нас живет только для того, чтобы получить право умереть.

Эстетическое остервенение современной публики, соединенное с умственным отуплением и нравственным расслаблением.

Всего больше платимся мы за то, что не умеем быть вовремя умны. Потому глупость — самая дорогая роскошь, которую могут позволять себе только богатые люди и которая только им простительна. Как дорого платят-

ся народы за глупость, что не умеют ни управлять собой, ни жить мирно друг с другом?

Декаденты в интеллигенции — то же, что в гастрономии люди, испортившие себе пищеварение, но сохранившие аппетит.

Он так изолгался, что не верит сам себе даже тогда, когда говорит правду.

Кого он не предаст, когда ежеминутно предает самого себя: это самоиуда.

Служебное жалование превращается в государственную милостыню голодающим.

Успехи критического чутья в избалованной талантами массе и ослабление творчества (сами ничего не могут создать).

Дурак, одураченный собственным остроумием. Дм. и К-ш. Она стала умна прежде, чем перестала быть дуроч-

кой. Чем больше Вы живете, тем становитесь моложе. Чтобы быть полезным людям, нужно ничем не пользоваться от них.

Русская интеллигенция скоро почувствует себя в положении продавщицы конфет голодным людям.

Молодость без молодых впечатлений; онанизированные преждевременными, непонятными им идеями, эти народные борцы потом станут заскорузлыми аферистами или казнокрадами.

Умный тем отличается от дурака, что, когда оба разозлятся, умный становится дураком, а дурак умным.

Маленькие люди с большими притязаниями, с маленькими средствами, желающие делать большие дела.

Культурные нищие, одевающиеся в обноски и обрывки чужой мысли; растерявшись в своих мелких ежедневных делишках, они побираются слухами, сплетнями, анек-

дотами, словцами, чтобы сохранить физиономию интеллигентов, стоящих в курсе высших интересов своего времени.

Животное по инстинкту, не имея разума, поступает разумно; человек, пользуясь разумом, умеет поступать неразумно вопреки инстинкту.

Кто не способен работать по 16 часов в сутки, тот не имел права родиться и должен быть устранен из жизни как узурпатор бытия.

Есть люди, которые становятся скотами, как только начинают обращаться с ними, как с людьми.

Современные французские писатели более обязаны своими успехами языку, на котором пишут, чем язык им.

Гордый или самолюбивый человек и историк — не совместимые в одном лице понятия: это музыкант без

слуха, мыслитель без головы, Бартенев без «Русского архива».

Наше будущее тяжелее нашего прошлого и пустее настоящего.

Популярное искусство ценно не по пользе, которую оно приносит, а по вреду, от которого спасает, доставляя менее грубое развлечение.

Русский ум всего ярче сказывается в глупостях.

Позитивизм, дарвинизм, альтруизм — все научные воззрения и методы знания, переходя в образованную публику, становятся модными покроями мысли — не больше.

Вы выше нас всех: Вы один понимаете, что говорите. Молодежь, что бабочки: летят на свет и попадают на огонь.

Свое паршивое тело они прикрывают кисеей, переделанной из кожи, содранной с народного здорового тела.

Под его злостью чуется горе, как у больного под желчью кроется кровь.

Преисполнен собственной пустоты.

У большинства правила заменяются привычками.

Казеннокоштные золоторотцы русского просвещения.

Необыкновенно животный человек.

Дрянные вешалки для великих исторических званий.

От его научных понятий пахнет учебником Иловайского, а от нравственных убеждений — сельским кабачком.

В 60 минут въезда он вырос больше, чем со дня своего рождения.

Я Вас гораздо больше бы любил, если бы Вы меня немножко меньше ненавидели, но и презирал бы Вас даже

и тогда, когда бы Вы меня уважали. (Современный муж жене в интимной беседе.)

Всякий дурной поступок носит в себе кнут для спины своего виновника.

Есть умы без воли, как есть воли без ума.

Люди образованные из народа обыкновенно сохраняют его дурные свойства и перестают понимать хорошее.

Всякий счастлив в меру своей способности к счастью и своей потребности в счастье.

У хорошего доктора лекарство не в аптеке, а в его собственной голове, а не на углу улиц.

Русская интеллигенция — листья, оторвавшиеся от своего дерева: они могут пожалеть о своем дереве, но дерево не пожалеет о них, потому что вырастит другие листья.

Высшее наслаждение мужчины — заставить женщину наслаждаться не им, а самой собой; но женщина любит

только мужчину, который заставляет ее наслаждаться им, а не самой собой. [...]

Полудевицы и живут получувствами, полумыслями, полужизнью, т. е. девальвируют себя на половину цены.

Искусственное, художественное горе отучает от понимания действительного, как театральные слезы отучают от житейских.

Есть люди, которых каждый день видаешь, а не заметишь, есть ли у них борода и усы.

Кулаки-бабы берегут свое сердце, как деньги, забывая, что последние существуют для того, чтобы их тратить, а первое — чтобы отдавать.

Христы редко являются, как кометы, но Иуды не переводятся, как комары.

У него ум на конце его языка и потому никогда не бывает на своем месте. Вот почему говоруны не бывают умными. Оттого язык его не становится умным, а только ум перестает быть острым.

Либералы — игроки на глупость, как консерваторы — игроки на трусость.

Женская любовь — дар, который получает цену, только когда перестает быть подарком.

Из борьбы личных интересов вырабатывается не лучший из возможных, а возможнейший из лучших порядков.

Это обледеневший огонь.

Религия для нас — не потребность духа, а воспоминание или привычка молодости.

Среднему статистическому пошлому человеку не нужна, даже тяжела религия. Она нужна только очень маленьким и очень большим людям: первых она поднимает, а вторых поддерживает на их высоте. Средние по-

шлые люди не нуждаются ни в подъеме, потому что им лень подниматься, ни в опоре, потому что им некуда падать.

—

Есть люди, которые умеют говорить, но не умеют ничего сказать. Это ветряные мельницы, которые вечно машут крыльями, но никогда не летают.

—

Давайте отвыкнем от дурных слов и приобретем хорошие привычки.

—

Бездарные люди — обыкновенно самые требовательные критики; не будучи в состоянии сделать простейшее из возможного и не зная, что как делается, они требуют от других совсем невозможного.

—

Она в каждом мужчине ищет мужа, потому что в муже не нашла мужчины.

—

Наблюдать людей — значит презирать их, т. е. лишать себя возможности понимать их; чтобы понимать

их, надобно жить с ними, презирая их образ жизни, а не их самих.

—

На что им либерализм? Они из него не могут сделать никакого употребления, кроме злоупотребления.

—

Я слишком стар, чтобы стареть: стареют только молодые.

—

Русский культурный человек — дурак, набитый отбросами чужого мышления (чужим умом).

—

Можно благоговеть перед людьми, веровавшими в Россию, но не перед предметом их верования.

—

Глг-ва* — фарфоровая кукла, холодная, как фарфор, и противная, как кукла.

—

Русский студент — вечное жвачное животное, которое в университете жует литографированную бумагу,

* *Глг-ва.*— вероятно, Александра Матвеевна Глаголева, участница международного движения суфражисток.

а потом на службе — бумагу кредитную — и тем сыт бывает.

Научная проблематика что порядочная дама: чем скромнее и почтительнее подойдешь к ней, тем скорее она позволит понять себя.

Кто очень любит себя, того не любят другие, потому что из деликатности не хотят быть его соперниками.

Часто нужно не знать своего положения, чтобы быть в состоянии поправить его.

Современный образованный человек полон своей собственной пустоты.

При крепостном праве мы были холопами чужой воли; получив волю размышлять, мы стали холопами чужой мысли.

Женщина, соблазняющая мужчину, гораздо менее виновата, чем мужчина, соблазняющий женщину, потому

что ей труднее стать порочной, чем ему остаться добродетельным.

К.* — переимчивая сорока, которая может затвердить всякого Якова.

Мысли и чувства женщин лучше их самих: подслушивать их гораздо опрятнее, чем их подсматривать.

Мы всегда размышляем не своими мыслями, а пережевыванием чужих.

Смелы в мышлении и трусы в действии.

Казуистика дурна не сама по себе, а тем, что не умеет быть самой собой, предвидеть все случаи.

Русский мыслящий человек мыслит, как русский царь правит; последний при каждом столкновении с неприятным законом говорит: «Я выше закона» — и отвергает

* *К.* — может относиться к Н. И. Карееву или А. А. Кизеветтеру.

старый закон, не улаживая столкновения. Русский мыслящий человек при встрече с вопросом, не поддающимся его привычным воззрениям, но возбуждаемый логикой, здравым смыслом, говорит: «Я выше логики» — и отвергает самый вопрос, не разрешая его. Произволу власти соответствует произвол мысли.

Мы больше воображаем, чем знаем положение дел, и потому больше пугаемся, чем предвидим свои опасности.

Мы размышляем, как управляемся. Самовластие из политического порядка стало методом нашего мышления.

Произвол переселился из Свода законов в наш мозг.

Иванов* — старинная пожарная трещотка — будит не мысль, а только тревожит нервы.

Адвокат — трупный червь: он живет чужой юридической смертью. На основании закона так же легко убивают человека, как и по позыву произвола. Только в после-

* *Иванов* и *И. И. И.*— вероятно, Иван Иванович Иванов, историк.

нем случае поступок сознается как преступление, а в первом — как практика права.

Под старость глаза перемещаются со лба на затылок: начинаешь смотреть назад и ничего не видеть впереди, т. е. живешь воспоминаниями, а не надеждами.

Русские цари — мертвецы в живой обстановке.

Самый веселый смех — это смеяться над теми, кто смеется над тобой.

Чтобы согреть Россию, они готовы сжечь ее.

Злой дурак злится на других за собственную глупость.

Мудрено пишут только о том, чего не понимают.

Я очень ценю «Русские ведомости» с методологической стороны: они доказывают, как выгодно издавать га-

зету при самых скудных умственных и нравственных средствах.

Люди, которые легко говорят, обыкновенно трудно понимают.

Знать свое положение гораздо легче, чем сознавать его, а понимать еще труднее.

Живой человек: когда ему 40 лет, все дают ему 60, а когда пойдет 60, все дают только 40.

Великосветский партер XVIII в. так любил сцену, что охотно перепрыгнул бы через рампу, чтобы занять место на сцене, а сцену посадить на свое место.

Публичные девки публицистики.

Инерция — энергия без действия.

Адрес писан для профессоров на бумаге Говарда, а профессора, чтобы увековечить, с помощью студентов литографировали его на коже автора. Это выходит пергамен.

Под свободой совести обыкновенно разумеется свобода от совести.

Логика жизни: из *либеральных* девиц выходят дамы *вольного* поведения.

Сопливо-добрых гражданских чувств профессор и торговец.

Она производит впечатление г. с-го, попавшего в сахарницу: и им неловко, и ей стыдно.

Одни вечно больны только потому, что очень заботятся быть здоровыми, а другие здоровы только потому, что не боятся быть больными.

Разница между консерваторами и либералами: у первых слова хуже мыслей, у вторых мысли хуже слов, т. е.

первые не хотят хорошенько сказать, что думают, а вторые не умеют понять, что говорят.

—

Он стал дураком только потому, что хотел быть умным.

—

Очевидно, Вы по моей душе учились грамоте, потому что читаете мою душу как свою старую истрепанную азбуку.

—

Газета приучает читателя размышлять о том, чего он не знает, и знать то, что не понимает.

—

Иногда человеку не дают покоя только потому, что желают успокоить его.

—

Дарвинизированные умы, прогнившие от полового подбора.

—

И москаль и хохол хитрые люди, и хитрость обоих выражается в притворстве. Но тот и другой притворяются

по-своему: первый любит притворяться дураком, а второй умным.

В самом ли деле он такой дурак, как кажется, или это только так кажется, что он такой дурак?

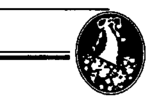
Образование дает русскому человеку только вкусовую энергию — способность смаковать жизнь, а не создавать ее.

Прежде их соединял хотя бы пол, а теперь только потолок.

Чтобы образумились дети, должны умереть с голоду отцы.

Чтобы уметь быть злым, надобно выучиться быть добрым: иначе будешь просто гадким.

Наша неуравновешенность и неустойчивость от излишней вескости головы, т. е. от слишком высоко поме-

щенного центра тяжести (возвышенность чувств и мыслей, высоко держим головы).

Он стал думать о мышлении с тех пор, как перестал мыслить.

Механическая любовь.

Заспанные свои мысли принимают за открытия.

Не начинайте дела, конец которого не в Ваших руках.

Далай-лама и конституционные короли: вся их деятельность в том, чтобы быть и ничего не делать.

Дарвинизированные умы.

Эмпиризм в раздумье: не отрицаясь от себя, начинает сомневаться в себе и чувствует потребность проверить себя. Он хочет знать, куда идет, и осветить свой путь; поэтому камни преткновения для своей мысли он увидит

раньше, чем на них оступится. Это большой успех и ценный залог дальнейших успехов: авось он перестанет проверять свой глаз его собственными ошибками, т. е. опыт опытом. Он хочет знать и признает только то, что стоит перед глазами; но и миражи в пустыне тоже стоят перед глазами.

Пора иметь право располагать самим собой, самого себя заработать.

Самодержавие нужно нам пока как стихийная сила, которая своей стихийностью может сдержать другие стихийные силы, еще худшие.

Ваше общество слишком трудно для меня: Вас окружают лица, одним из которых я не могу быть.

Кто не любит женщины, тот не понимает Бога, потому что Бог написал себя на душе женщины, а его писание можно читать только сердцем.

Древний Восток искал Бога в своем воображении, чтобы отвязаться от черта в природе. Новый Запад продолжил эти поиски и нашел черта в своем воображении, чтобы отвязаться от Бога в природе.

Талант, что мозоль на ноге: банщик срежет ее, а деятельность ноги восстановит.

Вместо любви к солдату они (альтруисты) проповедуют любовь к казарме.

Студенческие кокотки, привлекающие слушателей легкостью мысли и соблазнительностью тем.

Некоторых профессоров любят слушать только потому, что слышат от них свои собственные слова.

Буйволовые умы, которые прут по прямой линии, но без цели, не умея своротить в сторону ни перед ямой, ни даже перед физическим законом.

Я влюбилась бы в Вас, если б меньше Вас любила. Женщинам надо внушать ненависть к себе, чтобы до-

биться их любви. Мы запоздалые Печорин и княжна Мэри.

Многие трусливы только потому, что боятся не смерти, а опасности.

Немного шаловливая мысль, которая любит поиграть чертом, но никогда не забывает Бога.

Старость для человека что пыль для платья,— выводит наружу все пятна характера.

Мы гораздо более научаемся истории, наблюдая настоящее, чем поняли настоящее, изучая историю. Следовало бы наоборот.

Враги — это банщики. Своей злобой против Вас они смывают Вашу, а не свою грязь.

П. и К° — жвачные умы 60-х годов, пережевывающие случайно попавшую в рот либеральную жвачку, уже утратившую всякую питательность. Раз усвоенный

образ мыслей из убеждения ума превратился в дурную привычку мозга.

Верует духовенство в Бога? Оно не понимает этого вопроса, потому что оно служит Богу.

Музыка для черствого сердца — то же, что касторовое масло для засорившегося желудка.

Капризные выходки озорной мысли — неоригинальные идеи логического мышления.

Жалоба, что нас люди не понимают, всего чаще происходит от того, что мы не понимаем людей.

У него под руками рояль не играет, а размышляет вслух, и размышляет свои лучшие мысли.

Крашеные русские куклы западной цивилизации.

Толстой, как большинство романистов с талантом, хороший художественный прибор, а вовсе не художник.

Творчества в нем не больше, чем в луже, отражающей лунный вечер, только грязи значительно больше.

—

У нас политические партии — не порядки убеждений или образы мыслей, а возрасты или экономические положения.

—

У женщины сердце умнее ее ума: потому-то она чувствует умно и размышляет глупо.

—

Тяжелое дело — писать легко, но тяжело писать легкое дело.

—

Земство и самоуправление: никто не учит людей плавать на луже, по которой воробьи пешком ходят.

—

В России центр на периферии.

—

Начитанные и надорванные либеральные дураки, производящие впечатление умных только на таких же надорванных, но не столь начитанных дураков. Недовольны всем настоящим, а прошлое ругают за то, что не похоже

на настоящее. Сентиментально-озлобленные бурсаки киево-могилевского покроя.

—

У них мысль не ведет за собой их слов, а с трудом догоняет их.

—

Что хуже или что лучше — мало судей и много законов или наоборот, как было в Древней Руси.

—

У животных нет нашего дара слова, но есть свой язык для выражения мыслей. Лексикон есть, нет нашей грамматики.

—

Когда кошка хочет поймать мышку, она притворяется мышкой.

—

Высшая задача таланта — своим произведением дать людям понять смысл и цену жизни.

—

В других обществах всякий живет, работая и частью проживая, частью наживая; в русском одни только на-

16 – 3165

живаются, другие проживаются и никто не живет и не работает.

Люди, умеющие открыть рот, но не умеющие закрыть его.

Благотворительность больше родит потребностей, чем устраняет нужд.

Кадетский либерализм.

Самая живая мысль дохнет, попав под их перо.

Кисельно-молочный социализм Ч-ва.

У иных поступки лучше их намерений, потому что их инстинкты умнее их ума.

Люди с неблагополучными мышлениями.

Откровенность — вовсе не доверчивость, а только дурная привычка размышлять вслух, т. е. в присутствии

чужих ушей, потому что сами себя не слушают (говорить во сне).

Они — философы — всматривались в глубину житейского моря, чтобы в ней разглядеть истину, и, конечно, видели там только свои собственные физиономии.

Наша история идет по нашему календарю: в каждый век отстаем от мира на сутки.

На Западе и чувства устанавливаются законодательным путем (признание смерти кардинала Гонзалеса национальным горем в Испанской палате 20 ноября 1894 г.).

Кроты — кроткие!

Эгоисты всех больше жалуются на эгоизм других, потому что всего больше от него страдают.

Впредь будут воевать не армии, а учебники химии и лаборатории, а армии будут нужны только для того,

чтобы было кого убивать по законам химии снарядами лабораторий.

—

На Западе церковь без Бога, в России Бог без церкви.

—

Люди ищут себя везде, только не в себе самих.

—

В молодости можешь уснуть, когда и не хочется спать, а в старости и хочется спать, да не можешь уснуть. Так и с прочими инстинктами.

—

Не человек живой, а только сгущенный призрак человека.

—

Не человек, а комок злости.

—

Мыслят так быстро, что не успевают подметать своих мыслей.

—

Введение морали в политическую экономию — противоестественная помесь идеи долга с грошом: выходит ни мораль, ни политическая экономия, а не то морализирующий грош, не то грошовая мораль. Ублюдок ни в мать, ни в отца, а в сочинившего его ученого удальца.

—

Игра в свои собственные конституционные мечты — политический онанизм.

—

Чтобы видеть неправильность действительной геометрической фигуры, надо набросить на нее абстрактную правильную.

—

Историк — наблюдатель, не следователь.

—

Сомневаюсь не в ученой добросовестности, а в ученом самообладании З-на.

—

Ученые издатели — половые науки, которые не варят и не кушают, а только подают кушанье.

—

Разница между духовенством и другими русскими сословиями: здесь много пьяниц, там мало трезвых.

—

Наука стремится все пороки объяснить болезнями, а моралисты все болезни производят от пороков. Скоро,

к удовольствию судей и врачей, преступников будут лечить, а больных наказывать.

Ничего мудреного не сделают, но все простое сделают мудрено.

Чтобы быть ясным, оратор должен быть откровенным.

Где нет тропы, надо часто оглядываться назад, чтобы прямо идти вперед.

Простейший способ не нуждаться в деньгах — не получать больше, чем нужно, а проживать меньше, чем можно.

Твердость убеждений — чаще инерция мысли, чем последовательность мышления.

Мы часто сердимся на предков за то, что они на нас не похожи, вместо того чтобы радоваться, что мы на них не похожи (ушли от них вперед).

Худшая посадка между двух стульев — очутиться между своими притязаниями и способностями, казаться

слишком великим для малых дел и оказаться слишком малым для великих.

Прежде психологией называлась наука о душе человеческой, а теперь это наука о ее отсутствии.

Одна нигилистка, случайно уверовавшая в Бога, признавалась, что она ни за что не согласилась бы быть безбожницей, если бы знала, как приятно веровать.

Когда двое тонут, надо спасать четверых, потому что в каждом погибающем сидит еще сумасшедший.

Остроумие в мышлении — то же, что пряность в питании: она делает вкусной пищу, но портит и вкус и пищеварение.

Пессимизм, что тошнота, которая происходит от трех причин: 1) от объедения, 2) голода и 3) беременности.

Выбирая себе жену, надо помнить, что выбираешь мать своим детям, и, как опекун своих детей, должен по-

заботиться, чтобы жена по вкусу мужа была матерью по сердцу детям; чрез отца дети должны участвовать в выборе матери.

Когда нам плохо, плохое утешение думать, что другим еще хуже.

Государству служат худшие люди, а лучшие — только худшими своими свойствами.

Их готовят в мадамы Рекамье, а из них выходят трактирные кариатиды (классицизм дамский).

Делай, что я говорю, но не говори, что я делаю,— исправленное иезуитство. Толстой.

Скучен театр, когда на сцене видишь не людей, а актеров.

Наука изучает не истины, а только необходимости или потребности, из них вытекающие или ими внушаемые, как

физика изучает силы природы, не понимая их источника, т. е. самой природы.

Причина неодинаковой оплаты занятий. Одни дела могут делать все, но не всякий хочет; другие хотят все, но не всякий может.

Истина, что свет: ее самое не видно, но все предметы видны и понятны, лишь насколько обладают ее светом (в ее свете).

Вырождение принадлежит, как и внушение, к числу слов, которые не выражают мыслей, а заменяют их.

Недостаток теперешнего обтянутого дамского костюма тот, что он не столько прикрывает то, что есть, сколько обнаруживает то, чего нет.

Женщина опасна не когда нападает, а когда падает.

Часто встречаются люди, которые любят говорить о том, чего не понимают, как иные не чувствуют запаха того, что

нюхают. Это очень жаль, хотя и очень просто; это значит, что есть люди, у которых язык длиннее их ума, как есть люди, у которых нос длиннее их обоняния.

Это люди, с которыми расставаясь, жалеешь, что с ними виделся.

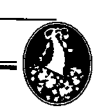
Дарьяльское ущелье — горная проповедь своего рода, в которой говорят камни. Сидят на штыках, покрыв их газетой.

Истинная цель дела благотворительности не в том, чтобы благотворить, а чтобы некому было благотворить.

Думать не о том, что делаешь, совсем не то же, что делать не то, что думаешь. Обман и то и другое, но в первом случае обманываешь себя самого, во втором — других.

Право по самому существу есть софистика, ибо есть борьба с инстинктом, т. е. природой, и его слугой — здравым смыслом.

Большинство современных браков можно признать если не счастливыми, то сытными: она в нем приобре-

тает кусок хлеба, он в ней — кусок мяса. Едят друг друга.

Вспомнив былое, вдруг иногда как будто почуешь запах юности.

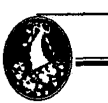
Инстинкт — двигатель без сознания, но с участием воли; автомат — двигатель без воли и в механике без сознания.

Фанатизм во имя порядка готов внести анархию.

Мужчина занимается женщиной, как химик своей лабораторией: он наблюдает в ней непонятные ему процессы, которые сам же производит.

Женщина родится по ошибке, выходит замуж по любви, родит по глупости, умнеет от родов, разводится по капризу на мужа и умирает с горя о детях.

Что труднее: стать порочным или перестать быть добродетельным? Думаю, что труднее первое, потому что

сложнее: чтобы перестать быть добродетельным, не нужно быть порочным, а чтобы стать порочным, нужно наперед перестать быть добродетельным.

Гораздо легче стать отцом, чем остаться им.

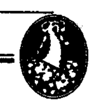
Есть мужчины, которые тем больше нравятся, чем лучше их понимаешь, и есть женщины, которых тем лучше понимаешь, чем больше они нравятся.

Судьба и провидение: на первую мы жалуемся, когда другие нас обижают, вторым оправдываемся, когда сами обижаем других.

Привычки отцов, и дурные и хорошие, превращаются в пороки детей.

Какая самая умная женщина? Та, которую хочется благодарить даже за отказ.

Герцог Ларошфуко сказал, что притворство есть дань, платимая пороком добродетели. Совершенно верно. Потому-то добродетель так и любит притворство как свой штатный доход по должности и не может обойтись без порока как своего крепостного кормильца.

Дамы всего менее понимают право как требование ума и необходимости, а они мыслят сердцем и только сердятся умом.

Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? Вероятно, потому же, почему человек, споткнувшись с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения.

Многие только потому республиканцы, что нет царя в голове (природные республиканцы родятся без царя...).

А странный, не натуральный народ эти старики: они не родятся, а только умирают и, однако, все не переводятся.

Есть два рода непонимания. Одни еще не разглядели того, что есть в вещах, другие успели уже усмотреть и то, чего нет в них. Это последнее непонимание безнадежнее и неисправимее первого, потому что легче дополнять, чем

переполнять, как легче дойти до цели, чем воротиться к ней (кто не стрелял и кто промахнулся).

У всякого возраста свои привилегии и свои неудобства. Привилегия стариков — хвалиться своим прошлым, т. е. своей ненужностью; неудобство — почет от молодежи, похожий на усиленную ласку хозяев к собравшимся уходить гостям.

В жизни мало физики. Говорят: светлый голос. Почему же не сказать: звонкий взгляд? Иной так умеет взглянуть, что зазвенит в ушах.

Обыкновенно женятся на надеждах, выходят замуж за обещания. А так как исполнить свое обещание гораздо легче, чем оправдать чужие надежды, то чаще приходится встречать разочарованных мужей, чем обманутых жен.

Сердце женщины — чистая доска, белый лист бумаги: на нем никогда ничего не прочтешь, но многое напишешь, если умеешь писать на таком материале.

Романистов часто называют психологами. Но у них разные дела. Романист, изображая чужие души, рисует

свою; психолог, наблюдая свою душу, думает, что он изучает чужие. Один похож на человека, который видит во сне самого себя, другой — на человека, который подслушивает шум в чужих ушах.

Только в математике две половины составляют единицу, а в жизни совсем иначе: так, в семейной жизни две половины — целая пара, а в духовной из двух полоумных никогда не составить и одного умного.

В науке надо повторять уроки, чтобы хорошо помнить их; в морали надо хорошо помнить ошибки, чтобы не повторять их.

Кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая. Прямой путь — кратчайшее расстояние между двумя неприятностями — в жизни.

Прикрывая костюмом тело, женщина обнаруживает тем свою душу (придумывая, как прикрыть).

Находят сходство между Мопассаном и Толстым. Может быть, оно и есть, но есть и разница. Первый по-

терял свой ум, не зная, куда девать его; второй вечно ищет своего ума, забыв, куда девал его. Писатели, как родители, любят наделять свои детища свойствами, которых лишены сами. Оттого герои у Мопассана всегда глупы, а у Толстого — умны.

—

Вся житейская наука женщины состоит из трех незнаний: сначала она не знает, как добыть жениха, потом — как быть с мужем, наконец,— как сбыть детей.

—

Чем женщина меньше приносит мужу, тем больше требует от него, так что, чем меньше она стоит, тем дороже обходится.

—

Быть счастливым — значит быть умным. Быть умным — значит не спрашивать, на что нельзя ответить. Потому быть счастливым — значит не желать того, чего нельзя получить.

—

Женщина перестает думать о том, чего сильно пожелает; мужчина перестает желать того, о чем хорошенько

подумает. Поэтому когда оба думают вместе, бывает два ума и ни одной воли.

Чтобы иметь право жить, надобно приобрести готовность умереть (хоть раз показать готовность).

Благородное российское дворянство разменяло свой сословный долг на долги государственному банку.

Все эти формы и обряды хороши тем, что выше действительных чувств тех, кто их выполняет, и заставляют последних становиться выше себя.

Достойный человек не тот, у кого нет недостатков, а тот, у кого есть достоинства.

Надобно не жаловаться на то, что мало умных людей, а благодарить Бога за то, что есть они.

Смотря на нынешних женщин, сознаешь верность философского определения, что человек есть разумное животное; разумность не мешает им быть животными и да-

же помогает им становиться непохожими на людей и в том, в чем похожи на них животные.

Законы тогда только устанавливали произвол, т. е. собственную ненужность.

Вера в жизнь посмертную — тяжкий налог на людей, которые не умеют дожить и до смерти, перестают жить прежде, чем успеют умереть.

Есть люди, у которых язык умнее их самих.

Как даровитые новички, мы ничего не умеем задумать сами, без чужой указки, хотя, принявшись подражать, часто превосходим свои образцы.

Деньги лишние хороши не тем только, что дают возможность приобрести необходимое, но еще и тем, что избавляют от досады на невозможность приобрести лишнее.

На Западе каждая научная идея, каждое историческое впечатление при дрессировке ума и навыка превращается

в убеждение, что в массе есть суеверие; причина — быстрое распространение, оборот идей.

Когда у мыслителей быстро вертится мысль, у немыслящей публики кружится голова.

Торжество исторической критики — из того, что говорят люди известного времени, подслушать то, о чем они умалчивали.

История не учительница, а надзирательница, наставница жизни: она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков.

Некоторые думают, что стоит только обозвать всех дураками, чтобы прослыть умным.

Его глупость не в привычке болтать глупости, а в убеждении, что другие считают их умными вещами.

Богатые вредны не тем, что они богаты, а тем, что заставляют бедных чувствовать свою бедность. От уничтожения богатых бедные не сделаются богаче, но станут

чувствовать себя менее бедными. Этот вопрос не политической экономии, а полицейского права, т. е. народной психологии.

Утопающие при кораблекрушении бросаются с корабля в воду, чтобы не утонуть на корабле, и тонут в воде, а не на корабле.

Кто смотрит из света во враждебную тьму, не видит никого из своих врагов, но служит мишенью для всех них.

Крупный успех составляется из множества предусмотренных и обдуманных мелочей.

Две половины — в жизни брачная пара.

Ф. Дм. говорил так много и скоро, что только на другой день успевал не то что обдумать, а только вспомнить сказанное вчера.

Мужчина, любя женщину, старается быть ей нравственно полезным; женщина, отвечая на его любовь, желает быть ему эстетически приятной. Первый добро прини-

мает за красоту, вторая красоту за добро: в этом половое различие нравственного понимания.

Природа — зеркало, т. е. отражающая пустота для того, кто в нее смотрится: он может видеть в ней только сам себя, свое внутреннее содержание.

С Ф. можно быть только в иронических отношениях.

Еф.— Из всех малоумных баб она наименее умная, потому что наименее баба.

Всем можно гордиться, даже отсутствием гордости, как от всего можно одуреть, даже от собственного ума.

Из всех толков о законности, о праве крестьяне и горожане вынесли только притязательное сознание своих *правов*.

Хитрость не есть ум, а только усиленная работа инстинктов, вызванная отсутствием ума.

Указывают на любовь западников к иноземным словам. Наши западники все еще заучивают западные учеб-

ники слово в слово и не умеют передавать их своими словами. Для них западная культура все еще работа памяти, а не сознание.

В 1860-х годах мыслили так торопливо, что не могли догнать собственных мыслей, и потому тех, кто не спешил, считали отсталыми.

Чтобы править людьми, нужно считать себя умнее всех, т. е. часть признавать больше целого, а так как это глупость, то править людьми могут только дураки.

Художник, что зеркало, которым дорожат только потому, что оно дает зрителям возможность любоваться самими собой.

Художник знал, что делал, когда придавал оригиналу такое выражение; но оригинал не знал, что делал, когда принимал такое выражение.

Многие умирают спокойно не потому, что думают о будущей жизни, а потому, что не умеют понять настоя-

щую минуту: спокойствие здесь происходит не от силы веры, а от слабости размышления.

Есть умные люди, которые дуреют от собственного ума, и есть дураки, которые умнеют от чужой глупости.

Шмоллер — не социалист, но ученики его — социалисты. Магомет — не магометанин, но магометане — все последователи Магомета.

Свой благородный дворянский долг родовитое дворянство реализовало в поземельные банковые долги.

На дураков есть хоть одно средство — смех, а на дур, как на грех, и мастера нет.

Воображение на то и воображение, чтобы восполнять действительность.

Благородство души они носили в себе не как нравственный долг всякого человека, а как дворянское право, пожалованное им грамотой императрицы Екатерины II, и возмущались, как анархическим захватом, когда заме-

чали в мужике или разночинце поползновение разделить с ними эту сословную привилегию.

Сколько понадобилось человеку пролить слез и крови, чтобы в себе подобном признать своего ближнего.

Глупость терпят за простодушие, но не наоборот.

Люди, которые, не имея своего ума, умеют ценить чужой, часто поступают умнее умных, лишенных этого уменья.

Жизнь не в том, чтобы жить, а в том, чтобы чувствовать, что живешь.

Красивые женщины в старости бывают очень глупы только потому, что в молодости были очень красивы.

Особый вид помешательства — объяснять все глупости и мерзости сумасшествием. Помешанному все люди, кроме одного его, представляются сумасшедшими.

Женщина начинает размышлять только, когда начинает говорить, а говорить начинает, когда начнет чувство-

вать: ее ум — бухгалтер ее языка, а язык — секретарь ее сердца.

Не может быть самодержцем монарх, который не может сам держаться на своих ногах.

Портрет Спасовича — не портрет, а биография.

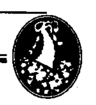
У этого художника очень хорошее сердце, но плохая кисть.

Его глаза имеют право быть тусклыми: они пролили столько света вокруг себя.

Умирают равнодушно не по силе веры в будущую жизнь, а по непониманию текущей минуты и по забвению прошедшего.

Кони — карьера.

Если женщины чувствительно говорят об уме, то мужчины обязаны умно говорить о чувствах, те и другие

по-своему выражают отсутствие того, о чем говорят (чем болят).

Есть люди, которые хорошо говорят, но плохо разговаривают, потому что их мысли хуже их слов, а чувства хуже самих мыслей.

Страсти молодости из потребностей сердца или инстинкта в старости становятся дурными привычками воображения.

Снег падал на черную землю беленькими, чистенькими звездочками, точно девичьи мысли (5 апреля 1893 г.).

Справедливость — доблесть избранных натур, правдивость — долг каждого порядочного человека.

Сладкая болезнь только у горьких пьяниц.

Чем больше злобились на него враги, тем больше он любил людей.

Видимая рассеянность иногда происходит не от недостатка наблюдательности, а от избытка впечатлительнос-

ти: не хотят замечать окружающего, чтобы сохранить веру и спокойствие.

—

Чтобы иметь влияние на людей, надо думать только о них, забывая себя, а не вспоминать о них, когда понадобится напомнить им о себе.

—

В городах потому мало веры, что среди шума от езды по каменной мостовой не слышно колокольного звона.

—

Многие боятся смерти не как прекращения жизни, а просто как неприятности, соединенной с физической болью.

—

Темперамент — возбуждаемость, сумма и степень ощущений и желаний; характер — сдержанность, степень самообладания.

—

Есть люди, в которых самые пороки милее и безвреднее, чем у иных добродетели.

—

Их прагматизм навыворот — признает следствие причиной только потому, что они узнали причину после

следствия. Их мысли идут в обратном порядке с явлениями.

—

Богачи из людей, которые добывают деньги, чтобы жить, превращаются в людей, которые живут, чтобы стеречь деньги, которых им некуда девать.

—

У него нос длиннее его обоняния.

—

Изысканность — дурного вкуса признак.

—

Разномыслие от чего: видят один предмет, но смотрят с разных сторон.

—

Петр I делал историю, но не понимал ее.

—

Это все герои, которых преждевременная смерть спасала от заслуженной виселицы.

—

Ученые диссертации, имеющие двух оппонентов и ни одного читателя.

—

На перевязочном пункте жертвы виднее, чем в боевой линии: там нужно больше человеколюбия, чем здесь. Здесь

нужна воля, там сердце. Бецкий хотел сделать перевязочный пункт из русского образованного общества и сделал общество с сердцем, но без воли.

Чистая филология производит впечатление человека, который, пустившись в путь, второпях забыл, куда и зачем он идет (специализация науки).

Поколение спит на краю бездны; жаль, что оно исчезнет, не дав урока преемникам,— сорвется и разобьется раньше, чем проснется.

Он перестает понимать вещи, как только начнет о них размышлять.

Ваше дело творить без сознания, наше — понимать без творчества Ваши создания.

Ее отказ приятнее иного согласия.

В логике мышления следствие рождается от своей причины; в логике чувствования следствие рождает свою причину: водку пьют как для того, чтобы прийти в веселое настроение, так и потому, что приходят в такое настроение.

Он умеет быть мил даже тогда, когда вынужден быть неприятным.

Красота хороша только, когда она сама себя не замечает, талант приятен, когда себя не сознает.

Мы для них пока еще только объект полицейского, не интеллектуального внимания.

Она сама — дрянь, но ее лицо — миссионер, что небеса: поведает славу Божию. Образ и подобие Бога.

Преподавателям слово дано не для того, чтобы усыплять свою мысль, а чтобы будить чужую.

Они и свои головы отыскивали по газетным объявлениям с обещанием приличного вознаграждения нашедшему.

Мужчина, которого любит нелюбимая им женщина, обязан уважать ее; женщина, которую любит нелюбимый

ею мужчина, должна пожалеть о нем; один своим уважением платит дань мировому порядку, другая своим сожалением выкупает свою ошибку.

Не все делаем, на что имеем право, ибо право не заменяет разума.

Смотря на них, как они веруют в Бога, так и хочется уверовать в черта.

Талант — искра божия, которой человек обыкновенно сжигает себя, освещая этим собственным пожаром путь другим.

Деревянные души — их легче сжечь, чем согреть.

Им голова нужна только для того, чтобы было, где иметь рот.

Добрая память и злое сердце — он скоро забывает обиду, но злится и на забытые обиды.

Они так субъективно рассуждают о вещах и людях, как будто на свете лишь себя считали существующими,

а другие люди и все вещи были только плодом их воображения.

В 50 лет необходимо иметь шляпу и два галстука, белый и черный: часто придется венчать и хоронить.

Когда не поймешь, добрый ли человек или злой, можно смело сказать, что он — несчастный.

Первый злейший враг красивой женщины — это ее зеркало, потом ее враги — ее уши: первый губит ее ум, вторые — ее сердце.

Мы для того умаляем свое прошедшее, чтобы понять его, ибо его величие превышает силу нашего разумения. Луна.

Разложение славянофильства — пахнет от разлагателя.

Его ум — хорошо выученная книжка.

Женщина по капризу избалованного чувства иногда влюбляется в того, кого не любит, но с кем хочет поиг-

рать, как ребенок делает идола из своей куклы: это болванчики, на которых они примеривают свои чувства, чтобы самим полюбоваться ими.

У них нет совестливости, но страшно много обидчивости: они не стыдятся пакостить, но не выносят упрека в пакости.

Цыгане известности — они известны только за границей, потому что у них нет отечества.

Народники так умно рассуждают об основах своей жизни, что кажется, то, на чем они сидят, умнее того, чем они рассуждают о том.

Бесцельным надо признать не только то, что не имеет цели, но и то, что хватает через цель.

Смешное положение сносно лишь как выход из трудного.

Люди и целые классы, вымирающие, но не сознающие своего вырождения, питают инстинктивную наклонность

к наукам, не столько научающим, как жить, сколько приучающим к мысли, что надо умирать (археология, метафизика). Это своего рода самозакапывание.

—

Лучше быть историческим Дон Кихотом, чем чистым, математическим дураком.

—

Им горячо жить — под их пятками горят заповеди.

—

Он потому так и блестит, что не живет, а горит.

—

Эти младенцы — дутые резиновые мячики, наполненные мыслью о себе самих, т. е. совершенно пустые (своей собственной внутренней пустотой).

—

Куклы гниют, но не стареют.

—

Взрослый недоросль.

—

Духовная школа и мир. Она поняла бы мир, да не знает его и знать не хочет. Мир знает духовенство, да не понимает его, не видит, какой в нем толк. Одни — бестолковые Дон Кихоты, другие — догадливые Санчо Пансы.

Школа эта воспитывает каких-то ученых пауков, которые ползают по собственной паутине в ожидании запутавшихся в ней мух или ветра, который сдунет их ненужное плетение. Ведут себя жрецами исчезающей религии или храма, предназначенного к сломке, комическими анахронизмами, сознающими свое безвременье, но не решающимися в том сознаться. Академия — миссионер семинарии.

—

Я говорю красно, потому что мои слова пропитаны моей кровью.

—

Женщины умны только потому, что ни у кого не хватает наглости сказать им это (в виде комплимента).

—

Нельзя осуждать человека за то, что ему нравятся его мысли, как нельзя запретить человеку с удовольствием нюхать собственный запах.

—

Из святой покровительницы ума и науки мы сделали повод говорить глупости.

—

Развивая мысль в речи, надо сперва схему ее вложить в ум слушателя, потом в наглядном сравнении предъявить ее воображению и, наконец, на мягкой лирической под-

кладке осторожно положить ее на слушающее сердце, и тогда слушатель — Ваш военнопленный и сам не убежит от Вас, даже когда Вы отпустите его на волю, останется вечно послушным Вашим клиентом.

Слова, которые не только говорят, но и звучат.

А. У.— домашний чижик.

Он подкрадывается к публике, как кошка к мышке.

В чем драматизм Гамлета? Трудно действовать как следует, но еще труднее воздерживаться от действия, которое не следует.

Профессор перед студентами — ученый, перед публикой — художник. Если он ученый, но не художник, читай только студентам; если он художник, но не профессор, читай где хочешь, только не студентам.

Чтобы заставить дух работать всеми силами, надобно привести себя и тело в несколько болезненное состояние:

раковина родит жемчужину от укола улитки (надобно уколоть себя, чтобы родить...).

В его лета будут ли они им?

Публика тяжело вздохнула, почувствовав, что кончилось напряжение, и пожалела, заметив, что вместе с тем прекратилось и наслаждение.

Идеализация — один из способов эстетического и нравственного познания. Телескоп в астрономии: иные вещи надобно страшно преувеличить, чтобы вернее разглядеть.

Кабинетное мышление рядом с кухней, где оно подготовляется, без которой оно невозможно.

«Зачем Вам ум?» — «А затем, чтобы помнить, что об этом глупо спрашивать (чтоб этого вопроса не задавать Вам)».

Несчастье русских в том, что у них прекрасные дочери, но дурные жены и матери; русские женщины мастери-

цы влюбляться и нравиться, но не умеют ни любить, ни воспитывать.

У меня два личных врага, близких к моему лицу и не дающих мне покою: это мой нос, который постоянно болит, и мой язык, который постоянно говорит.

На земле я так привык к аду, что на том свете меня можно наказать за грехи только раем. Значит, мое загробное будущее довольно обеспечено.

Натурщик для Рибейра. Целовать фарфоровые куклы добродетели.

Кажется, чувствуешь самый сокрытый коренной нерв жизни, в котором присутствует сам его создатель.

Как один дурак может одурачить своей бесчеловечной глупостью массу людей порядочных.

Великорус — историк от природы: он лучше понимает свое прошедшее, чем будущее; он не всегда догадается, что нужно предусмотреть, но всегда поймет, что он не до-

гадался. Он умнее, когда обсуждает, что сделал, чем когда соображает, что нужно сделать. В нем больше оглядки, чем предусмотрительности, больше смирения, чем нахальства.

Мама, рождая меня, положила мне в сердце такой громадный кусок любви, который мне не иссосать, сколько бы я ни лакомился.

У него была та веселая грусть, которая бывает только у людей, любящих лицевую сторону жизни, но заглянувших на нее и с изнанки.

От И. И. И.* пахнет скукой и цитатой. Эстетичный недоросль.

Джутовый мешок.

Толстой и Соловьев стали философами только потому, что один начал размышлять, когда перестал что-либо по-

* *Иванов и И. И. И.*— вероятно, Иван Иванович Иванов, историк.

нимать, а другой начал понимать, когда перестал размышлять.

Что такое счастье? Это возможность напрячь свой ум и сердце до последней степени, когда они готовы разорваться.

Эти дамы и девицы годятся только в самки и совершенно негодны как женщины.

Городской водопровод — кто кого проведет?

Разница между Толстым и Мопассаном: второй потерял ум, не подозревая его в себе; первый вечно искал своего ума и не мог найти его.

Русские романисты занимались анатомией сердца.

На женщин надо смотреть их глазами, принимать за то, чем сами себя они считают, но поступать с ними по степени их соответствия своему о себе мнению. Женщина, колеблющаяся между долгом и чувством,— надо осудить ее за нарушение долга и уважить ее чувство. Она сама себя накажет за первое, другие должны ее наградить

за второе. Не только догадлив, но и откровенен. «Что же делать?» — «Что велит сердце и позволяет совесть».— «А если второе отменяет волю первого, что тогда?» — «Тогда распустить несогласное министерство и составить новый кабинет».— «Из кого?» — «Из инстинкта, минутного самозабвения и вечного раскаяния. Монарху лучше кабинет — interim, чем одиночество».— «Я одна возьму грех на себя».— «Физически невозможно и юридически несправедливо, потому что не можете сделать его без меня: я необходимый пайщик в барышах и ответственный плательщик в обязательствах».

Роз., Ю. Н. и т. п. убаюкивают себя своими же собственными сказками.

Самое благовоспитанное сердце — которое воспитано печалью.

Он проникал в те странные, сырые глубины жизни, заглянуть в которые — высшее торжество человеческого прозрения, но из которых нельзя выйти здоровым.

Европа цивилизованная доцивилизовалась до четверенек, и ей остается взорвать самое себя ею же изобретен-

ным динамитом, венцом научного знания, если ее вторично не спасет от безбожной мефистофелевщины верующая ирония — разбойничий крест с распятой на нем вечной истиной и любовью.

—

Разница между историками и юристами только в точках зрения: историки видят причины, не замечая следствия; юристы замечают только следствия, не видя причин.

—

Страшно за этого писателя: в нем гениальность борется на два фронта — с сумасшествием и глупостью.

—

Вся молодежь хочет жениться и выходить замуж, у всех встосковалась шея по веревке.

—

Он весь пропах вонью своего неассенизированного сердца.

—

Жалкое общество широких аппетитов, преждевременных геморроев, самоуверенных бездарностей, больных

жен, неудавшихся карьер, обманутых надежд, потерянных голов и без толку израсходованных совестей.

—

Игровые бумаги — игровые профессора.

—

На удивительно радостном нравственном основании он ухитрился построить крайне печальное миросозерцание (византийская икона на золоте).

—

Под сильными страстями часто скрывается только слабая воля.

—

Гигиена учит, как быть цепной собакой собственного здоровья.

—

Эти люди сами под себя ходят.

—

Их аукционная совесть знает таксы, не правила.

—

Тактика благоразумной жены: всю жизнь мучить, терзать мужа, пачкать и пакостить ему, а овдовев, кудахтать о несравненных и небывалых качествах его ума и сердца,

считать оставшиеся после него деньги и лить романтические слезы над его могилой, с умилением и благодарностью вспоминать день и час его кончины.

Любительские спектакли тем отличаются от настоящих профессиональных, что в последних актеры представляют живые лица, не будучи ими, и в первых живые лица представляют актеров, тоже не будучи ими.

Античный политеизм — религия чувственности без любви; христианство — религия любви без чувственности; безбожие — религия без того и другого.

Писатель — не сочинитель: первый пишет, чтобы изложить свои мысли; второй сочиняет мысли, чтобы что-нибудь написать.

Каждое его печатное слово — частица расплавленного его мозга. Потому оно жгло умы слушателей.

Говоря публично, не обращайтесь ни к слуху, ни к уму слушателей, а говорите так, чтобы они, слушая Вас, не слышали Ваших слов, а видели Ваш предмет и чувствовали Ваш момент; воображение и сердце слушателей без Вас и лучше Вас сладят с их умом.

Часто бранят сочинение писателя только потому, что сами не умеют написать так.

Наше общежитие — игра в кошку-мышку.

Он преподает не науку, а свои собственные мысли, т. е. свои научные недоразумения.

Холопство перед своим собственным величием, притом совершенно призрачным, болезненным продуктом своего же воспаленного воображения.

Раздушенный кавалер православия об руку с Гретхен, пишущей сантиментальные передовые о самодержавии и народности.

От их постно-масленого благочестия пахнет нигилистическим керосином. Они пока очень стоят за православный катехизис, который только что начали учить и

уже дочитывают *веру*, мечтают о надежде и перестанут верить в Бога прежде, чем доберутся до любви.

—

Ссыльнокаторжная беллетристика, зачатая Достоевским и вынашиваемая Короленком.

—

Глупость — это их недостаток, развившийся от излишества.

—

Народы, воспитанные на религиозных обрядах, наиболее дают театральных талантов — евреи.

—

У них нет никаких доблестей — ни умственных, ни нравственных, но много житейских, скорее гостиных удобств, и в этом отношении они похожи на свою мебель, купленную по случаю, но мягкую. То, на чем они сидят, не лучше того, что на этом сидит, а то, чем они мыслят, не лучше того, чем они сидят на этом (на своей мебели).

—

Театр более всего полезен для молодежи: житейские пассажи, наиболее для нее соблазнительные и гибельные,

здесь являются пошлыми и надоедают ей прежде, чем она их испытает.

—

Христианство — религия любви; здесь сказано все — и сущность и история.

—

Глупые люди любят самые умные игры.

—

Мужчина только тогда может любить женщину, когда она из самки пересоздается в любимую женщину. В его глазах светится не столько ума, сколько сумасшествия.

—

Рассказ Ч-на*, как его диссертация, как антицентрализационная, не была пропущена в Москве Орнатским и Баршевым, но принята в Петербурге Никитенком. Исторические явления надо не только изобразить, но и оценить. Россия — огромное дерево, растущее по своей вну-

* *Ч-н.*— вероятно, имеется в виду Н. Д. Чечулин и его работа, защищенная им в качестве магистерской диссертации, «Города Московского государства в XVI веке» (1889). В связи с выдвижением этой работы на Уваровскую премию Ключевским в 1892 г. был написан «Отзыв об исследовании Н. Д. Чечулина "Города Московского государства в XV в."» (*Ключевский В. О.* Сочинения: В 8 т. Т. 8. М., 1959. С. 184—222).

тренней силе независимо от внешних содействий и облепленное козявками.

Надобно упорно всматриваться в ... жизни, чтобы заставить жизнь раскрыть свои карты.

Вот Филипп Филиппыч Вигель.
То особая статья:
По-немецки он Schweinigel,
А по-русски он свинья*.

К-ши** — богаделенная семья. Старик — вечный стипендиат своих друзей. За него вклады для издания «Русского вестника». К. и Л.*** возвратили деньги, но вытолк-

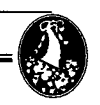
* *«Вот Филипп Филиппыч Вигель...»* — эпиграмма С. А. Соболевского. Известен другой вариант той же эпиграммы:

Ах, Филипп Филиппыч Вигель,
Как жалка судьба твоя!
По-немецки ты Швейнигель,
А по-русски ты свинья.

Эпиграммы С. А. Соболевского изданы В. В. Каллашем (М., 1913).

** *К-ши.*— Вероятно, речь идет о семье Корш.

*** *К. и Л.* — очевидно, имеются в виду М. К. Катков и П. М. Леонтьев

нули стипендиата. Павлова начинял ориентализмом тот же К-ш. 8 ноября 1892.

Как Ундина, она задушила его той самой душой, которую от него же получила.

Наблюдая жизнь людей, думаю, что за того, кого любят, вовсе не страшно умереть.

Пролог XX века — пороховой завод. Эпилог — барак Красного Креста.

Люди, отсидевшие себе задницу, часто принимают возбуждение отсиженной слепой кишки за талант.

Добрые только потому, что нет сил или охоты быть злыми, т. е. делать зло.

Их спокойствие и философское самообладание есть не что иное, как окаменевшее и заделавшееся в монумен-

тальные рамки самообожание. Пахнет не только изо рта, но и из сердца.

—

Юридическая нравственность — долг, обязательная повинность, а не потребность нравственного чувства.

—

Не наступайте на их разгоряченное парное величие, не марайте ног.

—

Женятся на надеждах, выходят за обещания, плоды — обманы и слезы, если не измены.

—

Непогрешимость пищеварения.

—

Из 100 остроумных 1 умный.

—

Холера больше предупредила смертей, чем причинила их.

—

От многих народов и сословий веет могилой и архивом.

Правительство ли тянет общество или общество толкает вперед правительство? Слабость и сила государства.

Талант духа — талант золота или, точнее, процентных бумаг.

Он сам себя поставил в угол, отступив к печке, и принялся любоваться этим своим прекрасным двойником. Очень обыкновенная психическая галлюцинация.

Не то чудотворный, не то просто артезианский колодец дамских и генеральских слез.

М.— самая красивая карикатура, мною виденная. Он глуп оттого, что так красив, и не был бы так красив, если бы был менее глуп.

Они эксплуатировали все свои права и атрофировали все свои обязанности.

Мания порядка.

Собаки перестают лаять, когда видят человека, плачущего над могилой. Но И. И. не собака и, увидав К. над могилой Л., начал лаять пуще прежнего.

Блестящее перо и светлая мысль — не одно и то же.

Он слишком умен, чтобы быть счастливым, и слишком несчастлив, чтобы быть злым.

Они открыли ему его самого.

Они и свои головы поутру отыскивают только с помощью прислуги вместе с панталонами.

...Великодушное безрассудство.

В людях встревоженных рождается вера в необычайное, подобно болотным огонькам; когда все гибнет, держатся за надежду в чудо, как за соломинку.

Лица вместо принципов.

Два рода неудобных людей: 1) в чужих словах читают свои мысли, 2) в своих словах повторяют чужие мысли.

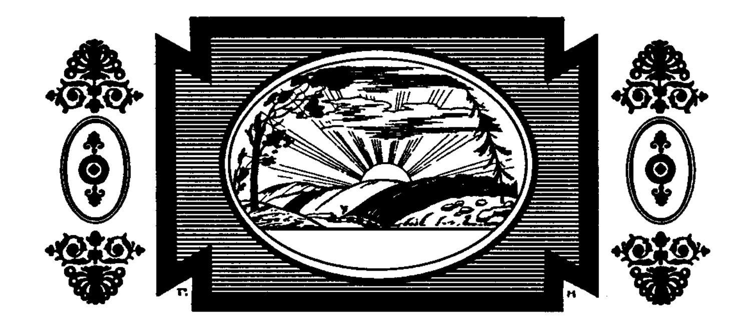
Не всякий, кто смеется, весел.

Доверие народа к своим вождям есть признак его веры в себя, в свои нравственные силы.

Жизнь учит лишь тех, кто ее изучает. [...]

РАЗМЫШЛЕНИЯ И АФОРИЗМЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И АФОРИЗМЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

1861—1866 гг.

знаю два состояния, когда человек с радостью или, если уж это слишком, бестрепетно и без сожаленья готов обратиться бы спиной к жизни со всеми ее прелестями и охотно принять пулю в лоб от услужливой руки и что-нибудь в этом роде. Разумеется, я имею здесь в виду только себя и не могу рассчитывать на других. Первое, когда он в лирическом припадке слушает музыку, будь то хоть неловкое визжание скрипки в руках недоучившегося артиста; когда звуки в нем самом будят все живые струны и заставляют его забыть все, кроме настоящей минуты. Тут он готов хоть

сейчас пожать на прощанье руку и другам, и недругам и весело, без оглядки на прошлое и без пытливого исследования касательно той жизни, куда он сейчас хочет шагнуть, готов, очертя голову, броситься в эту жизнь или, лучше, не жизнь, потому что здесь он даже и не предполагает в будущем жизни и даже вовсе ничего не предполагает, не имея даже времени и охоты спросить себя о том, что там будет, жизнь или ничтожество, или что еще хуже. Ему все равно, что бы ни было. Это состояние редкое, полупьяное, самое веселое, потому что чуждо всякого анализа, всякой мысли и потому бессмысленно. Но другое состояние не так упоительно, хотя после делается не менее поэтичным. Это мое теперешнее состояние, когда на сердце что-то беспощадно скребет и рвет, когда все святое и все носящее признак так называемого счастья жизни делается чем-то в высшей степени возмутительным, когда кощунство — самая умеренная мысль в голове. Какая злобная насмешка, какой задирающий сарказм слышится во всей жизни. Это печоринское состояние. Здесь один шаг до полнейшего, чудовищного отрицания всего на свете.

...Какое-то беспокойное, будто тоскливое чувство овладевает душой, когда представишь себе эти неоглядные, безбрежные пустыни Сирии, Вавилонии и пр., на которых давно уже замолк всякий шум, остановилось всякое

живое движение живой исторической жизни. А было время, когда и на этих пустынях раздавался этот исторический шум, горела эта живая историческая жизнь; когда необъятные города, полные народа, жили живыми интересами, многолюдные караваны шли с товарами издалека — из Финикии, Индии, Аравии, Египта, двигались бесчисленные нестройные массы войск во главе с каким-нибудь Небукаднцаром и Рамзесом, часто одним разрушительным набегом стиравшие с лица земли многолюдные города. Было время, когда и над этими пустынями носился оживляющий дух человечества. Но несколько губительных нашествий диких орд да тихое, незаметное действие исторической проходимости заглушили прежний живой шум, остановили прежнее живое движение; всемирно-историческая драма этих пустынь кончилась, и они теперь молчат, будто отдыхают от прежних волнений. А между тем историческая возня и движение перешли на другую почву, еще не истощенную жизнью, в другие страны, которые прежде, в пору разгара жизни этих пустынь, были так же безмолвны и не тронуты хлопотливой рукой человека, как теперь эти пустыни.

Народ безумствует пред великими фигурами Минина и Пожарского, не понимая их смысла и значения, жаждет молебнов с вином, попирает и религию и историю — все свое нравственное и умственное достояние. А интеллиген-

ции грезятся призраки, или сама она становится безобразным призраком, в действительность которого не хотелось бы верить. <...> Мыслящие люди <...> толкуют о черни, смешивая ее с народом и сравнивая с парижским пролетариатом, глумятся над ее безобразиями и боятся ее дикой силы, кружатся в болоте собственных недодуманных, нервических соображений,— и, не зная выхода, не видя ничего ни впереди, ни за собой, вызывают великие тени Петра и Екатерины, винят их в собственных гадостях, не желая подумать, что в их собственные головы не влезет и миллионной доли того, что продумали и выносили в душе поругаемые великие наши деятели. Предания, будущее и прошедшее,— все нипочем!.. Мне жаль тебя, русская мысль, и тебя, русский народ! Ты являешься каким-то голым существом после тысячелетней жизни, жизни, без имени, без наследия, без будущности без опыта. Ты, как бесприданная фривольная невеста, осужден на позорную участь сидеть у моря и ждать благодетельного жениха, который бы взял тебя в свои руки,— а не то ты принуждена будешь отдаться первому покупщику, который, разрядив и оборвав тебя со всех сторон, бросит тебя потом, как ненужную, истасканную тряпку. И теперь, когда везде, во всякой церкви и во всяком кабаке орут во весь голос «Боже, царя храни!», мне хочется с горькими сдавленными слезами пропеть про себя «Боже, храни бедный народ, бедную Россию!»

1867—1877 гг.

Три жизненные дороги, к которым подъезжали сказочные богатыри, мелькают и предо мной,— и ни одна из них мне не нравится. Пока я не подошел к ним, я призываю к себе спокойствие безучастного наблюдателя, пока рассеется мрак, покрывающий наше гадкое время. Тогда мне будет все равно, по какой ни идти дороге. Одного бы еще попросил я у Бога — сохранения хоть капли веры в людей, следовательно, и в себя...

Мы не привыкли обращать должного внимания на многие явления, из которых слагается внутренняя история человека,— и именно на те явления, которые, возникая из обыкновенных, самых простых причин, производят в нас незаметную, неосязаемую работу и уж только результат дают нашему сознанию. Удивительно ли, что в нас иногда обнаруживается так много непонятного для нас самих, неожиданного, чудесного. Каждая дума, ощущение, каждая сцена, пронесшаяся пред глазами, оставляет след в душе, не всегда сознаваемый; а из суммы таких следов слагается известное настроение, даже взгляд. Если для образования известного характера необходим выбор подходящих к нему впечатлений, то этот выбор невозможен без предва-

рительного изучения свойств и причин впечатлений, наиболее обыкновенных и часто возникающих, а также и условий, при которых они действуют на человека известным образом.

— —

Нет, не варятся во мне впечатления, оставляемые несущейся вокруг меня жизнию. Чем более вживаешься в нее, тем сильнее растет во мне отвращение к ней. Она словно вино для меня: чем больше пьешь его, тем противнее оно становится. И как только на минуту почувствуешь отлив этого житейского потока, как только мысль освободится от его давления, странная фантазия шевелится в голове: хотелось бы, закрыв глаза, уйти куда-нибудь далеко от живущего, в темный первобытный лес, на берега пустынной речки и с суеверной доверчивостью язычника в грустной, грустной песне поведать свои свинцовые думы и неподвижному вековому дереву, и вечно болтливой, вечно движущейся речке...

— —

Наше поколение дряхлеет в мечтаниях и самообольщениях. Оно точно молодое дерево, застигнутое холодом во время весны: летнее солнце только сушит его тощие, худосочные листья. Известные учения, всем надоевшие *измы* выдохлись и брошены; высокообразованные и гуманно развитые люди, впрочем, сохранили немногие капли этих духов в виде благородных, гуманных убеждений и идей; но жизнь безжалостно докалывает эти пузырьки, сберегаемые для освежения и подкрепления слабых голов.

— —

Есть своеобразная поэзия в раздумье человека о будущей судьбе своей, когда он подходит к рубежу действительной, настоящей жизни хоть с каплей прежнего юношеского одушевления. Пробравшись извилистыми тропами юности и так называемого воспитания, с сомнением и надеждой останавливается он пред камнем, откуда начинается расход великих житейских дорог, читает вещие надписи, гласящие о выборе той или другой, и с тревожной думой смотрит в туманную даль. Все есть в этой думе, и трудно сказать, чего больше — мысли, сердца, фантазии и старания обмануть себя или чего другого; образы прошедшего, призраки и чаяния будущего сталкиваются в голове и набрасывают на все ее образы, создаваемые ею вместо мыслей, тот же туманный покров, какой лежит на простирающейся пред глазами дали. Тут все мыслит в человеке с ног до головы и, разумеется, мыслит неясно, безотчетно, детски, как умеет мыслить только юность, незнакомая с разделениями и определениями.

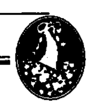
— —

Не так еще давно из разных лагерей неслись дикие крики, призывавшие к благоговению пред народом, пред

черной народной массой. На колено пред народом! Учитесь у народа уму-разуму! Черпайте из его священной сокровищницы великие уроки истины и правды! Скиньте свои паскудные сертучишки и облекитесь в эти святые зипуны! Последний призыв нашел многих последователей. Но между тем как раздавались эти вопли о поклонении пред мужиком, мужик не слушал, да и не слышал их; между тем как увивались около него и лизали его грязный зипун, он,— сказать к чести его,— смеялся над этим холопским занятием. Эти вопли и безобразия, кажется, проходят, разумеется, без результатов и уроков, как все проходит на Руси.

——

Благоговение пред народом, массой, пред черноземной нашей почвой, пред ее глубокой и широкой нетронутой натурой! Но ведь благоговение возможно только пред сознательной, духовной силой. Имеет ли смысл преклонение пред громадой Монблана? Наш народ совершил много великого, еще не сознанного, не оцененного ни им самим, ни благоговеющими пред ним народопоклонниками. Но в создании этого великого действовали силы, подобные тем могучим и слепым силам, которые подняли громадные горы. Им можно изумляться, их можно страшиться; всего лучше спокойно изучать их действие и создания; но поклоняться им есть детская нелепость; подозревать в них таинственный глубокий разум есть самообольщение; это значит прилагать к ним, как к стене горох, свои собственные идеи или измышления, рядить их в свои наряды, как дети рядят куклы, и потом вести с ними умные беседы, слышанные от папеньки и маменьки.

——

Что материальнее, бессознательнее чувства самосохранения? А ведь только эта одна могучая сила двигала нашим народом в его великих, гигантских деяниях. Все его малозамечаемые пока историей создания запечатлены резкой печатью борьбы за жизнь. Слава народу, который выдержал эту борьбу; поучительна история этой борьбы для будущих веков; но этим еще не завершается его призвание; надо еще подождать, пока он оправдает свое право на жизнь, столь мужественно завоеванное...

——

Самая строгая наука не обязывает быть равнодушным к интересам настоящего. Если история способна научить чему-нибудь, то прежде всего сознанию себя самих, ясному взгляду на настоящее. В этом отношении интересы текущей жизни, уроки ее, могут служить надежной руководящей нитью, готовым указанием на то, что наиболее тре-

бует разъяснения в своих началах и развитии, а равно и готовой поверкой этого развития.

Если наши опыты, уроки переживаемой нами действительности имеют какую-нибудь цену, то лишь потому, что они настойчиво укореняли в нас сознание необходимости в народной жизни некоторых начал, некоторых основных условий развития и научали нас ценить их как лучшие человеческие блага. Эти начала привыкли сводить к двум главным: чувству законности, права в мире внешних отношений и к деятельной мысли в индивидуальной сфере. В развитии и упрочении этих благ все наше будущее, все наше право на существование. Никто не может сказать, что из нас выйдет в далеком более или менее будущем. Но мы знаем, что из нас ничего не выйдет, если мы не усвоим себе этих элементарных оснований всякой истинно человеческой жизни. Вот наша руководящая нить, маяк, который мы не можем выпустить из виду при изысканиях в сумраке минувшего.

Как среди непрерывных изысканных пиров люди, к ним не привыкшие, ощущают иногда неодолимый позыв к куску черного хлеба, так и мы среди легкой роскоши изысканных теорий не раз с тоской и жаждой вспоминали

о самых простых, самых первоначальных основах общественного развития — о бодрости мысли и чувстве законности. Среди наших умственных и общественных оргий эти два питательных элемента находили себе всего меньше места; но чем больше неперевариМые изобретения надорванного духа притупляли наш умственный и нравственный вкус, тем сильнее чувствовали мы питательность этих забытых иль отверженных элементов, тем яснее сознавали их необходимость для общественного организма и привыкли ценить их, как лучшие блага, лучшие опоры человеческого общества...

Нельзя мыслить без предположений и гаданий. Мысль невольно забегает вперед факта и в области будущего старается положить свои последние результаты.

История слагается из двух великих параллельных движений — из определения отношений между людьми и развития власти мысли над внешним фактом, т. е. над природой.

В душе человеческой есть дивное спасительное свойство реакционной экспансивности. Достигнув высшей степени напряжения, сузившись до крайности и здесь на-

толкнувшись на препятствие, не пускающее дальше, душа необъятно расширяется в прошедшее. Житейский толчок способен был бы привести в отчаяние, если бы эта расширяемость в прошедшее не являлась на помощь. Чем уже и тернистее становится путь человека, чем безнадежнее уходит он в себя, тем шире и глаже развертывается в его воображении пройденная дорога. С прелестью теплого, насиженного гнезда восстает пред ним минувшее, восстает не в реальной смуте и холоде, а в той волшебной переделке, какую способно производить с прошедшим только пережившее его сердце. Опять поднимаются песни, когда-то звучавшие, оживают биения, когда-то бившие в сердце. Так всякий раз, когда останавливается движение жизни в будущее, является возможность вновь пережить прожитое, но пережить в другой, идеальной редакции, ибо здесь хозяйничает уже творческий дух, а не внешние силы. Вот где смысл тех камней, которыми и усеян путь человека и о которые он так часто спотыкается в своем вечном суетливом стремлении вперед.

——

Появление государства вовсе не было прогрессом ни в общественном, ни в нравственном смысле. Я не понимаю, почему лицо, отказавшееся от самостоятельности, выше того, которое продолжает ею пользоваться,— почему первое совершеннее, развитее второго в общественном

отношении. Говорят, прогресс в том, что приняты меры против злоупотребления личной свободой и эти меры основаны на идее общего блага, идее, лежавшей в основе государства и неведомой в прежней личной отдельности людей. Но опять непонятно, почему солдат, не умеющий пользоваться оружием и бросивший его, стал от того более вооруженный. Притом теперь можно довольно самоуверенно утверждать, что государство вовсе не было выходом из состояния войны всех против всех. И до государства существовали общественные союзы, кровные, религиозные, которые ограничивали личную свободу во имя лучших побуждений, чем государство. Последнее заменило добровольное и естественное подчинение первых условным и принудительным. В смысле нравственном появление государства было полным падением.

——

Существование государства возможно только при известных нравственных понятиях и обязанностях, признаваемых его членами. Эти обязанности и понятия очень резко отличаются от правил обыкновенной людской нравственности. Ничего не стоит заметить, что эта последняя гораздо нравственнее политической морали. Уже то, что политическая нравственность бесконечно разнообразится по времени и месту, ставит ее ниже частной, которая устояла почти в одинаковом виде от первого грешника до последнего, от Адама до Наполе-

она III или Бисмарка. Между тем несомненно, что государство являлось плодом очень насущных потребностей общества. Остается точнее обобщить характер и происхождение этих потребностей. Вывод, впрочем, ясен сам по себе: потребности эти создавались различными неправильностями и затруднениями, развивавшимися между людьми. Но едва ли здесь можно усмотреть какой-нибудь прогресс. Если человек сломает себе ногу, едва ли костыль его воротит ему прежнюю быстроту движения; если же этот костыль ослабит деятельность и здоровой ноги, то здесь едва ли что можно видеть, кроме печального падения. Известно, что безнравственная политическая мораль иногда искажала понятия естественной человеческой нравственности. Все можно и должно объяснять; но оправдывать и считать прогрессом — едва ли...

Философы-наблюдатели и философы-историки очень часто подражают тому простодушному сыну, которого мать учила говорить при встрече с покойником «царство ему небесное» и который практиковал эту инструкцию при первой же встрече с свадебным поездом.

Стала чуть не общим местом фраза, что с каждым поколением падает нравственность. Особенно любят повторять это люди, которым перевалило за 40. Между тем можно

надеяться, что народившиеся и имеющие народиться поколения будут нравственнее нас. Что такое наша нравственность, наше нравственное чувство? Это нечто очень произвольное, индивидуальное и неясное; все, что в нем ясно, то отрицательного свойства. Мы твердо знаем такие требования морали: не воруй, не утирай носа пальцами, не прелюбодействуй, не ковыряй в носу при людях, не убий и т. п. Оказывается, что наш нравственный кодекс немного ушел от заповедей Моисея, а в некоторых пунктах отстал от него; так мы знаем, что не следует желать жены приятеля, но если со стороны вожделяемой доказана любовь к вожделевшему, то даже окружной суд, т. е. присяжные, принимают это за смягчающее вину обстоятельство, если из такой аберрации сердца выйдет какое-нибудь уголовное дело.

Христианство пыталось противопоставить отрицательным заповедям Моисея свои положительные заповеди блаженства, но это чисто пассивные добродетели кротости, чистоты сердца, нищенства духовного, милосердия; в них много могильного романтизма, но нет живой деятельности. Их смысл также отрицательный, отличающийся от моисеевского десятословия только грамматической формой: «умри для жизни и всех страстей ее». Деятельной положительной морали мы не создали, потому что мало размышляли.

1889—1899 гг.

Прежде дорожили лицом и скрывали тело, ныне ценят тело и равнодушны к лицу. Рисовали головки без корпуса вопреки природе, рисуют корпус с головкой, и то лишь из вежливости к природе. Любили хорошее тело своей Оли, потому что оно Олино, ныне любят Олю, потому что у ней хорошее тело. Прежде инстинкт, как холоп, грубил и бунтовал, но и подвергался бичу, ныне он эмансипировался и пользуется уважением, как природный государь жизни. Чувство идет в ногу с общественным порядком: натурализм в искусстве, сенсуализм в морали соответствует демократии как прежний идеализм.

——

Не ученый русский лингвист, а международный лингвистический аппарат.

——

Прежде в женщине видели живой источник счастья, для которого забывали физическое наслаждение, ныне видят в ней физиологический прибор для физического наслаждения, ради которого пренебрегают счастьем.

——

Они знают, может быть, больше, но понимают, несомненно, меньше. Они приходят к нам с умами возбужденными, но совершенно пассивными: умеют усвоять, впитывать в себя, но не умеют перерабатывать, переваривать. Они прочтут и изложат, что и сколько угодно; но задайте им вопрос, ответ на который они должны найти в том же, что они прочитали и изложили,— они не ответят ничего или ответят не на вопрос. Отсюда происходит одна печальная странность. Они довольно хорошо усвояют наши исторические курсы. Припоминая, чему их учил гимназический учитель истории, они видят, что в курсах нечто другое,— профессор говорит им не то, что говорил учитель; не противоположное, но и не похожее, а что-то совсем не то. Первый начал не то, что продолжил второй. Отсюда прежде всего мысль, что все, чему их учили в гимназии, лишнее, потом другая мысль, что все, чему их учили в университете, следует преподавать и в гимназии. Они, очевидно, не умеют связать университетского курса лекций с гимназическим уроком и делают двойную ошибку: неправильно ценят, чему их учили в гимназии, и неправильно сами учат в гимназии. Устранить эти ошибки и есть задача исторического семинария. Задача эта состоит в соглашении университетского преподавания истории с гимназическим, а соглашение это должно быть достигнуто таким путем: нужно точно указать, что гимназическое преподавание должно подготовлять для университетского и что университетское может сделать для гимназического.

——

Что дает гимназическое преподавание для университетского? Говорят, кадры исторического знания: перечень

царствований, войн, имен, дат. Гимназист переходит в университет с сердечным отвращением и презрением ко всему этому. Что делает университетское преподавание для гимназического? Говорят, смысл исторического знания: кандидат университета является учителем в гимназию с фразеологией идей, отношений, интересов, фактов, явлений, законов. Выходя из гимназии в университет, он не знает, зачем ему то, чему он учился в гимназии; возвращаясь из университета в гимназию, он не знает, что ему делать с тем, что он узнал в университете. На педагогическом жаргоне это отношение обоих учебных заведений выражается проще: гимназия-де дает факты, университет — идеи.

——

В чем же теперь задача семинария? В том, чтобы показать, что ни то, ни другое неверно, что и гимназия и университет должны давать и факты и идеи, только первая должна давать свои факты и идеи, а университет свои. Что бы сказал профессор-естествовед, если бы ему предложили в гимназии преподавать только опыты и наблюдения без законов, явления физические, а в университете только законы без опытов и наблюдений? Произвести такой разрыв для разграничения программы, очевидно, невозможно, потому что он сделал бы гимназическое преподавание бессмысленной работой памяти, а университетское — безосновательной работой ума. Каждое реальное знание состоит из наблюдения и обобщения; только в физическом знании наблюдения делаются непосредственно, а в историческом иначе. Где же граница обеих программ? Она должна быть проведена не по составным элементам всякого исторического знания, а по свойству разных знаний. В истории, как и физике, есть факты и идеи и легкие и трудные. Из первых должен составиться элементарный курс истории, из вторых — высший; в первый войдут факты и идеи одного простейшего порядка, во второй — труднейшего. Таким образом, университетский курс будет не повторением и не пополнением гимназического новыми фактами и идеями того же порядка, а дальнейшей ступенью познания. Дело только в том, какие факты и идеи отнести к первому порядку и какие ко второму.

——

Известия в исторических учебниках, что газетные сообщения. Это курьезы, болезненные судороги или пьяные гримасы исторической жизни. [...]

——

Логика в истории, что математика в естествоведении. Формулы той и другой принудительны: отсюда необходимы законы; где нет принудительных формул, там не мо-

жет быть законов. Психология — только в происшествиях, не в фактах бытовых.

[...] Прошедшего нет, но нельзя сказать, что его не было, иначе оно не было бы прошедшим.

Он принес на профессорскую кафедру много мельничной пыли*: сын мельника мелет и на кафедре.

Студенческое бумажное жвачество (пережевывание бесконечное литографированной бумаги) — единственный метод изучения.

Мысль бывает светла только, когда озаряется изнутри добрым чувством. Мысль — фонарное стекло, чувство —

* *«Он принес на профессорскую кафедру много мельничной пыли»* — возможно, относится к М. С. Корелину, так как в статье Ключевского о Корелине есть фраза, что последний прошел твердым шагом «очень плохо выровненный путь от сельской мельницы на реке Рузе до кафедры в Московском университете» (*Ключевский В. О.* М. С. Корелин // *Корелин М. С.* Очерки из истории философской мысли в эпоху Возрождения. Миросозерцание Франческо Петрарки. М., 1899. С. VI).

лампа, сквозь него светящаяся и освещающая людям дорогу их.

История — зеркало — неосторожность.

Не православные богословы, а свечегасы православия. Питаясь православием, они съели его и сходили на его опустелое место.

Научные калеки, ковыляющие на костылях науки.

Вид перерождения — отец любил деньги (хищный плут); сын любит монеты (нумизмат).

Археолог — ученый, закапывающий в могилы деньги, чтобы откопать после.

Крупные писатели — фонари, которые в мирное время освещают путь толковым прохожим, которые разбивают негодяи и на которых в революции вешают бестолко-

вых, на Вольтере и Руссо перевешали французских аристократов.

Он так щедро наделяет других глупостью, потому что не знает, куда девать ее.

Он сорит умом в надежде, что другие подберут его сор.

Признак русской культурности: в интеллигенции — быть приверженцем Англии, Франции и т. д., в купечестве — содержать англичанку, француженку и т. д.

Уменье открыть рот, но не закрыть его.

Николай требовал добродетельных знаков, не зная, как добиться самих добродетелей.

Майков больше, чем тучный академик, не конкретность, а принцип — академическая тучность.

Пыпин — дворник либералов — подметает, что они насорят и напакостят в печати.

Человеку легче добраться мыслью до отдаленнейшего созвездия, чем до самого себя, и можно опасаться, что он доберется до себя, когда уже не останется ни одного созвездия.

Древнерусское миросозерцание: не трогай существующего порядка, ни физического, ни политического, не изучай его, а поучайся им как делом Божиим.

Знание в чистом виде пугало, как вид анатомированного трупа: человек простой в ужасе, когда ему покажут его самого без покрытий.

Как приручалась русская мысль к знанию научному, добиралась до него какими шагами:

1. Первое внимание возбуждалось житейскими плодами знания: технические удобства, ремесла, мастерства. Утилитарность, понимание пользы знания — первый шаг.

Взгляд деловых людей XVII в. Как прежде ведущие писание — советники государя, так при Петре поработавшие мастера — министры — Головин, Меншиков.

2. Изумление пред размерами, количествами цивилизации. Первые путешественники; их сходство с паломниками. *Патология*.

3. Гастрономия цивилизации, вкус личного комфорта. Ученики, посланные за границу отведать культуры.

4. Знание как средство гражданского воспитания для служения государству и обществу.

— —

Грубость стародумовского общества измеряется необходимостью доказывать материальную пользу добродетели.

— —

Татищев. Подкладка: государственная повинность — в гражданский долг. Сам Петр сюда же.

— —

Параллель усвоения восточного и западного влияний.

— —

Затруднение для русского историка: только детство народа ему доступно, тогда как империя, созданная этим

народом, такова, что римская orbis terrarum* лишь Новороссийская губерния.

—

Каждое из этих отношений не ставило новых интересов подле старых, а заменяло старые новыми, не расширяло, а перестраивало миросозерцание; взгляд не становился многостороннее, а только повертывался в другую сторону. Но на новые предметы человек смотрел прежними глазами, на новые задачи, мысли и чувства переносились прежние приемы мышления и чувствования. Вступив в новый мир, он так же не изучал его строения и склада, принимал его за свой готовый исконный и вечный образец; только набожное благоговение перед старым заменялось неврастеническим изумлением, и, как прежде, попав в Иерусалим или на Афон, среди святынь и образцов подвижничества он воскликнул: «Вот все, что нужно человеку для спасения», так и теперь, окруженный дивами амстердамской кунсткамеры или соблазнами парижского ресторана, он готов был воскликнуть: «Вот все, что нужно человеку (для счастья)».

—

Точно у них только отцы и нет матерей, которые дают чувство деликатности, гуманности, хотя они не спускают

* Подвластные Риму области (*лат.*).

с языка это слово, понимая его, как попугай свои слова: попка — дурак. Они гнушаются родины, давшей им последние гроши, здоровье и здравый смысл, как гнушается выскочка своей серой матери, оставшейся в деревне со своими морщинами и со своей материнской беззаветной любовью. Они потеряли смысл собственного существования и ищут его среди чужих людей, служа для них предметом смеха или благотворительного сострадания (своим черствым хлебом она воспитала в сыне здравый рассудок, который он растратил на бисквиты европейской мысли).

—

Обряды — ячейки сота, которые каждый облеплял своими чувствами.

—

Нравственно-религиозное чувство всегда конкретно, оседло — любит место, лицо, известный момент, обстановку. Но оно не умеет быть одиноким, любит общение. Как пчела, каплю меда, собранную кой-где, несет в свою ячейку. Опираясь на всех, на церковь, каждый эгоистически вырабатывал себе личное спасение. Природа, как и политический порядок,— неподвижные декорации, предустановленные чуть не в первые дни творения. Здесь все таинственно, все чудо, недоступное святая святых промысла. Здесь грешат, каются, молятся и вспоминают великую ис-

торию воплощения. Там учатся, размышляют, сочиняют, и все ссылаются на великую историю мировой империи. Ум, витавший в библейской Палестине, попадал в среду людей, грезивших классическими Афинами и Римом.

——

Отношение наше к знанию научному, к задачам образования — существенный элемент в составе вопроса о том, как обособленная русская жизнь вливалась в общее русло общечеловеческой культуры. Это важный вопрос истории европейской цивилизации, как и русской народной психологии. Теперь дело рассматриваем лишь с последней точки зрения. Болтин.

——

В чем сущность темы? Дело сложно: не дикарь обратился к европейской цивилизации с XVII в., а ум, уже прошедший школу (византийскую, точнее восточнохристианскую). Какие особенности, навыки, приемы мышления принес он к новому делу? «Два культурные мира»; один — образец жизни и источник питания, арсенал оружия для борьбы с другим. Нравственно-религиозная задача образования — душевное спасение. Отсюда приемы мышления: 1) благоговение вместо изучения, идеализация восточнохристианского мира вместо исторического его изучения, 2) пассивное перенесение вместо самодеятельного и самобытного воспроизведения его начал (Новый Иерусалим), 3) паломничество (вера в спасительную чудодейственную силу молитвы на святом месте) вместо богопочтения духом и истиною («душа спасти» богатыря — остаток иудейского храма в Иерусалиме: внешние географические средства религиозного подъема духа). «Третий Рим» — пародия вместо новой песни.

——

Приемы мысли, выработанные на деле личного душевного спасения, при обращении к Западу перенесены на дело политического и гражданского благоустройства. Первое следствие этой неправильности — крушение исторически сложившегося нравственного порядка в отдельных умах.

——

В процессе нашего культурного сближения с Западной Европой надо различать два момента: 1) культура, почувствовавшая себя слабейшей, сближалась с другой, которую она признавала за сильнейшую; 2) при этом сближении мы из-под одного стороннего влияния переходили под другое.

——

Когда естествоведы, оторвавшись от микроскопа, начинают размышлять, мне понятно только то, что они

не понимают собственных слов, и я слышу крестные слова: «Отче, отпусти им».

Дарвинизм — принцип жизни — до ветру.

«Спелые колосья» графа Толстого*. Ну, наконец, покаялся и выдал сам себе аттестат зрелости,— стало быть, выучился проситься, а прежде под себя ходил.

Металл оттачивается оселками, а ум ослами.

Русский образованный человек не может быть неверующим в душе: Бог нужен ему дома, как городовой на улице, и он не может прожить без благодати Божией, как без царского жалования.

Соловьев и Толстой — два чудотворные философа: Соловьев философ потому, что умел научить философии

* «*"Спелые колосья" графа Толстого*» — имеется в виду сборник мыслей и афоризмов, собранных из писем Л. Н. Толстого и изданных с разрешения автора Д. Р. Кудрявцевым в Женеве (Вып. I—IV. 1894—1896).

даже Толстого, Толстой философ потому, что ухитрился научиться философии даже от Соловьева. Так совершилось двойное чудо: один, ничему не уча, стал учителем; другой, ничему не учась, стал ученым.

...Средство жизни смешано с ее целью.

Как ей не быть умной, возясь всю жизнь с такими дураками.

[...] Гармония (логика) противоречий (диссонансов) в Суворове. Впервые русский полководец — решитель судеб Европы, мировой делец.

Уже в 1799 г. русский взгляд на Европу как федерацию мира. [...]

Блестящий, но бесполезный свет заката.

Монархии старой Европы: короны без голов, правительства без министров, армии без полководцев; власть

без совета и меча, голый остов, точнее, призрак из исторической могилы.

Неожиданная и непонятная — видимо, дипломатическая компликация (5-я коалиция).

Цель беседы — вспомнить момент в истории Европы, напоминаемый этим именем.

Коалиции 1-я и 2-я: средства во фронте, на Рейне, а цель в тылу, на Висле,— навыворот обычному порядку.

Франция революционная: братство народов без участия монархов. Старая Европа: братство монархов без участия народов.

Люди, которые спотыкаются о собственную тень. [...]

Армию из машины, автоматически движущейся и стреляющей по мановению полководца, Суворов пре-

вратил в нравственную силу, органически и духовно сплоченную с своим вождем.

Администрация — грязная тряпка для затыкания дыр законодательства.

Часто смешивают умных людей, которые любят бывать глупыми, с глупыми людьми, которые стараются быть умными.

Вырождение: отец еще умел кой-что строить; сын способен только городить. [...]

Старость, что мундир,— обязывает к физиогномии и поступкам, приличным возрасту.

Ни консерваторов, ни либералов, а только реакционеры-монархисты, из которых реакционеры — те же анархисты, анархисты — те же реакционеры. Всякий порядочный администратор должен понять, что он имеет дело с непорядочным обществом и обязан охранять народное

благо именно тем усиленнее, чем бессмысленнее понимает его сам народ. С одной стороны, энтузиазм без дела, с другой — дельцы без энтузиазма.

* * *

Тайна искусства писать — уметь быть первым читателем своего сочинения.

* * *

Екатерина — только ей удалось на минуту сблизить власть с мыслью. После, как и прежде, эта встреча не удавалась или встречавшиеся не узнавали друг друга.

* * *

В нынешней школе учатся только для того, чтобы разучиться что-нибудь понимать.

* * *

Черви на народном теле: тело худеет — паразиты волнуются.

* * *

Он маленький человек, но большая свинья.

* * *

Борьба русского самодержавия с русской интеллигенцией — борьба блудливого старика со своими

выб..дками, который умел их народить, но не умел воспитать.

* * *

Естественно-либеральное расположение молодежи: дети любят начинать обычно со сладкого блюда.

* * *

Просветительная вша консерватизма и либерализма кишит на русском народе, пожирая его здравый рассудок.

* * *

Добродушное нахальство, возведенное в добродетель,— современная даровитость.

* * *

Либерализм самый плоскодонный, приуроченный к русским мелеющим рекам.

* * *

Слепые, они смотрят на действительность, ничего не видя.

* * *

Что теперь педагоги разумеют под человеческой природой, есть только неестественное извращение человече-

ской природы, и культурное животное — только одичалый человек.

— —

Бактерии науки.

— —

Сесть между двух глупостей — не то, что между двух стульев.

— —

Книгу Милюкова больше цитовали, чем читали.

— —

В правду верят только мошенники, потому что верить можно в то, чего не понимаешь.

— —

Статистика есть наука о том, как, не умея мыслить и понимать, заставить делать это цифры...

— —

Он был бы умен, если бы не силился быть им.

— —

Слабогузая интеллигенция, которая ни о чем не умеет помолчать, ничего не любит донести до места, а чрез га-

зеты валит наружу все, чем засорится ее неразборчивый желудок.

Еще много веков пройдет, прежде чем чутье правды выйдет из спальни на улицу.

Женщина любит, чтобы ее понимали не как женщину, а как человека женского пола.

Они будут менее нас счастливы, но более нас довольны собой.

Благотворительное сердце любит из сострадания.

Я не хочу быть плачущим цветком на Вашей могиле...

Гастрономия благочестия.

Наполеон — политический Вольтер, не более, как и Вольтер — литературный Наполеон, тоже не более.

Оба — люди, знавшие, что они начинают, и не знавшие, чем закончат.

Понятен его интерес к археологии: всякому старику желательно знать, где он будет лежать по смерти; а она — № 1 в своих археологических витринах.

Самый злой насмешник — кто осмеивает собственные увлечения.

Гораздо легче стать умным, чем перестать быть дураком.

Самый дорогой дар природы — веселый, насмешливый и добрый ум.

Мне, как архивисту, они более интересны самого архива. 3 марта 1898.

Кокотка всегда становится честной женщиной, когда с ней обходятся как с честной женщиной. Честная жен-

22 – 3165

щина очень редко станет честной женщиной, когда с ней обходятся как с кокоткой.

Не понимаю, как вы сумеете умереть.

К*. и театр — эту комбинацию понятий я еще понимаю. Но Корш и наука — извините!.. Тут все непонятно!

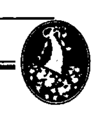
Различие между басней и романом современным.

Чтобы понять всю глупость глупости, надо ее проделать.

Добродетель только тогда и получает вкус, когда перестает быть ей. Порок — лучшее украшение добродетели.

Эти ученики — мальчишки, которые уважают в учителе не указку, которой он их учит, а розгу, которой сечет

* *К.* — Возможно, речь идет о Ф. А. Корше.

их, и которые перестали учиться, как скоро розга перестала быть помощницей указки.

Логика взаймы — не понимаю.

В России все элементы культуры парниковые, казенные: все, и даже анархия, воспитано и разведено на казенный счет.

Граф Толстой — предсмертная художественная гримаса дворянства.

Люди больше рабствуют своему прошедшему, чем работают для будущего.

Печать — прежде облака наверху жизни, теперь миазмы из почвы снизу.

Видит дальше, чем смотрит.

От его речей слишком пахнет словами.

Пошлость, возвышающаяся до степени таланта своего рода.

Император Николай I — военный балетмейстер и больше ничего.

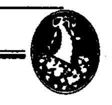
Вера в человека и недоверие к людям и знание их без чутья общежития.

Бессловесные проповедники Слова Божия.

Театр — школа барских чувств, эстетическая кондитерская.

Ты меня не умеешь понимать, я тебя не хочу или боюсь понять.

В нашей исторической жизни все искусственно, но не искусно.

Не я должен быть понятен, а вы понятливы.

Я потому и глуп, что мой организм слишком умно организован.

Россия на краю пропасти. Каждая минута дорога. Все это чувствуют и задают вопросы: что делать? Ответа нет...

Немезида — зло, себя самого наказывающее, т. е. воздающее должное себе самому.

Идеалист, сознательный плод мысли инстинктивно-эмпирический, плод опыта и навыка.

Что они (слушатели) имеют дело с миросозерцанием и с характером.

На свете не будет зла, стоит только добрым захотеть, чтобы его не было, суметь устранить его. Потому нет нужды и злиться на зло, а только помогать добру. Зло —

только мираж, который существует, пока кажется отуманенному глазу.

Уважение к чужому мнению, уму — признак своего.

Неумный ум. Не умеют быть добрыми и умными.

Эго его житейская комбинация, а не логический вывод.

В неудачах не крушение самих идей, а только падение людей, их проводивших.

Нелюбовь к людям с печальными лицами и смеющимися глазами.

Да это не дуализм. Зендавизм и оптимизм. Только несколько преломленный историческим наблюдением. От того, что принято звать злом, может закрыть глаза философ в отвлеченном миросозерцании, но не может ис-

торик, постоянно имеющий дело с действительными фактами жизни. Но эти печальные факты не от злобы злых или глупых, а от неумелости или недосмотра умных и добрых, а это от того, что люди добрые и разумные берутся за дела не по плечу, рядятся в платье не по росту; они не становятся дурными, а только смешными. По неумелости и неразвитости начала переделывали в интересы, идеи — в тенденции низменные, но общедоступные.

Дуализм всегда пессимизм, ибо признает зло неизбежным, если не необходимым.

Зло устранимое и потому тем более досадное.

Сам себя держал на строгом отчете и под бдительным надзором. [...]

Он знал и понимал ее, но во имя пришлого идеала желал не знать и потому перестал понимать.

Чтобы не было злых, надо отнять или побуждение быть таковыми, или надежду чего-либо достигнуть злом,

ибо делать зло для зла — нелепость; зло не может быть ни источником, ни целью для самого себя. Зло не рождается из самого себя, а выделывается при неумелом обращении с добром. Это ядовитая окись полезного металла заброшенного (плохо содержимого).

——

Он знал ее как идеал, ничего, кроме нее, и не желая знать, и потому совсем перестал понимать ее.

——

Александр I.

Он желал понять ее, но чуждый идеал помешал и не внушил желания ему узнать ее, и потому он не понял и не узнал ее.

——

Николай I.

Одни желали понять ее, не зная; другие хотели узнать ее, не понимая. Первые не поняли ее, потому что не знали; вторые не узнали ее, потому что не желали понять.

——

Интеллигенция не создает жизни и даже не направляет ее. Она не может ни толкнуть общество на известный путь, ни своротить его с пути, по которому оно пошло. Но она наблюдает и изучает жизнь. Из этого наблюдения и изучения, веденного по местам многие века, сложилось

известное знание жизни, ее сил и средств, законов и целей. Это знание, добытое соединенными усилиями и опытами разных народов, есть общее достояние человечества. Оно хранится в литературе, переходит в сознание лиц и народов помощью образования. Каждый отдельный народ стоит ниже этого научного запаса; не было и нет народа, участвовавшего в общей жизни человечества, который всей своей массой знал бы все, до чего додумалось человечество. Посредницей в этом деле между человечеством и отдельными народами должна быть его интеллигенция. Она не дает направления своему народу и даже очень редко правит им в данном не ей направлении. Ее задача — угадать это направление и его возможные последствия и потом следить за движением, его ровностью и прямотой, подмечать скачки и уклонения, вовремя указывать на встречные препятствия и возможные потребности и на средства для их устранения или удовлетворения. Чтобы справиться с этой задачей, интеллигенция должна понимать положение своего народа в каждую данную минуту, а для этого понимания необходимы два условия: знать точно дела своего народа и знать научный запас человеческого ума. Чтобы понимать, что делается с народом, что откуда пошло у него, как идет и к чему придет, нужно знать, как и чем живет человечество, знать пружины, средства и цели его жизни. Интеллигент — диагност и даже не лекарь народа. Народ сам залижет и вылечит свою рану, ес-

ли ее почует, только он не умеет вовремя замечать ее. Вовремя заметить и указать ее — дело интеллигенции, а чтобы заметить неправильность отправлений в жизни известного народа, необходимо знать физиологию всего человечества. Ее дело: пусть будут бдительны консулы.

1) Основания жизни одинаковы у всех европейских обществ, но культуры различны.

2) Местная интеллигенция — посредница между общечеловеческим знанием и своим обществом.

3) Ее дело — понимать положение своего общества и давать нужные справки практическим дельцам.

4) Для того ей нужно следить за движением человеческого ума и за ходом своей местной жизни.

Продолжая не понимать ее, он не желал и знать ее во имя чуждого идеала и потому перестал знать ее.

Жить своим умом — не значит игнорировать чужой ум, а уметь и им пользоваться для понимания вещей.

Доморощенное, незаимствованное понимание не есть бессознательный взгляд на вещи, сложившийся дома,

а верное понимание своих домашних дел, хотя бы и с содействием сторонних указаний.

Гонор — не гордость, а прикрытие ее отсутствия.

Быть соседями — не значит быть близкими.

Венчанные содержанки.

В нем хорошо все, кроме его самого.

Скажи, что или кого любишь, и я скажу, кто ты.

Мало любить живые существа: надо любить самую жизнь.

Мнительность — не наблюдательность, а причина ее отсутствия.

Классическая гимназия не подняла уровня университетской подготовки, понизив степень любознательности,

т. е. не усилила запасов знаний элементарных, ослабив способность к приобретению высших специальных.

——

Добрый сердится не злясь, а злой злится не сердясь.

——

Сложная, смачно-приторно-печальная музыка Шопена, холящая себя собственной печалью, как банщица холит обветшалого старика, вытирая его своей загорелой до пояса рукой.

——

Кто вам дал право быть судьями самих себя, оценщиками собственного товара, данного вам природой? Цену дает потребитель по вкусу, судебный приговор произносит присяжный по совести, а у вас ни вкуса, ни совести.

——

Да, но обыкновенно потребитель ценит продукт, не зная издержек производства, а присяжный по совести произносит приговор в суде, забывая дома совесть.

——

В поисках житейского благополучия схватил кусок искрившегося альпийского льда, хотел согреться им — простудился, хотел согреть его — измочился и стал смешон в обоих случаях — и в припадке любви и в припадке сострадания. Это потому, что фальшивил в обоих случаях, хотел любить не любя и сострадать без жалости, а только наслаждаться эстетикой любви и жалости.

——

Трезвый ум может отчасти заменить отсутствие доброго сердца: чувство потребности добра и расчет последствий зла.

——

Культурное прожорство: хотят видеть, чего рассмотреть не умеют, слышать, чего не в состоянии понять, сожрать, чего переварить не могут.

——

Вращающиеся в орбите героя сателлиты. Организованный эгоизм вместо привязанности (Ренан). Религиозные люди живут мечтой, мы — тенью мечты, чем будут жить после нас? (id.)

——

Нравственный момент наступает тогда, когда человек, удовлетворяющий сам собою возбудившийся инстинкт и от того получавший чувство удовольствия, искусственно начинает возбуждать инстинкт, чтобы удовлетворением его достигнуть этого удовольствия. История этики — в превращении следствия в цель. Любовь к женщине вы-

ходит из удовлетворения влечения к ней: возбуждают ли влечения, чтобы репетировать испытанное чувство любви именно к этой. Обмен удовольствия с обеих сторон, как качание из стороны в сторону маятника.

— —

В древнерусском браке не пары подбирались по готовым чувствам и характерам, а характеры и чувства вырабатывались по подобранным парам.

— —

Чувство, т. е. гримаса приличия, у женщин становится подробностью их костюма: хорошо одета — прилична.

— —

Они, эти завистливые преемники, не наследники, ждут не дождутся, когда скатятся с потемневшего неба их предшественники, как падающие звезды.

— —

Л.— русская гадина, ползающая по окраинам России, чтобы найти удобное место нагадить отечеству.

— —

Эти семьи международного состава — какие-то водоросли, плавающие по русскому болоту, без корней и почвы, плывущие, куда дует ветер, но не терпящие берегов

русского материка, попав на который они засыхают или гниют.

— —

На открытое нахальство следует отвечать молчаливым смехом.

— —

Этой женщине легко сохранить свою добродетель, которая ограждена таким могучим фортом — вонючим ртом.

— —

Б-ны. Получая больше, чем ожидали, начинают требовать больше, чем им дать желали.

— —

Буслаев. Всю жизнь занимаясь сказками как былью, он наконец, рассказывая свою жизнь, превратил быль в сказку.

— —

Энтузиазмом чаще всего называют такое состояние человека, когда его духовные силы приходят в гармоническое и напряженное движение. Тогда управление психологическим оркестром принимает одна духовная сила, господствующая в народе, составляющая характеристиче-

скую национальную особенность. По свойству этой дирижирующей силы и энтузиазм принимает разнообразные национальные формы выражения. Итальянец в этом состоянии, помня завет старого Тацита, вспоминает или поет, вспоминает античный Рим или поет арию из «Риголетто»; француз становится в ораторскую позу и произносит академические рассуждения о каких-нибудь принципах; немец начинает кричать, хвастаясь своим *я* и ругая всех, кто не *я*; англичанин — но англичанин совсем не умеет приходить в энтузиазм, как есть народы, которые не умеют петь. Русский энтузиируется тоже по-своему: в такие минуты русская женщина ударяется в *слезы*, мужчина впадает в грусть.

Психологические мотивы крепостного права при бесправии в патологические припадки или сентиментальные капризы.

Иная журнальная статья лучше иной книги, хотя это значит только правило, что каждая ваша книга должна быть лучше журнальной статьи.

Уровень политического развития народа определяется политическими формами жизни. У нас выработалась низшая

форма государства, вотчина. Это собственно и не форма, а суррогат государства. Но, скажут, этой формой целые века жил великий народ, и ее надобно признать самобытным созданием народа. Конечно, можно, как «голодный хлеб» можно признать изобретением голодающего народа; однако это не делает такого хлеба настоящим.

Фактическая власть могла издавать распоряжения, носившие наружность и название законов.

Цементирующая сила — традиция и цель.

Что вы утверждаете, то вы доказываете основательно, но вы не все утверждаете, что доказываете. Не возражение, а комментарий. Смелее идете к цели, чем подходите к ней. Судя по буквальному смыслу, неужели вся реформа предпринята только потому, что однажды Петр принужден был сказать себе: денег нет! Вы допустили неточное выражение. Больше неудобство для читателя, чем недостаток книги.

С ним не хочется расходиться, даже когда чувствуешь, что не идешь с ним в ногу. Не натуральная только повин-

ность мыслящего ума, но и нравственная потребность любящего сердца. Уважаешь, даже не разделяя их. С ним не всегда согласишься, но никогда не заспоришь, как никогда не упрекнешь человека за то, что у него морщина на лице легла не как у меня, у других, у всех. Можно расходиться в точках зрения, но не позволительно расходиться в целях, в путях, направлении движения.

Нравственное богословие цепляется за хвост русской беллетристики.

Не будем спорить, пока идем; когда придем, пожмем друг другу руку и, может быть, найдем, что не о чем спорить.

Классификация убеждений — красных, белых, чернокожих.

Ученики —
больше рассуждают, чем понимают, и больше толкуют, чем могут растолковать. В выносимых ими впечатлениях (из уроков истории) больше самоуверенности, чем само-

сознания. Из этого и складывается мираж исторического понимания.

Логические ошибки исторического материализма: противополагать личность, как принцип произвола случайности, совокупности исторических условий, как принцип закономерности, необходимости, тогда как сама личность есть только одно из исторических условий; следовательно, одно из слагаемых противополагают сумме.

В средневековом миросозерцании признавался Христос без христианства; в Соловьевском новейшем — истинное христианство без Христа торжествует, созидаемое неверующими.

Навязывает христианские основы социализму. Наполовину припадок неясной и воспаленной мысли, наполовину риторическая игра словами.

Христианство дано было не как готовый общественный порядок, тогда оно было бы нелепой затеей, а как идеал личной жизни, который, единица за единицей пере-

рабатывая людей, тем улучшает общежитие всякого политического склада.

——

Дон Кихот христианства, который, желая повернуть человечество на христианскую стезю, новых язычников жалует в христианство.

——

Атеисты всемилостивейше пожалованы <Владимиром Соловьевым> в действительные статские христиане.

——

Хочет спасать гуртом, не поодиночке, как доселе.

——

Значение идей в истории. Два рода идей: 1) маниловские мечты о несбыточном или донкихотские призраки отжитого и 2) новые комбинации мышления, знания и общежития, выведенные из наличных и усовершенствующие наличное мышление, знание или общежитие.

——

Одобрять приемы борьбы национальных или партийных интересов с точки зрения нравственных правил — значит смешивать политику, т. е. борьбу, с личной моралью, действие против врага с чувством к побежденному ближнему: это педагогическая бестактность.

——

Не наука виновата, если с ней не знают, что делать, как обращаться.

——

Физический патриотизм — не любят родины, а тоскуют на чужбине.

——

Умному талант часто мешает быть умным, а дураку дает вид умного.

——

С некоторыми людьми можно ужиться, только не зная их.

——

Сборный человек, умственная и нравственная компиляция.

——

Иные умеют ничего не уметь.

——

Сколько времени нужно людям, чтобы понять прожитое ими столетие? Три столетия. Когда человечество пой-

мет смысл своей жизни? Через 3 тысячи лет после своей смерти.

——

Не умея держаться в обществе, пессимисты жалуются, что общество не умеет держаться или жить с ними. Человек — на свою тень.

——

Человек без воли и ума с одними инстинктами — у него нет рук, но 4 ноги.

——

Упрямство в молодости есть предчувствие характера, в зрелом возрасте — отчаяние в нем.

——

Самолюбие чистое без примеси честолюбия — голый зуд личного интереса без всякого чувства чести.

——

Глаза — не зеркало души, а ее зеркальные окна: сквозь них она видит улицу, но и улица видит душу.

——

Гипнотизм — явление скорее религиозное, чем научное, вроде демонологии: он начинает существовать с той минуты, как начинают думать, что он существует. Это

не гипотеза, объясняющая, что есть, а суеверие, допускающее, чего нет и не нужно.

— —

Два рода праздных людей: одни делают что-нибудь от нечего делать, другие ничего не делают, не зная, что делать. Одни делом прикрывают безделье, другие бездельем спасаются от дела. Первые — спортсмены, вторые — мыслители, но бездельники и те и другие.

— —

Им служат не умы, а только аппетиты.

— —

Прежде чем требовать, чтобы другие были достойны нашей любви, надобно заслужить их любовь.

— —

Учителя истории дают уроки истории, но не сама история; зачем ей это делать, когда на то есть у ней учителя?

— —

Что теперь несвоевременно, то еще нельзя назвать нелепостью; робкое предположение, что со временем мы примем европейские политические формы (и даже скоро),

рано или поздно установим те же порядки, хотя и с некоторыми особенностями.

— —

История, говорят не учившиеся истории, а только философствовавшие о ней и потому ею пренебрегающие (Гегель), никого ничему не научила. Если это даже и правда, истории нисколько не касается как науки: не цветы виноваты в том, что слепой их не видит. Но это и неправда: история учит даже тех, кто у нее не учится; она их проучивает за невежество и пренебрежение. Кто действует помимо ее или вопреки ее, тот всегда в конце жалеет о своем отношении к ней. Она пока учит не тому, как жить по ней, а как учиться у нее, она пока только сечет своих непонятливых или ленивых учеников, как желудок наказывает жадных или неосторожных гастрономов, не сообщая им правил здорового питания, а только давая им чувствовать ошибку их в физиологии и увлечения их аппетита.

— —

Есть мысли, не приближающие к истине, но расстраивающие общежитие,— это мысли о противоречиях бытия. Гораздо больше нужно ума, чтобы их избегнуть, чем

чтобы до них додуматься. Потому чаще всего до них додумываются полоумные.

——

В воспитании надобно различать общие средства, которыми запасаются в школе для удовлетворения всяких потребностей, могущих возникнуть на жизненном пути, и специальные потребности, ожидающие человека на этом пути. Дать эти средства — задача школы; пробудить эти потребности в школьниках — значит заменить преподавание политической гимнастикой.

——

Они так переполнены чувством собственного достоинства, что для самого достоинства не остается в них ни на дюйм места.

——

Петр I готов был для предупреждения беспорядка расстроить всякий порядок.

——

У маленьких людей всегда большие притязания, как у несчастных большие надежды, и наоборот. Потому маленькие и несчастные утешаются ожиданием того, чего не имеют, а большие и счастливые скучают тем, что нечего

желать. Этим поддерживается равновесие общежития: обе стороны не завидуют друг другу и мирятся с положением одна другой (первая сторона перестает завидовать второй, а вторая начинает жалеть о первой).

——

Многие живут только потому, что как-то ухитрились родиться и никак не умеют умереть. Жизнь их тем бесцельнее, чем нецелесообразнее было их рождение.

——

Ему ничего не дало воспитание и во всем отказала природа; всего ждать может от судьбы.

——

Популяризатор совсем не то, что вульгаризатор: первый пускает идею или знание по вольному ветру, заражая людей, второй влачит ее по уличной грязи, забавляя мальчишек.

——

Классификация интеллигенции:

1) Люди с лоскутным миросозерцанием, сшитым из обрезков газетных и журнальных.

2) Сектанты с затверженными заповедями, но без образа мыслей и даже без способности к мышлению: толстовцы etc.

3) Щепки, плывущие по течению, оппортунисты либеральные или консервативные, и без верований и без мыслей, с одними словами и аппетитами.

⁂

История — что власть: когда людям хорошо, они забывают о ней и свое благоденствие приписывают себе самим; когда им становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость и ценить ее благодеяния.

⁂

Большинство людей умирает спокойно потому, что так же мало понимают, что с ними делается в эту минуту, как мало понимали, что они делали до этой минуты.

⁂

Назначение интеллигенции — понимать окружающее, действительность, свое положение и своего народа.

⁂

Нам твердили: веруй, но не умствуй. Мы стали бояться мысли, как греха, пытливого разума, как соблазнителя, раньше чем умели мыслить, чем пробудилась у нас пытливость. Потому, когда мы встретились с чужой мыслью, мы ее принимали на веру. Вышло, что научные истины мы превращали в догматы, научные авторитеты становились для нас фетишами, храм наук сделался для нас капищем

научных суеверий и предрассудков. Мы вольнодумничали по-старообрядчески, вольтерьянствовали по-аввакумовски. Как старообрядцы из-за церковного обряда разорвали с церковью, так мы из-за непонятного научного тезиса готовы были разрывать с наукой. Менялось содержание мысли, но метод мышления оставался прежний.

⁂

Настроение художника и настроения зрителя или слушателя — не одно и то же, а совсем разные по существу состояния: у одного творческое напряжение, чтобы передать, у другого критическое наслаждение от успеха передачи. Художник, испытывающий от своего произведения удовольствие, одинаковое со зрителем или слушателем, испытывает его как зритель или слушатель, как критик себя самого, а не как творец своего произведения.

⁂

Наше ораторское искусство действует на чувство, а не на волю, трогает, но не убеждает, выкрадывает или ловит чужую мысль, а не склоняет и не пленит ее. Вина в слушателях: они любят быть тронутыми, но неспособны быть убежденными; это поврежденные, а не мыслящие люди. Оратор к мысли слушателя прокрадывается, чтобы разбудить, как осторожная горничная к спящей нервной барыне — сперва осторожно погладит. Скажите громко пря-

мо к разуму: «Сударыня, пора вставать!» Испугаете, и вызовете истерический припадок.

——

Аксиомы не доказываются; их истинность доказательна своей неопровержимостью.

——

У нас всегда были и теперь есть много ученых и мыслящих дельцов, прекрасно знающих каждый среду, в которой он действует, умеющих следить за движением житейской волны, которая несет его. Но у нас недостает приборов, приемов и привычек, чтобы подводить общие итоги жизни, и потому нет уменья собирать и сводить дробные, микроскопические наблюдения в общее представление о положении дел, в цельную картину переживаемой минуты. Короче, у нас очень неудовлетворительно устройство народного самонаблюдения. Космогонический богатырь былин, который с трудом поднимает свои тяжелые ресницы и еще не видит своих ног, потому что по пояс в землю врос. Эта отсталость наблюдения от действительности, недостаточное понимание своей собственной деятельности, словом, недостаток народного самосознания — вот точка зрения, которая служит исходным пунктом русского пессимистического миросозерцания...

1900—1911 гг.

——

...Не я виноват, что в русской истории мало обращаю внимания на право: меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права. Юрист строгий и только юрист ничего не поймет в русской истории, как целомудренная фельдшерица никогда не поймет целомудренного акушера. 16 января 1900 г.

——

Богословие на научных основаниях — это кукла Бога, одетая по текущей моде.

——

Россия и Финляндия = большой зверь и маленький зверек; их отношение зависит от того, чувствует ли себя первый слабее или сильнее второго.

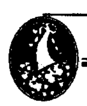
——

Вы расслабляете наше сознание и не предлагаете нам таких гофманских капель, которые бы помогли нам быть Вашими приличными слушателями. [...]

——

Социология

Отношение свободной личности к исторической закономерности. Личность свободна, насколько она, понимая

историческую закономерность, содействует ее проявлению или, не понимая ее, затрудняет ее действие. [...]

Природа рождает людей, жизнь их хоронит, а история воскрешает, блуждая по их могилам.

Под здравым смыслом всякий разумеет только свой собственный.

Евангелие стало полицейским уставом.

О нем рассказывали страшные вещи: нелюдим, не держит своих журфиксов и редко посещает чужие, терпеть не может писать, хотя пишет хорошо, презирает русскую литературу, особенно беллетристику, мрачно смотрит и на прошедшее и на будущее России и по праздникам ходит к заутрене. Отчего не посмотреть на такого чудака (смеется над русским народом как петровским подкидышем европейской цивилизации). Целая аптека пессимизма.

На его умном лице с широким носом и недоверчивым взглядом не выражалось на этот раз ничего. Он, очевидно, был расположен беседовать только с самим собой

и даже сидел с опущенной головой, т. е. не держал на носу пенсне, которое заставляло его автоматически поднимать голову и принимать вид размышляющего человека.

Коновязев: Шекспир в XIX в., поколение детей революции, испуг перед закономерностью человеческой жизни в XIX в., поколение неврастеников ко введению нового политического порядка, убеждение вместо ума и миросозерцания (10 заповедей блаженства с прибавлением XI-й — будируй). Напяливают убеждения, как перчатки для выезда в свет.

Пучок раздраженных и сильно поношенных нервов. С тонким, немного вздернутым носом, с поблекшими голубыми, но все еще подвижными глазами.

Наполеоновские маршалы — это те же Метуэны, Гатакры, Кичинеры. Их величие создано мадамами Сан-Жен*.

Коновязев. Мыслей давно уже ни у кого нет, остались только гальванистические подергивания мозгами. И это

* *«...Мадамами Сан-Жен».*— Речь идет о героине пьесы Викторьена Сарду «Мадам Сан-Жен».

только в больших городах. Говорят, то же и на Западе. Что ж? Это ничего не доказывает: скверный пример никому не образец.

—

Черт его побери, вот ему писать повести и рассказы; однако — порядочный софист.

—

Беллетристика — до порога уголовного суда или психиатрической больницы.

—

[...] Слова — самовнушение etc. успокаивают ум, но не просветляют, как есть суррогаты, которые не питают, а только утоляют голод. Сыт не стал, а перестал быть голоден. [...]

—

Всякое общество вправе требовать от власти, чтобы им удовлетворительно управляли, сказать своим управителям: «Правьте нами так, чтобы нам удобно жилось». Но бюрократия думает обыкновенно иначе и расположена отвечать на такое требование: «Нет, вы живите так, чтобы нам удобно было управлять вами, и даже платите нам хорошее жалованье, чтобы нам весело было управлять вами; если же вы чувствуете себя неловко, то в этом виноваты вы, а не мы, потому что не умеете приспособиться к нашему управлению и потому что ваши потребности несовместимы с образом правления, которому мы служим органами».

—

Смутное время — любимая эпоха 1860—70-х годов. Эпидемичность мысли, стадность настроения. Интересовались красивыми историческими лицами или драматическими эпизодами, не историей, чем интересуются дети или незрелые взрослые. Анекдот лег краеугольным камнем в основу исторического общественного сознания. Дело несделанное лучше дела испорченного, потому что первое можно сделать, а второго нельзя поправить. Плевать, как публика отнесется к делу; нам важно, как мы сами отнесемся к делу.

—

Гений, негений — первый не понимает, что он творит, а второй понимает, что он ничего не творит.

—

Своя таблица умножения, свое непререкаемое дважды два, без которого невозможно никакое мышление, невоз-

можно никакое общение. Новое у Соловьева — дело Петра подготовлено органически из древней Руси...

Понимать музыку — не то же, что считать темпы.

Страшно только одно — ослабление работоспособности мозга.

Человек — потенциальный; он сам не знает, сколько чертей в нем сидит, и только история выводит этих метафизиков, как микробы, на свежую воду. [...]

Борьба вечная между мыслью и жизнью. Мысль ищет чего-нибудь постоянного, разумного, логики, стереотипа человека, а жизнь ежеминутно составляет комбинации, причудливые, не укладывающиеся под привычные классификации и категории.

В России развилась особая привычка к новым эрам в своей жизни, наклонность начинать новую жизнь с восходом солнца, забывая, что вчерашний день потонул под неизбежной тенью. Это предрассудок — все от недостат-

ка исторического мышления, от пренебрежения к исторической закономерности.

Реформа Петра у Соловьева учила считать накопленные народом силы при всяком движении вперед.

Много актеров, но на протяжении веков нет ни одного деятеля, кроме Петра Великого...

Смертию смерть поправ — это русский писатель, который воскресает только по смерти. Готов служить делу свободы, но не хочет быть ее холопом.

Утратили чутье действительности и такт деятельности.

Однорожие и единодержавие.

Кем вырастет человек из ребенка.

Рвут у нас студенты или... Я не безразличен. Тихомиров: не нуждается в защите, не могу быть председателем,

у меня много личных мнений по этому делу. Учреждение было бы оскандалено, приватные профессора. Комиссия не поняла своей задачи (ей бы принять во внимание историю): хотела быть слишком юридической и не спохватилась остаться университетской. Но университет не окружной суд, а учебно-воспитательное учреждение.

Не выношу его глубокомысленного, новгородско-иерусалимского взгляда.

В том и другом случае (реакции или революции) Учредительное собрание будет партией, не народным представительством. Кому инициатива? Страна может остаться без законодательства.

Единство — больше на этнографических связях, чем на общих политических идеях или интересах. Закон давал частные льготы и специальные классовые повинности, но не общие права и обязанности.

Державная дочь Петра Великого 160 лет назад восстала против смертной казни, показав тем пример европейским законодателям. Московский университет, протестуя против смертной казни, исполнит завет своей основательницы.

Забастовки и вооруженное восстание — следствия свободы, которая уничтожила свою причину.

Дело, возмутившее всех порядочных людей со свойственным ему выразительно-образным красноречием,— выеденное яйцо.

Сами разделяли частное дело от официального, а теперь частное обращение к товарищам — в протокол. Я не слуга таких изворотов мысли и нравственного чувства.

Муретов может менять свои взгляды как ему вздумается, но никто не обязан считаться с его настроением, направлением, изменчивыми побуждениями, лично им в себе воспитанными.

Международное значение падало, и это падение до поры прикрывается дипломатическим приличием. Флота нет ни балтийского, ни тихоокеанского,— нельзя

сказать, что бы его не было, но его нет. Финансы потрясены; кредит заграничный — в биржевое попрошайничество, внутренний — в переписку сумм из одной сметной графы в другую, доверие к правительству — выражение, вышедшее из оборотного языка как архаизм, требующий ученого комментария. Это часть почвы историческая. Договор с Лидвалем* — тоже в силу 87 статьи, как временное правило, подлежащее одобрению Думы.

——

Записка Мыщцына — неудачная симуляция порядочности.

——

Что такое закон? Мы не законодатели, но мы исполнители закона, проводники; без нас его некому исполнять.

——

Пружина напряжена туже, но не лопнула.

——

Люди без заносчивости и без робости не захватывали чужого и не поступались народным. На игру закрытую

* *«Договор с Лидвалем».*— Речь идет о договоре товарища министра внутренних дел В. И. Гурко с крупным спекулянтом Лидвалем, не занимавшимся хлебной торговлей, о поставке в 1906 г. в голодающие губернии России 10 миллионов пудов хлеба. При этом был выдан задаток 800 000 руб. Это дело было вскрыто в ноябре 1906 г., и Гурко был предан суду Сената.

отвечать: «Откройте карты». Доверие исчерпано, все израсходовано: *там* терять уж нечего.

——

Весь государственный порядок — из недоразумений, превратившихся в предупреждения.

——

Шаг вперед легче полушага назад — в гору. Не отступать и не забегать, идти ровным поступательным шагом.

——

Одни хотят пасть, другие помириться. Те и другие на моральной или психологической, а не политической почве. Но есть ли она? Даже с подпочвой.

——

Взгляд на моральную почву в прошлое. Совещания с сведущими людьми.

——

Почва есть и психологическая! Ясно, что с нами, с народом, играют: где не догадаются, а где и испугаются.

——

У русского царя есть корректор посильнее его — министр или секретарь. Царь повелит — министр отменит,

как при Екатерине II, с наказом. Он лучше понимает волю царя, чем сам царь.

——

Наша беда в нас самих: мы не умеем стоять за закон.

——

Знаю только, что первое условие проиграть битву — струсить перед ее началом.

——

Реакционная Дума — не беда! Ее нельзя желать, но не надо бояться.

——

Я понимаю правительство: будущая Дума для нас Страшный Суд за июль — февраль.

——

Не нужно сделок; прямой договор.

——

Делом власти было это сказать; наше дело понять, как это сделать (рескрипты).

——

Не знаю общества, которое терпеливее, не скажу доверчивее, относилось к правительству, как не знаю прави-

тельства, которое так сорило бы терпением общества, точно казенными деньгами.

Власть как средство для общего блага нравственно обязывает; власть вопреки общему благу — простой захват.

Воспользовались идеями Думы и только скомкали их. В правительстве Гурко с Лидвалями...

...Все эти земские советы, собрания были только сделки, а не учреждения, минутные сборища на всякий случай.

На богословской ли почве или на материалистической, но ум приучался к научной работе. Гизо, стр. 102.

Успехи: ключ дан, замок отперт, дверь отворена, и свежий воздух пахнул на вековую пыль. Выбирайте людей, которые, спокойно, ровно ступая по твердой законной почве, не порываясь, стремились вперед и, не пятясь назад, во имя закона сделают Думу могучим оплотом за-

конности, мира и преуспеянья. Идти напрямки, без сделок, но с протоколом в руках: иначе нельзя.

Великая идея в дурной среде извращается в ряд нелепостей.

Процесс самосознания в духовенстве есть история его самоотрицания: оно вымирает по мере того, как сознает свое положение.

...Петр был жертвой собственного деспотизма. Он хотел насилием водворить в стране свободу и науку. Но эти родные дочери человеческого разума жестоко отомстили ему...

Великая истина Христа разменялась на обрядовые мелочи или на художественные пустяки. На народ церковь действовала искусством обрядов, правилами, пленяла воображение и чувство или связывала волю, но не давала пищи уму, не будила мысли. Она водворяла богослужебное мастерство вместо богословия, ставила церковный устав вместо катехизиса; не богословие, а об-

рядословие. (Закон Божий — не вероучение, а богослужение.)

— —

Петр не создал ни одного учреждения, которое, обороняя интересы народа и на него опираясь, могло бы встать на защиту своего созидателя и его дела после него.

— —

Меншиков, не брезговавший ремеслом фальшивого монетчика для определения искусства Петра выбирать людей.

— —

Апраксин, самый сухопутный адмирал, полный невежа в навигации, но добродушный хлебосол... Он — враг реформы.

— —

Деятельность Петра сплелась из противоречий самодержавного произвола и государственной идеи общего блага; только он никак не мог согласить эти два начала, которые никогда не помирятся друг с другом.

— —

...Наигранная грация Екатерины II, какую приобретает скромная, но энергичная женщина многолетней работой над собой, над своей богато одаренной, но не режу-

щей праздных глаз красивой природой. Она была заезжей цыганкой в Российской империи.

— —

Виртуоз душевного спасения.

— —

Порицать Петра — не значит оправдывать его преемников.

— —

Никакие новые партийные вражды не сгладят старой сердечной дружбы.

— —

С Александра I они почувствовали себя Хлестаковыми на престоле, не имеющими, чем уплатить по трактирному счету. Их предшественницы — воровки власти, боявшиеся повестки из суда.

— —

Инициаторами покушений были старые столбовые и промозглые крепостники-дворяне, а исполнителями — мелкое обносившееся радикальное барье, которое двигалось, как марионетки, не сознающие, кто ими двигает. Так заложена была мина, которая при помощи длинного под-

польного провода лишилась возможности знать собственный ударный пункт.

——

Сердце Екатерины никогда не ложилось поперек дороги ее честолюбию.

——

XIX век

Огонь передаваем, но неделим — русские самодержавные министры. Закон — основа бесправия.

1) Внешний размах государственной силы. Сокрушение Наполеона. Священный союз. Завоевания на Дунае, на Балтийском море, на западном берегу Каспийского моря, на восточном Черного, создание новых государств на Балканском полуострове, в Средней Азии, течении Амура. Проверяем географию, ревизуем, все ли на месте, что там написано.

2) Подъем законодательства и учредительства. Централизация управления. Свод законов. Освобождение крепостных. Новый суд. Земские учреждения. Институт земских начальников. Учреждение государственной охраны.

3) Расцвет русской литературы и русского искусства, русского творческого гения. Пушкин. Лермонтов. Гоголь.

Тургенев. Гончаров. Граф А. Толстой. Граф Толстой — яркая звезда на мировом культурном небосклоне. Искусства. Не говорю о научных успехах (сам прилип, как слизняк, к этой скале гранитной). Система учебных заведений 1804 и других годов.

4) И за этими тремя как будто светлыми сторонами жизни открывалась четвертая — совсем теневая, даже мрачная: небывалый организованный гнет правительственной опеки и полицейского сыска (3-го отделения Собственной канцелярии). Всякое движение свободного духа заподозривается как подкоп под основы существующего порядка.

Что значат все эти явления? Какой смысл в этом хаосе? Это задача исторического изучения. Мы не можем идти ощупью в потемках. Мы должны знать силу, которая направляет нашу частную и народную жизнь. С 1801 г. два параллельные интереса: постройка европейского государственного фасада и самоохрана династии.

——

Русское духовенство всегда учило паству свою не познавать и любить Бога, а только бояться чертей, которых оно же и расплодило со своими попадьями. Нивелировка русского рыхлого сердца этим жупельным

страхом — единственное дело, удавшееся злому тунеядному сословию.

Все только намеки, наброски, идеи — как темные слухи откуда-то со стороны, учреждения без ясно установленных функций и компетенций, общественные классы без определительных очертаний.

Счастье не действительность, а только воспоминание: счастливыми кажутся нам наши минувшие годы, когда мы могли жить лучше, чем жилось, и жилось лучше, чем живется в минуту воспоминания. [...]

Но впечатления, какие получал Толстой, быстро свевались по возвращении в родную обстановку. А здесь жили наличными средствами и понятиями, чтобы только как-нибудь прожить. Идеи права, справедливости, свободы были роскошью ума, доступной немногим головам, как дорогой французский кафтан или парик был доступен немногим карманам.

Что такое Бог? Совокупность законов природы, нам непонятных, но нами ощущаемых и по хамству нашего

ума нами олицетворяемых в образе творца и повелителя вселенной.

Толстой — поздняя пародия древнерусского юродивого, ходившего нагишом по городским улицам, не стыдясь того.

Вы сочиняете посмертного Гоголя.

Мысль Гоголя ни перед чем не останавливалась, даже перед собственной глупостью = совершенно малороссийская мысль, как степной ветер, который несется по волнующейся равнине и воет и выплачивает,— указать ему, где бы установиться, обо что бы удариться, чтобы перестать носиться, выть.

Чтение 27 ноября 1908 г. у Н. В. Д. Толстой и Трубецкой — экзотичность и ненужность мысли, хоть и красивой; сеяли рожь, а выходил испанский лук или что-нибудь тропическое, оранжерейное.

Ленский. Невзрачная русская жизнь, прикрашенная художественной позолотой. Как человек в области искус-

ства довольно пришлый, я говорил, что вместо того, чтобы украшать русскую мужицкую избу готическим фронтоном, не красивее ли было бы иной стильный музей опростить фасадом мужицкой избы.

——

Женщина что музыка: физические ощущения — нравственные мотивы.

——

Правительство уже тогда начинало торговать государством, как своей международной лавочкой.

——

Все эти екатерины, овладев властью, прежде всего поспешили злоупотребить ею и развили произвол до немецких размеров.

——

Вы призвали иноземных зевак на наши народные болячки, а меня заставляете быть их физиологическим демонстратором.

——

Петр — деспот, своей деятельностью разрушил деспотизм, подготовляя свободу своим обдуманным произволом, как его преемники своим либеральным самодержавием укрепляли народное бесправие.

——

Такова уже натура: собака не может не лаять.

——

Дрянной мальчишка, преждевременно развращенный (Петр II).

——

Переход от произвола к праву — анархия, а не октроированная конституция. [...]

——

Шляхетство рядовое 1730 г.— это политические зайцы, безбилетно прокравшиеся в политику под именем общества или общенародия.

——

Черт и художник — главные сотрудники монаха, первый — для обработки мужика, второй — для обработки барина...

——

Самовластие само по себе противно; как политический принцип, его никогда не признает гражданская совесть.

Но можно мириться с лицом, в котором эта противоестественная сила соединяется с самопожертвованием, когда самовластец, не жалея себя, самоотверженно идет напролом во имя общего блага, рискуя разбиться о неодолимые препятствия и даже о собственное дело. Так мирятся с бурной весенней грозой, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева.

Ливрейная аристократия передней.

Гоголь не писал просто, а разыгрывал самого себя.

---

1 апреля Екатерины I.— Соловьев, т. 18, стр. 319*. Эпоха воровских правительств, которые сами стыдятся своей власти, но держатся за нее без всякого стыда.

Тяжелыми налогами государство раздуло свои силы, значение выше меры и нужды и нахватало задач

* *«Соловьев, т. 18, стр. 319».*— Ключевский имеет в виду описанный С. М. Соловьевым эпизод 1 апреля 1725 г., когда «жители Петербурга были разбужены страшным набатом во всем городе: императрица пошутила над ними, обманула их для 1 апреля».

и затруднений не по силам. Государство игры и авантюры.

Понимаю затруднения Извольского: ни армии, ни флота, ни финансов — только орден Андрея Первозванного. Политическая свобода — родная дочь науки...

В нашем настоящем слишком много прошедшего; желательно было бы, чтобы вокруг нас было поменьше истории.

Римские императоры обезумели от самодержавия; отчего императору Павлу от него не одуреть?

Деспотизм кулака и деспотизм ласковой улыбки — к одинаковым результатам.

Суждения истории — не суждения гражданской палаты, укреплявшей мертвые души за Чичиковым.

В государстве народ становится не только юридическим лицом, но и исторической личностью с более или ме-

нее ясно выраженным национальным характером и сознанием своего мирового значения.

——

Правительственные учреждения: как они могут быть проводниками права, сами будучи совершенно бесправными?

——

Частный интерес по природе своей наклонен противодействовать общему благу. Между тем человеческое общежитие строится взаимодействием обоих вечно борющихся начал. Такое взаимодействие становится возможно потому, что в составе частного интереса есть элементы, которые обуздывают его эгоистические увлечения. В отличие от государственного порядка, основанного на власти и повиновении, экономическая жизнь есть область личной свободы и личной инициативы как выражения свободной воли. Но эти силы, одушевляющие и направляющие экономическую деятельность, составляют душу и деятельность духовную. Да и энергия личного материального интереса возбуждается не самим этим интересом, а стремлением обеспечить личную свободу, как внешнюю, так и внутреннюю, умственную и нравственную, а эти последние на высшей ступени своего развития выражаются в сознании общих интересов и в чувстве нравственного долга действовать на пользу общую. На этой нравственной почве и устанавливается соглашение вечно борющихся начал, по мере того, как развивающееся общественное сознание сдерживает личный интерес во имя общей пользы и выясняет требования общей пользы, не стесняя законного простора, требуемого личным интересом. Следовательно...

——

Необходимая случайность — в жизни часто...

——

Телефонное мышление.

——

Декадентство не дорисовывает, только накалывает кистью природу.

——

Бог смертью больше заслужил награду от отечества, чем жизнью.

——

Не только в более или менее сложном составе, но и в неодинаковом подборе и соотношении составных элементов.

——

Условия, как случай, будут создаваться разумом или предупреждаться благоразумием, и тогда вскроются но-

вые свойства человеческой природы, новые стороны, еще невиданные...

——

Продукты цивилизации (три).

——

Высшая иерархия из Византии, монашеская, насела черной бедой на русскую верующую совесть и доселе пугает ее своей чернотой.

——

Мысль Ордина о славянском союзе блеснула ночью и погасла, как грозовая искра.

——

Новые законы только затрудняли разрушение старого порядка, укрепив его законными подпорками.

——

Древнерусский царь сам потерялся в своих тарелках.

——

Игра старых бар в свободную любовь со своими крепостными девками (конституционные похоти Александра I).

——

Новый военный порядок Петр создавал не столько официальными указами, сколько письмами, частичными

распоряжениями по отдельным случаям без соображения с законом. Это не законодательство, а личные распоряжения деспота, вышедшего из рамок закона.

——

Петр I. Его возбужденное настроение при его взрывчатости всех настраивало.

——

Петр сунулся в эту войну, как неофит, думавший, что он все понимает.

——

Вас пощадили, позволили существовать, чтобы дать вам время стать смешными.

——

Победители — еще шаг — попросили бы пощады у побежденных.

——

Страшный обряд, потерявший устрашавшую силу, стал смешон и досаден, как чучело, испугавшее ворону, и на нем вымещали собственное воронье малодушие. Так подростки смеются над страшными гримасами, какими

няньки запугивали их в детстве, чтобы скорее уложить их спать.

——

Это была не трусость — Петр не был трус,— а обдуманная глупость, внимание к чужому глупому уму.

——

Детальность работы — необъятная переписка царя-героя с мелкими исполнителями.

——

Итак, война была истинной виновницей реформы.

——

Петр засиделся в своей школе.

——

Поход Карла в 1700 г.— совершенно варяжский шальной набег IX в. Потом мелкая война, взаимное кровососание.

——

Шутовство — не тонкий, лукавый расчет политиков, но просто грубое чувство гуляк-шутов. Хватали формы шутовства откуда ни попало, не щадя ни преданий ста-

рины, ни народного чувства, ни даже собственного достоинства. В пародии церковных обрядов глумились не над церковью, которую очень плохо понимали, а над иерархией, которой перестали бояться, но продолжали не любить.

Петербургом Петр зажал Россию в финском болоте, и она страшными усилиями выбивалась из него и потом утрамбовывала его своими костями, чтобы сделать из него Невский проспект и Петропавловскую крепость — гигантское дело деспотизма, равное египетским пирамидам.

Петр учился быть адмиралом и кораблестроителем, а пришлось быть прежде всего сухопутным генералом, организатором армии, а не флота. Он готовил флот прежде, чем приобрел море, и рисковал посадить свой флот на сухопутное гниение, как сгнила на берегу его переяславская флотилия.

...Из большого и пренебрегаемого полуазиатского государства Петр сделал европейскую державу, ставшую еще больше прежнего, но больше прежнего и ненавиди-

мую. Он лучше обеспечил внешнюю безопасность этого государства, но усилил международный страх к нему, международную злобу против страны.

Шведский мальчик — викинг, ставший к 1709 г. совершенно шальным варягом вроде нашего Святослава...

Реформа Петра вытягивала из народа силы и средства для борьбы господствующих классов с народом.

Перерождение умов посредством штанов и кафтанов. Мистика. Соловьев, т. 15, стр. 137.

В коалиции терпел поражение, а побеждал один на один (Доброе, Лесное, Полтава).

После Петра государство стало сильнее, но народ беднее.

Регулярная армия, оторванная от народа, стала послушным орудием против него, а внешняя политика, опираясь на нее, создавала престиж власти, который еще бо-

лее подменял идею государства народного династией и полицией.

— —

Ход реформ от войны: до 1708 г. письмами и чрез лиц, потом указами и чрез учреждения.

— —

Не было ломки старых учреждений для постройки новых, а был постепенный развал московских одновременно с *возникновением* петербургских.

— —

Через Полтаву он выходил на большую европейскую дорогу. Он по-прежнему оставался туп к пониманию нужд народа. Но он стал более чуток к условиям своего международного положения: он понял, что начинается игра не по карману. Предстояла роль нищего богача.

— —

Как человек, не привыкший к гражданскому строительству, он колебался, ошибался, идя в потемках. Все проще, с кого взыскать, кому поручить, кого побить.

— —

Не переиздавалось существующее, а создавалось вновь, чего не было: не преобразования, а новообразования. План, как он выяснился путем дробных мер к концу. Не военные дела, а военные успехи и созданное ими положение России — источник реформы.

— —

Ход: сперва беглый указ или спешное письмо намечало пробел, недостаток, вскрытый войной; потом чрез Сенат разрабатывались учреждения, закон, регламент или инструкция.

— —

Обременение народа различными мейстерами, рихтерами, комиссарами, ратами, мистрами преимущественно из иноземцев: целое нашествие баскаков, темников, численников.

— —

Щебень для мостовых. Все понятия об обществе, государстве, народе, семье сгнили в этом разгуле распущенности, безделья и произвола.

— —

Риторически тягучий и туманный указ.

Петр увлекся Европой с финансово-технической, а не с политической и нравственной стороны, мог приучить свои руки к приемам по работе мастера, но не ду-

мал приучать своей мысли к принципам политического мыслителя вроде Пуфендорфа или Гуго Гроция. [...]

Петр I. Он действовал как древнерусский царь-самодур; но в нем впервые блеснула идея народного блага, после него погасшая надолго, очень надолго.

Чтобы защитить отечество от врагов, Петр опустошил его больше всякого врага. Понимал только результаты и никогда не мог понять жертв.

Александр I.

Свободомыслящий абсолютист и благожелательный неврастеник. Легче притворяться великим, чем быть им.

Верховной власти нет как источника прав и полномочий, она только штемпель на актах прав и полномочий, не политическая сила, а механический цертификат. Настоящая верховная власть есть *двор*.

Бесправие, покоившееся до поры до времени на привычке, народной инерции, Петр преобразил в организо-

ванную силу, в государственное учреждение, против которого надо было бунтовать...

Проволока, по которой шли все распорядительные токи, был деспотизм.

Схоластика — точильный камень научного мышления: на нем камни не режут, но об камень вострят...

Тот, кто пишет «быть по сему», есть только стальное перо и больше ничего.

Это еще не предмет исторического изучения. Это время тяжелых испытаний или светлых надежд... Бури.

Самодержавие — бессмысленное слово, смысл которого понятен только желудочному мышлению неврастеников-дегенератов.

С 25 февраля 1730 г.* каждое царствование было сделкой с дворянством, и если сделка казалась нарушен-

* *25 февраля 1730 г.*— Анна Иоанновна приняла депутацию и подписала дворянские челобитные.

ной, нарушившая сторона подвергалась преследованию противной арестом и ссылкой или заговором и покушениями.

— —

Правительство не может ни воспитывать, ни развращать народа: оно может только его устроить или расстраивать. Воспитание народа — дело правящих и образованных классов, интеллигенции.

— —

Но обращаемся к прошлому, чтобы забыться на воспоминаниях от тяжелых впечатлений, убежать в прошлое от настоящего. Постыдное бегство! Наши идеалы не в прошедшем, а в будущем.

— —

Цари — те же актеры с тем отличием, что в театре мещане и разночинцы играют царей, а во дворцах цари — мещан и разночинцев.

— —

Русский простолюдин — православный — отбывает свою веру как церковную повинность, наложенную на него для спасения чьей-то души, только не его собственной, ко-

торую спасать он не научился, да и не желает: «Как ни молись, а все чертям достанется». Это все его богословие.

— —

Церковная иерархия не обладает в достаточной для минуты мере ни подготовкой, ни постановкой.

— —

Русские цари — не механики при машине, а огородные чучела для хищных птиц.

— —

Доселе дурными средствами развивалась личность на счет сильного общества; впредь личность будет служить вырождающемуся обществу лучшими своими силами. Период хищной энергии сменится периодом благородной неврастении и малокровия. Рычаг прогресса — вместо кровопролития кровопривитие. Тужики-пыжики.

— —

Наши цари были полезны как грозные боги, небесполезны и как огородные чучелы. Вырождение авторитета с сыновей Павла. Прежние цари и царицы — дрянь, но скрывались во дворце, предоставляя эпическо-набожной фантазии творить из них кумиров. Павловичи стали популярничать. Но это безопасно только для людей вро-

де Петра I или Екатерины II. Увидев Павловичей вблизи, народ перестал их считать богами, но не перестал бояться их за жандармов. Образы, пугавшие воображение, стали теперь пугать нервы. С Александра III, с его детей вырождение нравственное сопровождается и физическим. Варяги создали нам первую династию, варяжка* испортила последнюю. Она, эта династия, не доживет до своей политической смерти, вымрет раньше, чем перестанет быть нужна, и будет прогнана. В этом ее счастье и несчастье России и ее народа, притом повторное: ей еще раз грозит бесцарствие, смутное время...

——

Цари со временем переведутся: это мамонты, которые могли жить лишь в допотопное время.

——

Московское государство Иоаннов — вотчинное государство с трудно дававшейся идеей национально-церковного союза, управляемого при посредстве молчаливого местнического соглашения государя с бывшими вотчинниками. Государство первых Романовых — национальный русский союз со свежими воспоминаниями и привычками

* *«...варяжка»*.— Речь идет о жене Александра III Марии Федоровне (урожд. Мария София Фридерика Дагмара), которая была дочерью датского короля Христиана IX и Луизы Гессенской.

вотчинного порядка, управляемый посредством класса военных слуг, содержимых на счет управляемого народа. Центр тяжести в первый период — в Боярской думе, во второй — в Разряде. Постельное крыльцо взяло верх над Передней.

——

Нельзя вытирать запачкавшегося лица чужими рукавами.

1) Неустойчивые порывы, безотчетные или полусознательные стремления, невыясненные планы. Много суеты, хлопот и скудные результаты.

2) Россия XVII в. со своей широко раскрытой научной любознательностью и со скудной умственной емкостью. Какая преобразовательная суетня, какая толпа новых идей и какая ветошь нравов и порядков, какое ничтожество результатов! Таракан на спине.

——

Дворянство — «верноподданные бунтари». Оно привыкло окружать престол с вечно протянутой рукой попрошайки и трясти его за неподатливость.

——

Самодержавие — не власть, а задача, т. е. не право, а ответственность. Задача в том, чтобы единоличная

власть делала для народного блага то, чего не в силах сделать сам народ чрез свои органы. Ответственность в том, что одно лицо несет ответственность за все неудачи в достижении народного блага. Самодержавие есть счастливая узурпация, единственное политическое оправдание которой — непрерывный успех или постоянное уменье поправлять свои ошибки или несчастия. Неудачное самодержавие перестает быть законным. В этом смысле единственным самодержцем в нашей истории был Петр Великий. Правление, сопровождающееся Нарвами без Полтав, есть бессмыслица.

* * *

При Екатерине II когти правительства остались те же волчьи когти, но они стали гладить по народной коже тыльной стороной, и добродушный народ подумал, что его гладит чадолюбивая мать.

* * *

Нет ничего бесцельнее, как судить или лечить трупы: их велено только закапывать.

* * *

Вы как щенки, которые потому, что у них чешутся зубы, грызут все, что им попадается, даже собственный хвост. Они стали бы грызть и свои головы, если бы умели, да не умеют. А вы умеете, поэтому не могу признать вас щенками.

* * *

Мысль стала развязнее, не сделавшись деловитее.

* * *

Славянофильство — история двух-трех гостиных в Москве и двух-трех дел в московской полиции.

* * *

В административной опеке печати нет цели, есть только дурная привычка. Чутье своевременности. Сколько прекрасных идеалов скомпрометировано вследствие недостатка сего чутья!

* * *

История смотрит не на человека, а на общество.

* * *

Застой и порывистость. [...]

* * *

Мы много передумали, о чем прежде никто у нас не думал; но то, до чего мы додумались, было чистое знание без практического приложения. Мы стали более знающими, но еще не успели стать более умелыми. Мы привыкли смотреть на общественный порядок с фасада, какой показывало нам начальство, а теперь нам позволили,

даже предписали заглянуть на него с заднего крыльца: мы увидели, как строится он, на чем держится и чем движется. Узнать — это значит узнать много, но нужно еще больше подумать, чтобы суметь воспользоваться этим знаньем, выучиться строить и двигать общественный порядок. С большим грузом знания, но с прежними недостатками уменья мы стали резонерами, не сделавшись дельцами. Вот почему наши проекты умнее наших действий, почему мы лучше рассуждаем в гостиных, чем действуем в собраниях, почему мы умно спрашиваем и глупо отвечаем. Мы — музыканты, отвыкшие играть вследствие привычки размышлять о музыке.

——

Чем меньше слов, тем больше филологии, потому что любить слово — значит не злоупотреблять им. Лапидарный стиль. Ученый, познакомивший Европу с русскими античными надписями,— каменный мост между новой Россией и Древней Грецией. На русских камнях греческие надписи: «За русскую филологию, познакомившую Европу с Грецией, надписями на русских камнях». Лучший филологический стиль — лапидарный.

——

В Европе царей Россия могла иметь силу, даже решающую; в Европе народов она — толстое бревно, прибиваемое к берегу потоком народной культуры. Когда в международной борьбе к массе и мускульной силе присоединилась общественная энергия и техническое творчество ломившейся вперед России, где этих новых двигателей не было заготовлено, пришлось остановиться и только отбиваться, чтобы не отступать.

——

В общество несем лучшие манеры и худшие чувства, в семью дома — наоборот. [...]

——

Общность желудка и пр.; все кушают сообща, но варят своими индивидуальными желудками.

——

Нахальное бессилие.

——

В истории русской жизни есть столько и таких незатронутых вопросов, что затронуть их составит славу тех, кто их только затронет, хотя и не решит.

——

Дети играют во взрослых, а не в самих себя, потому считают себя старше своих кукол, признают их своими детьми и в качестве матерей наказывают, а не считают

своими матерями, потому что они не могут наказывать их. Можно шутить над собой, но нельзя играть собой.

Меня отпевают и даже готовят мне памятник. Но я еще не умер и даже не собрался умирать. Напротив, я жить хочу или по крайней мере долго умирать, но не скоро умереть. Поэтому за Ваше здоровье.

Реформаторы 60-х годов очень любили свои идеалы, но не знали психологии своего времени, и потому их дух не согрелся с душой времени.

Легче истолковать чувство без слов, чем слова без чувств.

Этика и эстетика

Западная Европа и Россия — социализм и капитализм.

Будем ходить в театр, чтобы возвращаться домой веселыми и уравновешенными, и покинем самообольщение,

что воротимся оттуда добродетельными. Не будем смешивать театр с церковию, ибо труднее балаган сделать церковию, чем церковь превратить в балаган. Театралы от этого не выиграют, но молельщики проиграют: первые, оставаясь театралами, не станут молельщиками, но вторые перестанут быть ими, не став театралами.

——

Высший момент — наслаждение собственной мыслью, победившей природу.

——

Искусство — слуга не воли, а мысли, не практики, а науки. Выплывут, плывя отдельно, но утонут оба, решившись спасать друг друга.

——

Что такое историческая закономерность? Законы истории, прагматизм, связь причин и следствий — это все понятия, взятые из других наук, из других порядков идей. Законы возможны только в науках физических, естественных. Основа их — причинность, категории необходимости. Явления человеческого общежития регулируются законом достаточного основания, допускающим ход дел и так, и этак, и по-третьему, т. е. случайно. Для историка

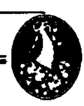
изошло, а что в чем вскрылось, какие свойства проявили личность и общество при известных условиях, в той или иной комбинации элементов общежития, хотя бы данное сочетание этих условий и элементов было необъяснимо в своем происхождении, т. е. казалось совершенно случайным.

——

Историк должен отказаться от объяснения причин самих в себе: они ему понятны только как следствия предшествующих состояний, а следствия — только новые проявления сил и свойств личности и общества при новых условиях, в новых сочетаниях элементов общежития. Если историк хочет говорить своим языком, соответствующим природе изучаемого им предмета, он может говорить не о причинах и следствиях, категориях, взятых из области логического мышления. Сводя исторические явления к причинам и следствиям, придаем исторической жизни вид отчетливого, разумно-сознательного, планомерного процесса, забывая, что в ней участвуют две силы, которым чужды эти логические определения, общество и внешняя природа. Имея в виду, что история — процесс не логический, а народно-психологический и что в нем основной предмет научного изучения — проявление сил и свойств человеческого духа, развиваемых общежитием, подойдем ближе к существу

развиваемых общежитием, подойдем ближе к существу предмета, если сведем исторические явления к двум перемежающимся состояниям — настроению и движению, из коих одно постоянно вызывается другим или переходит в другое. Из каких элементов слагается и в каких явлениях обнаруживается то и другое состояние? Эта постоянная взаимная смена обоих состояний делает исторический процесс похожим на движение щепки, брошенной в волнообразно текущий поток: разве здесь есть место для причинной связи и можно ли признать причиной движения щепки ту волну, на хребте которой мы ее видим в данное мгновение и которая сейчас же исчезнет, сменяясь другою, сейчас же возникшей?

В прагматическом, т. е. логическом, построении истории необходим посредствующий момент, связующий причины со следствиями. Таким моментом признается исторический факт, событие, как произведение причин и вместе производитель следствий. Но, разбирая составные элементы исторического процесса, мы не найдем такого посредника. Исторический факт не идет в составе самого процесса, а выделяется из него, как проявление — и притом случайное проявление — действия сил, работающих в процессе, подобно дыму, выделяющемуся из горения. Факт имеет свой источник в процессе, но сам не стано-

щихся; эти следствия вытекают из самого процесса и вытекли бы из него, если бы он обнаружился не в этом факте, а в какой-либо иной форме, в другом сочетании явлений. Крестовые походы вышли из религиозного настроения средневековой католической Европы, направленного против ислама и обостренного четырехвековой борьбой с ним. Но при другом состоянии Византии они могли бы и не состояться или скоро прекратиться, а явления, после них обнаруживающиеся и признаваемые их следствиями, заняли бы свое место в истории Западной Европы, потому что они вышли из мирного ее сближения с арабской культурой, ставшего возможным не вследствие крестовой борьбы, а благодаря прекращению завоевательного движения в самом арабском мире (разумеются культурные следствия: усиление сношений с Востоком, дипломатических и торговых, расширение знаний и понятий, заимствование искусств и житейских удобств).

Процарствуй Федор еще 10—15 лет и оставь по себе сына, западная культура потекла бы к нам из Рима, а не из Амстердама.

Способы мышления и способы познания, законы логики и метафизические категории, конечно, сохраняют непререкаемую силу во всяком акте мышления и познания.

27 – 3165

Но не всякой отраслью знания познающий ум овладел настолько, чтобы доступные ему приемы изучения и познания поднять до чистых законов логики и до отвлеченных категорий метафизики. В некоторых областях ведения он принужден пока довольствоваться некоторыми предварительными, более практическими формами мышления и определениями познания. В науках, где предмет познается путем опыта и самонаблюдения, приложимы и закон достаточного основания, и формулы возможности, необходимости, причинности, требования закономерности и целесообразности: там наблюдение можно проверять опытом, т. е. искусственно созданным явлением или внутренним ощущением. В науках, имеющих дело с историческим процессом, изучающий лишен таких методологических удобств: там наблюдение и аналогия — наиболее действительные, если не единственные средства познания. Здесь трудно спрашивать себя, от чего что произошло и могло ли произойти что-либо другое: мысль довольствуется выяснением того, что за чем следовало и следовало ли из того же то же самое или подобное в другом месте или в другое время. Так метафизическое требование причинности в историческом изучении преобразуется в искание последовательности явлений.

Разум везде, даже в метафизической области, где он сам себе хозяин, потому что сам себя изучает, признает

пределы своего познавания. Он признает, что представляемый им мир не существует только в его представлении, но что, однако, этот мир познается им, лишь насколько он есть его представление: познание и здесь стеснено пределами восприятия, наблюдения. Еще скромнее помыслы исторического ведения. Мы знаем, что в исторической жизни, как и во всем мироздании, должна быть своя закономерность, необходимая связь причин и следствий. Но при наличных средствах исторической науки наша мысль не в состоянии уловить эту связь, проникнуть в эту логику жизни и довольствуется наблюдением преемственности ее процессов. Значит, история отличается от других более точных наук не способами мышления, а только приемами изучения и пределами познания.

Нынешние экономические и политические классы в будущем заменятся разрядами или степенями интеллектуального развития, т. е. способности умственного напряжения.

Право — исторический показатель, а не исторический фактор, термометр, а не температура. Действующее законодательство содержит в себе minimum правды, возможной в известное время. Порядочные люди нуждаются

в законе только для защиты от непорядочных; но закон не преображает последних в первых. Закон — рычаг, которым движется тяжеловесный, неуклюжий и шумный паровоз общественной жизни, называемый правительством, рычаг, но не пар.

——

После Крымской войны русское правительство поняло, что оно никуда не годится; после болгарской войны и русская интеллигенция поняла, что ее правительство никуда не годится; теперь в японскую войну русский народ начинает понимать, что и его правительство и его интеллигенция равно никуда не годятся. Остается заключить такой мир с Японией, чтобы и правительство, и интеллигенция, и народ поняли, что все они одинаково никуда не годятся, и тогда прогрессивный паралич русского национального самосознания завершит последнюю фазу своей эволюции.

——

Все от нечего делать или от неумения сделать что-нибудь принялись играть, одни в конституцию, другие в революцию, превращая в куклы идеи, идеалы, интересы, принципы. Одна власть, как настоящая кукла, ни во что не играет, даже в самое себя, а, благовоспитанно-послушно сложив на бумажных коленях свои пришитые к деревянным плечикам руки, притворилась, что ее нет, и стала

выжидать, когда ее спрячут в детский шкафик. Она поняла себя очень логично: она всегда отрицала свободу, никогда не умела выразуметь, что она и есть опора свободы, и потому, даровав свободу своим подданным, она умозаключила, что этим упразднила себя, т. е. сложила с себя всякую ответственность за что-либо.

— —

Русская интеллигенция бьется о собственную мысль, как рыба об лед, на который она выбросилась от духоты подо льдом.

— —

Перестраиваются не политические понятия и общественные интересы, а политические чувства и социальные отношения; думают не о том, что делать и как устроиться, а о том, что можно сделать и захватить и чего нельзя, кто враг и кого потому надо побить и кого опасно бить. Политическая революция разделывается в социальную усобицу, и само правительство превращается в одну из социальных партий, только маскируясь в личину государственного органа.

— —

Христос дал истину жизни, но не дал форм, предоставив это злобе дня. Вселенские соборы и установили эти формы для своего времени, цепляясь за его злободневные условия. Они были правы для своего времени; но не пра-

во то позднее узколобие, которое эти временные формы признало вечными нормами, признав учение Христа только случайным началом церковного строительства.

— —

Все хотят высказаться и каждый для того, чтобы убедить самого себя в собственных мыслях.

— —

Человек работал умно, работал и вдруг почувствовал, что стал глупее своей работы.

— —

Азия просветила Европу, и Европа покорила Азию. Теперь Европа просвещает спавшую Азию. Повторит ли Азия ту же операцию над Европой?

— —

Поместный собор имеет смысл только как местный орган собора вселенского. Но вселенского собора нет; следовательно, его местные органы могут быть только мертвыми членами разорванного организма. Местные православные церкви, теперь существующие, суть сделочные полицейско-политические учреждения, цель которых успокоить наивно верующие совести одних и зажать крикливо протестующие рты других. Обе эти цели приводят к третьей, самой желанной для правящей церковной иерархии, это полное равнодушие мыслящей и спокойной

части общества к делам своей местной церкви: пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Русской церкви, как христианского установления, нет и быть не может; есть только рясофорное отделение временно-постоянной государственной охраны.

——

У нас исчезли все идеи и остались только их символы, погасли лучи, но остались тени.

——

Как они легко и охотно говорят, легче и охотнее, чем размышляют. Завидно!

——

Бюрократия есть сила, утратившая цель своей деятельности и потому ставшая бесцельной, но не переставшая быть сильной. Вы без нее не обойдетесь или сами в нее переродитесь.

——

Мы присоединили Польшу, но не поляков, приобрели страну, но потеряли народ.

——

Я не сочувствую партиям, манифесты которых сыплются в газетах. Я вообще не сочувствую партийно-политическому делению общества при организации народного

представительства. Это: 1) шаблонная репетиция чужого опыта, 2) игра в жмурки. Манифесты выставляют политические принципы, но ими прикрываются гражданские интересы, а представительство частных интересов — это такой анахронизм, с которым пора расстаться.

——

Общественные интересы не так разнообразны и недружелюбны между собою, как личные мнения, и первые легче согласить, чем вторые.

——

Сказка бродит по всей нашей истории, разыскивая и нашептывая разумные причины и дальновидные соображения там, где действовали наследственные недоразумения и слепые инстинкты, и волшебной феей навевая золотые сны сонным людям, которые, очнувшись, с сонником в руках освещают ими свою тусклую стихийную жизнь.

——

Обычные явления в жизни народов, отсталых и почему-либо ускоренно бросившихся вдогонку за передовыми: 1) возникновение множества новых занятий, требующих наскоро набранных сведений, полуобразования, и появление интеллигенции; 2) удаление этих новых классов от народной массы, неспособной так быстро усвоять новые

знания и понятия, и 3) разрушение старых идеалов и устоев жизни вследствие невозможности сформировать из наскоро схваченных понятий новое миросозерцание, из не связанных с вековыми преданиями и привычками новых занятий сложить новые бытовые основы. А пока не закончится эта трудная работа, несколько поколений будут прозябать и метаться в том межеумочном, сумрачном состоянии, когда миросозерцание подменяется настроением, а нравственность разменивается на приличие и эстетику.

— —

Изучение нашего прошлого небесполезно — с отрицательной стороны. Оно оставило нам мало пригодных идеалов, но много поучительных уроков, мало умственных приобретений и нравственных заветов, но такой обильный запас ошибок и пороков, что нам достаточно не думать и не поступать как наши предки, чтобы стать умнее и порядочнее, чем мы теперь.

— —

Нынешняя политика: менять законы, реформировать права, но не трогать господствующих интересов.

— —

Чем более сближались мы с Западной Европой, тем труднее становились у нас проявления народной свободы,

потому что средства западноевропейской культуры, попадая в руки немногих тонких слоев общества, обращались на их охрану, не на пользу страны, усиливая социальное неравенство, превращались в орудие разносторонней эксплуатации культурно безоружных народных масс, понижая уровень их общественного сознания и усиливая сословное озлобление, чем подготовляли их к бунту, а не к свободе. Главная доля вины на бессмысленном управлении.

— —

Закон жизни отсталых государств или народов среди опередивших: нужда реформ назревает раньше, чем народ созревает для реформы. Необходимость ускоренного движения вдогонку ведет к перениманию чужого наскоро.

— —

Трагизм положения в XIX веке — против правительства, борющегося со своей страной, стал просвещенный на правительственный кошт патриот, не верящий ни в силу просвещения, ни в будущее своего отечества.

— —

Чем более расширялась территория нашего государства, тем более стеснялась внутренняя свобода народа. На-

пряжение народной деятельности подавляло в народе сознание своей силы.

—•—

В нашем обществе, проходящем еще периоды геологического образования, каждое сильное лицо само вырабатывает понимание вещей и правила своей деятельности из самого процесса своей личной жизни, свободной от преданий, заветов, чужих опытов. Он, как Адам, дает вещам свои имена. Отсюда разнообразие характеров и неуловимость типов, рыхлость общества и непривычка к дружной деятельности плотными крупными союзами. У себя дома мы сильнее, чем на улице. Личный интерес господствует над общественным.

—•—

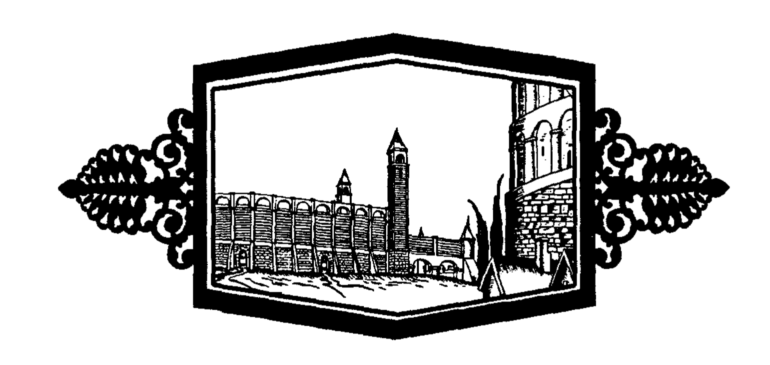
Государство не создает культуры, а только обеспечивает необходимые условия ее развития, внешнюю безопасность и внутренний порядок, личную и общественную свободу. Культура — дело творческой энергии, жизненной силы самого народа, слагающейся из мелких, но неустанных и дружных усилий отдельных лиц и частных союзов на разнообразных поприщах деятельности: экономическом, научном, литературном, художественном, благотворительном. Но и эта энергия, эта созидательная трудовая работоспособность народа не есть даровое, импро-

визированное вдохновение свыше (или снег, нежданно падающий на голову): она воспитывается наследственно преемственным рядом деятельных, трудолюбивых поколений и приспособляет к себе житейскую обстановку, нравы, весь быт народа.

СОДЕРЖАНИЕ